

К 90
723

КУЛЬТУРНЫЕ
И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ТРАДИЦИИ
НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ

НОВОСИБИРСК · 1989

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

К 90
+23

КУЛЬТУРНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Межвузовский сборник научных трудов

НОВОСИБИРСК 1989

**Культурные и хозяйственные традиции народов
Западной Сибири: Межвузовский сборник научных
трудов.— Новосибирск: Изд. НГПИ, 1989.— 144 с.**

Сборник подготовлен коллективом археологов и этнографов Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. На широкой источниковой базе авторы решают ряд конкретных вопросов этнокультурного и культурно-хозяйственного развития коренного населения Западной Сибири. Хронологические рамки сборника охватывают несколько тысячелетий: начало II тыс. до н. э.— начало XX в. н. э.,— что позволяет проследить преемственность культурных и хозяйственных традиций на широком историческом фоне в длительный период времени.

Сборник предназначен для археологов и этнографов, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР **В. И. Молодин** (отв. редактор);
д-р ист. наук **В. И. Васильев**; канд. ист. наук **И. Г. Глушков**;
канд. ист. наук **А. В. Головнев**; канд. ист. наук **Е. П. Мартынова**.

Рецензенты:

кафедры истории СССР и истории КПСС Тобольского педагогического института;
доцент кафедры истории СССР Новосибирского пединститута,
канд. ист. наук **В. И. Соболев**.

Е. Г. ФИЛЬЧАКОВ

Тобольский педагогический институт

ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА р. КОНДЫ

Энеолитические культуры Западной Сибири давно привлекают внимание археологов. В 50-е годы В. Н. Чернецов выявил в Нижнем Приобье липчинскую культуру¹. Дальнейшее расширение сточниковедческой базы позволило В. Ф. Старкову выделить в группы липчинской керамики — ложношнуровую и гребенчатую (моршининский тип)². М. Ф. Косаревым была проведена сторико-хозяйственная интерпретация липчинской культуры³. Обозначились контуры распространения липчинской керамики — территория лесного Зауралья и прилегающие к нему районы Западной Сибири.

Следует отметить, что в районах Нижнего Притоболья и Прииртышья В. Ф. Старковым была выделена другая энеолитическая культура — шапкульская — со специфической орнаментацией формой сосудов⁴. Пока не совсем ясно происхождение данных культур, а также их соотношение. В настоящее время известен ряд памятников с совместным залеганием керамики липчинского и шапкульского типов⁵.

С 70-х годов началось интенсивное исследование бассейна Конды, в результате накоплен значительный керамический материал похи энеолита, который по своему облику (форма сосудов, наличие еометризма) близок материалам липчинской культуры и энеолитической керамике Сартыньи-1⁶. Однако, несмотря на сходство, энеолитическая керамика бассейна Конды специфична и своеобразна, поэтому отнесение кондинской керамики к липчинскому шапкульскому типам пока условно.

В данной работе предпринята попытка *сравнительной типологической классификации керамики обоих типов на основе технологических методов исследования*.

Археологические комплексы, материалы которых использованы в статье, расположены в проточно-озерной системе р. Конды и представлены тремя памятниками: Панькино I, Леуши XIX и Леуши VIII. На поселении Леуши XIX было выявлено жилищное сооруже-

ние, на поселениях Паныкино I и Лева VIII следов жилищных и хозяйственных построек не обнаружено, энеолитическая керамика залегала в нижних слоях.

Керамика поселения **Леуши XIX** подразделяется на *три группы* — А (липчинского типа), Б (шапкульского типа) и В (керамика позднего неолита). Керамика *группы А* (рис. 1) представлена сосудами митровидной формы с приостренным дном. Орнамент обычно выполнен гребенчатым штампом. Для него характерно зональное деление, как горизонтальное, так и вертикальное. Среди орнаментальных мотивов преобладают геометрические фигуры. Любопытно отметить, что постановка гребенчатого штампа часто имитирует «ложношнуровой».

Группа Б — тонкостенные сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком (рис. 2). Под венчиком идет ряд малых по размеру сквозных ямок. Орнаментация имеет специфические особенности и отличается от «классической шапкульской» техникой постановки орнамента. Орнамент довольно однороден — горизонтальные ряды непрерывного гребенчатого штампа, полые и заштрихованные треугольники.

Для энеолитической керамики поселения **Паныкино I** характерна орнаментация, аналогичная группе А (липчинского типа) поселения Леуши XIX (рис. 3). Это сосуды митровидной формы полужакрытого типа с приостренным дном. Она отличается от посуды поселения Леуши XIX: под венчиком проходит ряд (иногда два) ямочных вдавлений. Орнаментальный рисунок — сотовые композиции с ямочными вдавлениями в виде креста, зигзаги из ямок, соединенные гребенкой, ямочные пояса.

Для орнамента посуды поселения **Лева VIII** характерен ярко выраженный «геометризм» (рис. 4) Орнаментальная композиция очень разнообразна. Это заштрихованные квадраты, ряды решеток, ряды «шагающей гребенки», зигзаги, ромбы, расположенные в шахматном порядке. В одном экземпляре в коллекции представлен фрагмент днища, напоминающий шапкульскую керамику (рис. 4, 8).

Технологический анализ керамики поселения **Леуши XIX** по составу формовочной массы позволил выделить *четыре подгруппы*:

1) глина содержит естественную добавку песка до 5%. Гранулометрический состав песчаных фракций 0,1—0,3 мм. Фракции окатанные, распределены равномерно;

2) формовочная масса содержит искусственную добавку песка до 15%. Гранулометрический состав искусственной добавки песка 0,6—1 мм, естественный 0,1—0,3 мм. Неравномерное распределение неокатанных фракций песка говорит о плохом помесе формовочной массы;

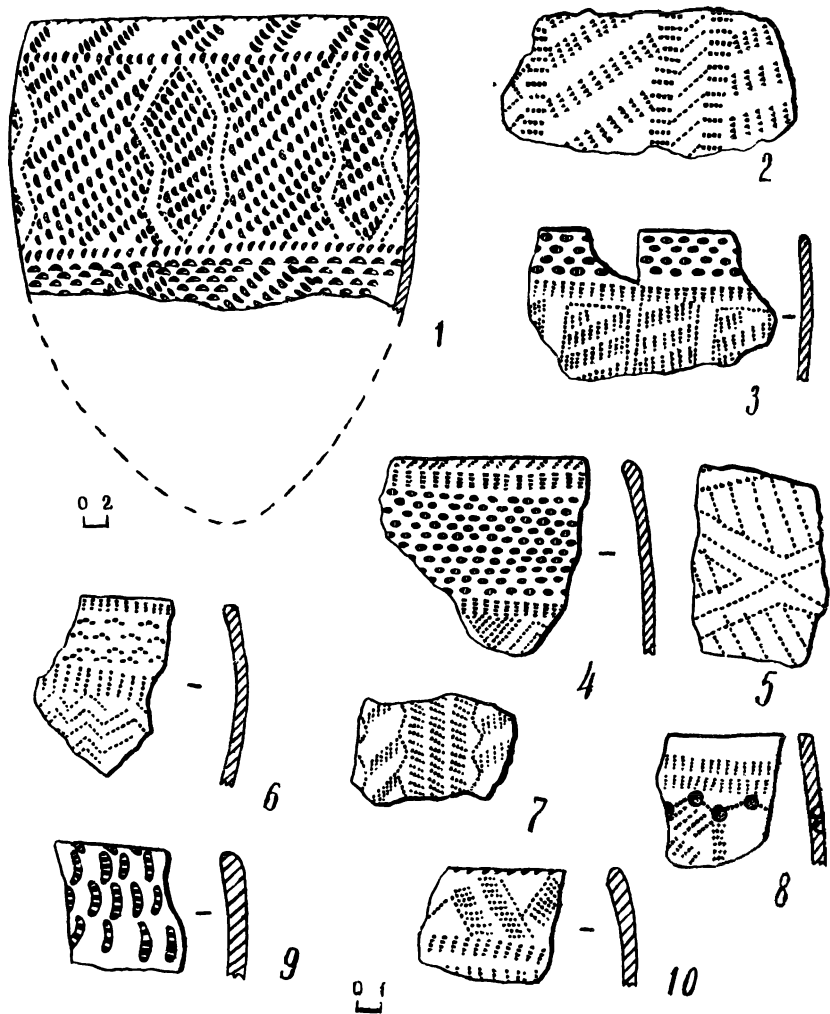
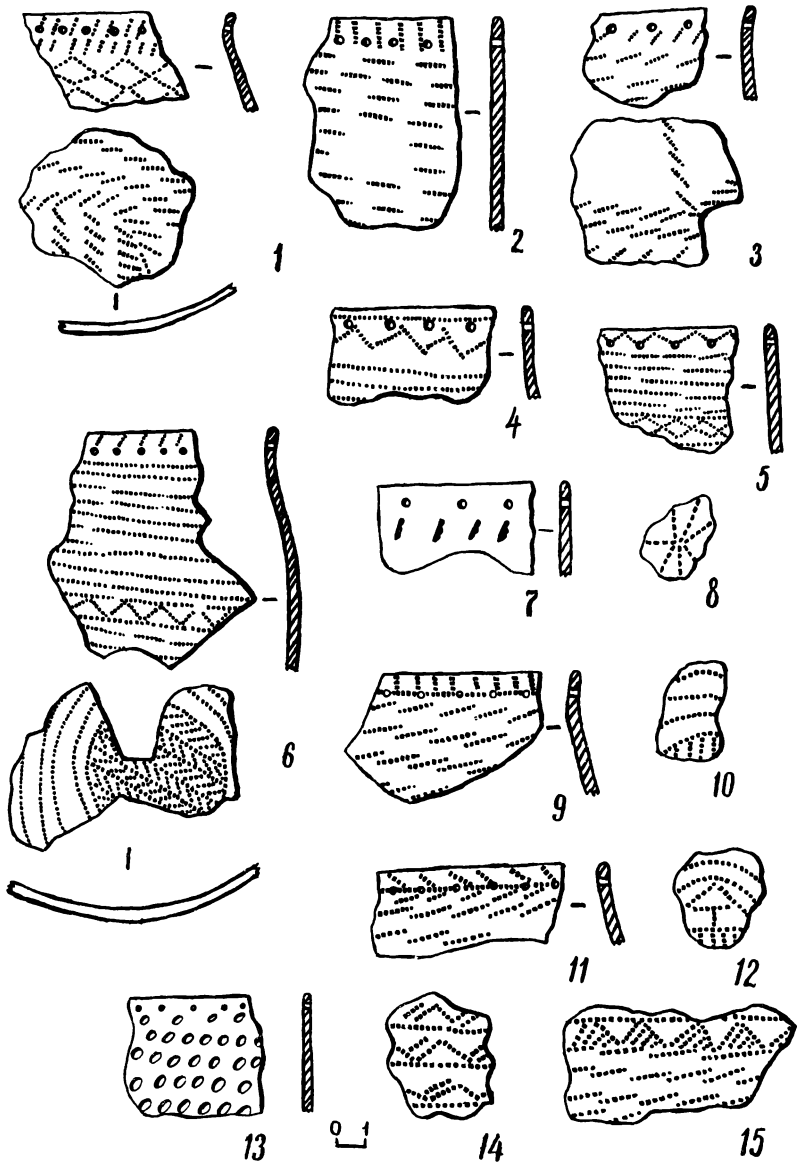

Рис. 1. Керамика липчинского типа поселения Леуши XIX

Р и с. 2. Керамика шапкульского типа поселения Леуши XIX

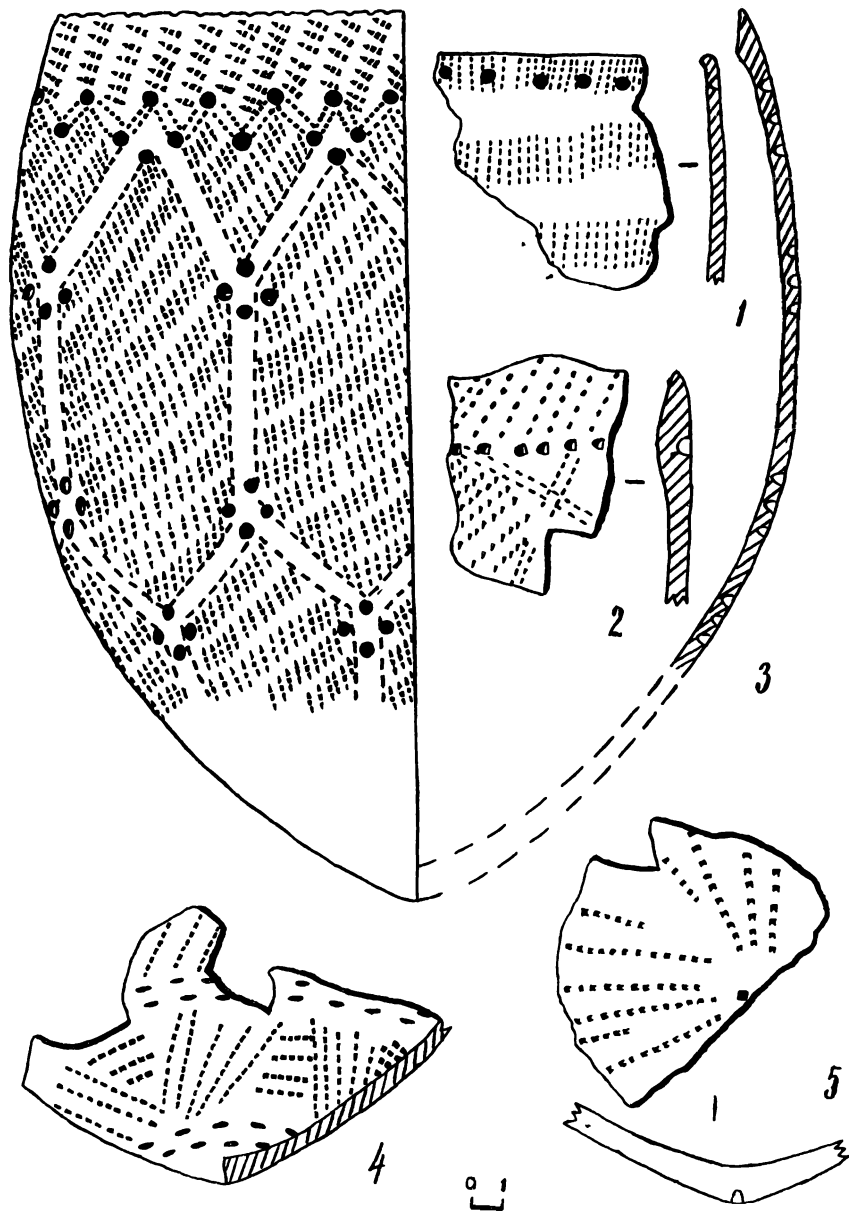

Рис. 3. Керамика поселения Панькино I

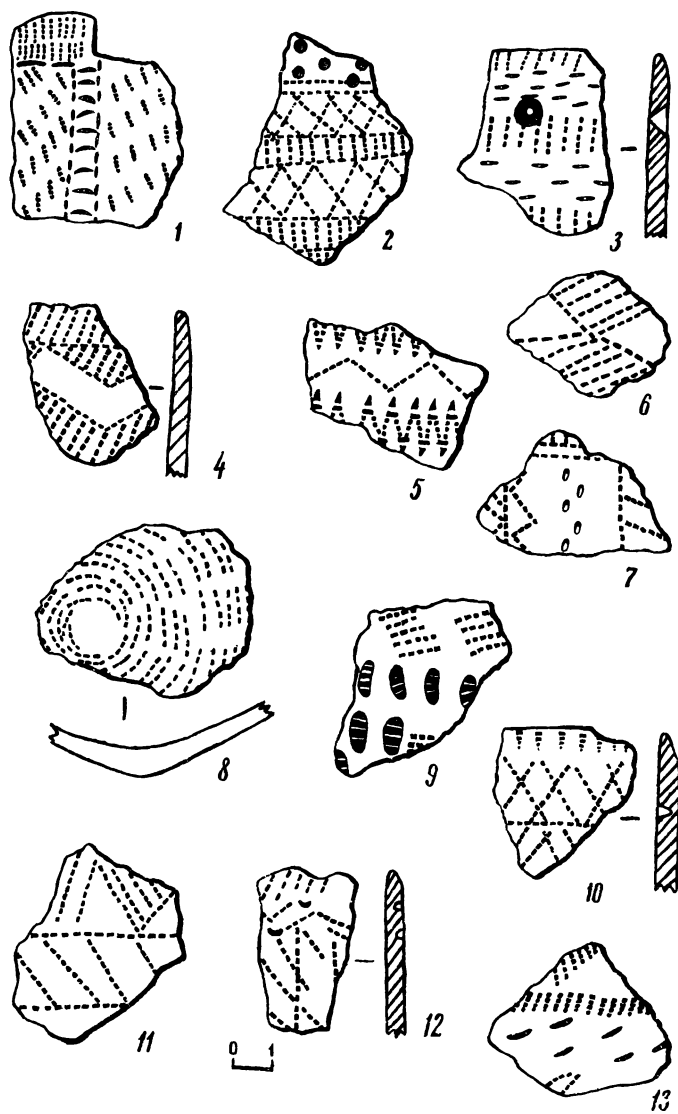

Рис. 4 Керамика поселения Лева VIII

3) в состав глины входит искусственная примесь песка и шамота до 12%. Прозрачный шлиф позволил установить, что в качестве шамота служили дробленые осколки сосуда плохого обжига. Гранулометрический состав фракций шамота от 0,8 до 4 мм;

4) в состав глинистой массы примешивалась органика, которая использовалась в качестве выгорающей добавки. Микроструктура черепка выражена полыми продолговатыми порами, расположенными хаотично.

По технологическим характеристикам керамика группы А разбивается на *две группы* (рис. 5 А): а) пористость 30—38%, плотность 1,5—1,6 г/см³; б) пористость 24—30%, плотность 1,7—1,8 г/см³

Формовка сосудов производилась ленточным способом, начиная с днища. Внутренняя сторона сосудов заглаживалась гладким предметом. Иногда применялась и грубая обработка гребенчатым штампом.

Исходным сырьем для керамики группы Б (шапкульского типа) служила ожелезненная глина с добавкой мелкой фракции песка до 20%. По количеству песчаной добавки в группе Б выделяются *две группы* (рис. 5 А, Б): а) с содержанием песка от 2 до 20%, пористость 32—38%, плотность 1,35—1,5 г/см³; б) с содержанием песка от 20 до 35%, пористость 32—30%, плотность 1,55—1,6 г/см³

Формовка сосудов группы Б производилась с днища: на ленту шириной от 5 до 6 см налеплялась другая, крепившаяся внутренним поддепом. Посуда обжигалась в окислительном режиме открытого костра.

Посуда с поселения **Панькино I** по качеству и составу примесей разбивается на *три подгруппы*:

1) в составе глины присутствует естественная мелкая песчаная фракция, которая распределена равномерно;

2) глина с искусственной примесью песка до 15%. Крупные фракции распределены неравномерно;

3) наблюдается примесь шамота до 10%. Фракции шамота неоднородны. По технологическим показателям на корреляционном графике (рис. 5 А) данная группа располагается рядом с 1-й группой липчинской керамики поселения Леуши XIX. Сосуды лепились с днища. Обжиг был кратковременным в окислительном режиме на открытом костре.

На поселении **Лева VIII** по составу примесей выделяется *три подгруппы*:

1) с естественной добавкой мелкого песка до 8%. Гранулометрический состав окатанного песка 0,2—0,5 мм. Фракции распределены равномерно;

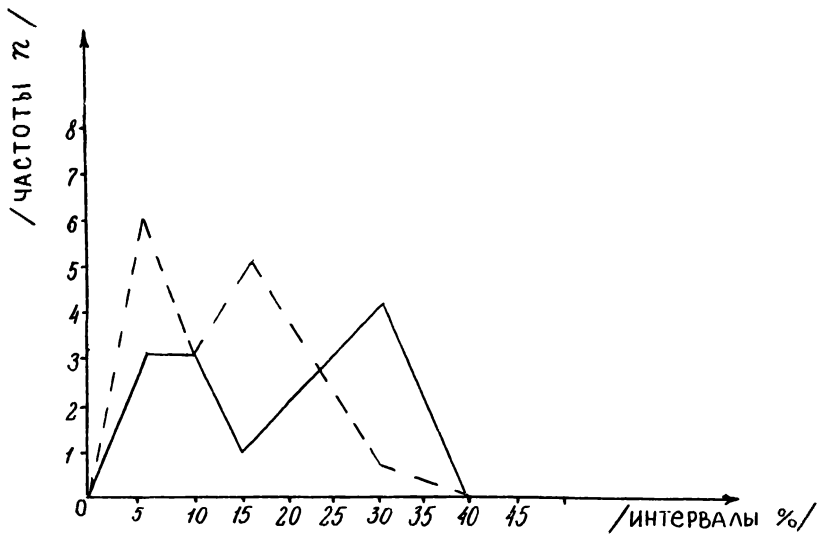
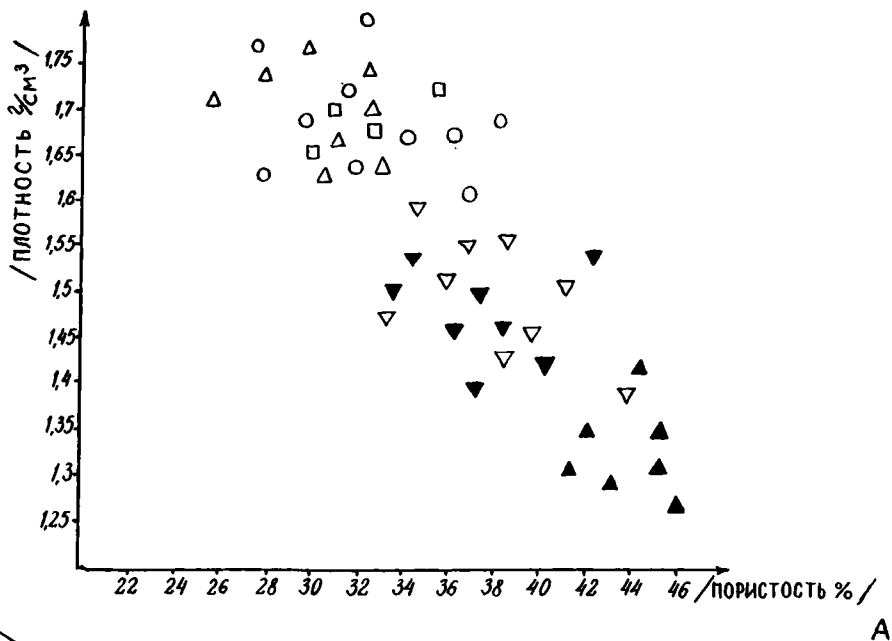

Рис. 5. А — график технологических показателей, поселение Леуши XIX:

△ — I группа, ▽ — II группа (керамика липчинского периода), ▲ — I группа, ▼ — II группа (керамика шапкульского типа), ○ — керамика поселения Лева VIII, керамика поселения Панькино I; Б — соотношение примесей песка в керамике поселения Леуши XIX группа А (липчинский тип), группа Б (шапкульский тип)

2) наряду с естественной присутствует искусственная примесь песка до 16%. Крупные неокатанные фракции от 0,5 до 0,9 мм расположены неравномерно;

3) в глине присутствует примесь шамота до 15%. Гранулометрический состав фракций шамота до 3 мм.

На корреляционном графике (рис. 5 А) по технологическим показателям керамика поселения Лева VIII располагается совместно с керамикой поселения Панькино I и 1-й подгруппой липчинского типа поселения Леуши XIX. Формовка сосудов производилась путем внутреннего подлепа ленты. Внутренняя поверхность сосудов заглаживалась гладким орудием. На некоторых фрагментах поверхность дает тусклый отблеск.

Полученные технологические данные позволяют нам выявить различия и сходство между шапкульской и липчинской керамикой поселения Леуши XIX (рис. 5 А, Б). Сходство наблюдается в составе формовочных масс, выделяется группа с одинаковыми технологическими показателями (рис. 5 А). Что касается керамики липчинского типа поселения Леуши XIX, Панькино I и Лева VIII, то здесь наблюдается сходство *технологических показателей* групп (рис. 5 А) в формовке, в обжиге, в обработке поверхности. Все это позволяет говорить о *консервативности гончарных традиций* липчинской культуры.

Шапкульский комплекс имеет собственную декоративную схему, форму сосудов, выделен ареал его распространения, но на сегодняшний день известен ряд памятников с совместным залеганием липчинской и шапкульской посуды. Керамика липчинского типа поселения Леуши XIX, несмотря на различие в декоративной и типологической схемах, по технологическим данным демонстрирует некоторое сходство с шапкульским типом (подгруппы без искусственных примесей, подгруппы с естественной добавкой песка (рис. 5 Б), группа липчинской и шапкульской керамики с одинаковыми технологическими показателями (рис. 5 А).

Можно предположить, что керамика шапкульского типа имела какое-то особое функциональное назначение. Однако, на наш взгляд, более вероятно, что на поселении Леуши XIX жили две группы населения с разными гончарными традициями, но контактирующие друг с другом, в результате чего были заимствованы некоторые приемы изготовления посуды.

ПРИМЕЧАНИЯ

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35. С. 38.

² Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 148.

³ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

⁴ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1981. С. 157—158.

⁵ Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере//Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 101.

⁶ Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы//Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

И. Г. ГЛУШКОВ

Тобольский педагогический институт

О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ ПОСЕЛЕНИЯ САМУСЬ IV

Поселение Самусь IV вошло в историю изучения бронзового века Западной Сибири как наиболее яркий, своеобразный памятник, вызвавший много споров и дискуссий. Наиболее характерной его особенностью является наличие мощного бронзолитейного комплекса антропо-зооморфной керамики, очевидно, культовой по своему характеру. В. И. Матюшенко писал, «что попытки найти в ближайших районах памятники с подобными материалами окончились неудачей. Таких памятников нет»¹ Он рассматривал керамику с антропозооморфными рисунками и многогранные сосуды как результат культурной диффузии, когда основные черты этого комплекса могли быть переданы через племена, расселенные в конце III — начале II тыс. до н. э. в степях Казахстана, при отсутствии прямых контактов приобского населения с племенами Средней Азии²

В ином аспекте рассматривала этнокультурную карту эпохи бронзы Г. И. Пелих. Анализируя проблемы происхождения селькупов, она проводила аналогии между самусьской культурой и древними культурами Передней Азии³ По ее мнению, «в конце II тыс. до н. э. в южных районах Томской области появилась новая, глубоко специфическая бронзовая культура, близкая древним культурам Передней Азии. В дальнейшем эта культура сохранилась в некоторых районах Томской области и дожила до наших дней в виде компонента «А», вошедшего в состав культуры нарымских селькупов»⁴. В. Д. Славнин, разбирая антропоморфные изображения на керамике и каменную пластику Самусь IV, писал «о каком-то внешнем воздействии, способствовавшем быстрому возникновению плавки металла в достаточно широких масштабах и с очень совершенной технологией»⁵.

Однако не все исследователи признают влияние юга в середине II тыс. до н. э. Так, В. И. Мошинская, говоря о южной волне на север Западной Сибири, имеет в виду в первую очередь район Прииртышья, откуда, по ее мнению, попали на Север бронзовые изделия семейских форм⁶. Не затронута проблема южных связей Самусь IV в работах М. Ф. Косарева.

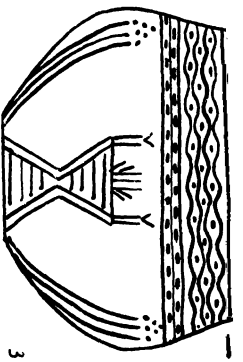
Задачи настоящей статьи, может быть, в большей степени имеют источниковедческий характер: *показать особенности южного комплекса Самусь IV, наметить возможные пути и характер его появления в Западной Сибири.*

В результате статистического анализа керамики, проведенного по пяти признакам (форма, орнамент, характер среза венчика, орнамент по срезу, обработка поверхности), было выделено 3 группы: группа А, связанная с гребенчатой лесной посудой; группа Б — накольчато-отступающая (собственно самусьская посуда) и группа В — условно южная⁷. Сосуды этой группы представляют собой профилированные банки, приближающиеся к горшкам с относительно высокой шейкой. Диаметр устья равен наибольшему диаметру тулова. Срез венчика, как правило, приостренный или округлый, орнамент по срезу не наносился (рис. 1). Сосуды формовались с днища жгутовым способом с последующей выбивкой. Особого внимания заслуживает формовка многоугольных сосудов (рис. 1). Их так же, как и обычные сосуды, изготовляли из жгутов, днище делалось сразу многоугольным. Примерно до середины емкость формировалась как многоугольник, но начиная с наибольшего расширения, она приобретает черты округлости.

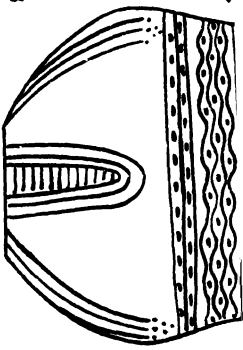
По всей видимости, многоугольные сосуды представляют имитацию в глине кожаной емкости. Дело в том, что для изготовления кожаного сосуда с плоским дном необходим раскрой куска кожи на клинья. Устье не требует клиньев и может быть изготовлено из одной полосы кожи, свернутой в цилиндр. Глиняные сосуды, имитирующие кожаные емкости, известны в археологических материалах эпохи железа в Новосибирском Приобье⁸. В более позднее время известны металлические серебряные сосуды, имитирующие кожаные, раскрой которых аналогичен самусьским⁹.

Как известно, кожаная посуда — это атрибут в большей степени скотоводческого хозяйства. Кроме того, к южной группе принадлежат сосуды с ушками для подвешивания, которые наряду с кожаными могут быть отнесены к дорожной посуде (рис. 1, 4). Некоторые керамические формы, характеризующие южный комплекс, свидетельствуют о производящем характере хозяйства, а материалы собственно самусьской культуры (группа Б) демонстрируют присваивающие виды — рыболовство, охоту.

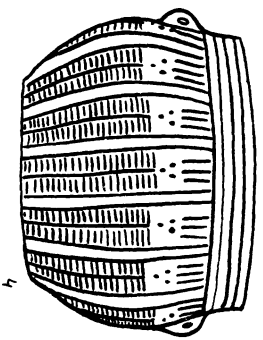
Сосуды южной группы отличаются от остальных не только

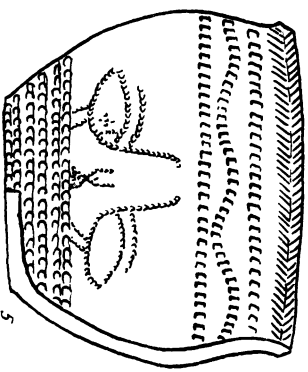
1

3

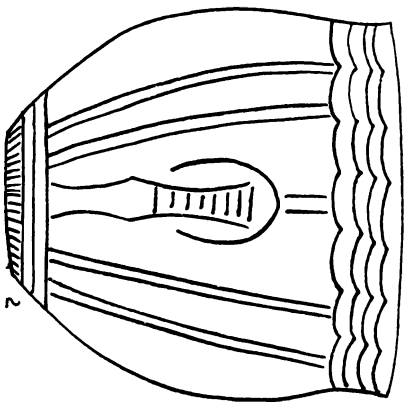
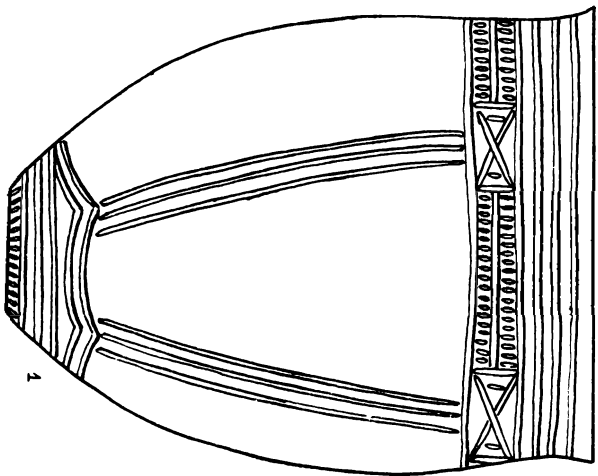

4

5

Р и с. 1 Антропоморфная керамика Самуя IV

по форме, но и по способу обработки поверхности, условиям обжига. Внешняя поверхность сосудов имеет светло-коричневый цвет, отличный от основной массы черепка. В прозрачных шлифах визуально выделяемый более светлый слой не является обмазкой или ангобом. Под микроскопом хорошо просматривается совершенно одинаковый состав минералов и глинистой фракции как в поверхностном слое, так и в основном черепке. Очевидно, разница в цвете обусловлена влиянием определенного режима обжига. Э. В. Сайко предположила, что подобная цветовая окраска создавалась в результате покрытия сосуда тонкодисперсной глиняной эмульсией, образованной протиранием сосуда после окончания формовки «глиняной водой». Так «создавалась более плотная и гладкая поверхность. При обжиге влага глины со всей толщины стенок выходила наружу, увлекая за собой мельчайшие частицы глины. Это еще более уплотнило поверхность. Во время обжига мельчайшие частицы глиняной поверхности быстрее реагировали на температурные изменения и характер среды, которая часто имела определяющее значение»¹⁰. По всей видимости, большинство сосудов южной группы демонстрирует какой-то особый режим обжига, отличный от обжига сосудов двух других групп.

Неместные традиции проявляются также в одном из рецептов формовочной массы. Он состоит в смешении двух сортов глины различной пластичности. Однако в таких случаях наряду со смешанными глинами использовался и дробленый гранит. Подобные сосуды демонстрируют явное смешение технологических традиций. Использование смешанных глин характеризует высокий уровень технологического процесса, когда возникла потребность в более пластичном, тщательном отборе и сортировке сырья для производства сложных форм. Для подобной формовочной массы необходимы совершенные условия обжига, при которых сосуд постепенно и равномерно прокаливался (керамические печи). При неравномерном обжиге сосуды из тонкодисперсных глин, лишенных грубых примесей, растрескиваются. В условиях примитивных обжиговых сооружений Западной Сибири формовочная масса, составленная из разных глин, была нецелесообразна. Ее наличие для некоторых сосудов южной группы являлось реликтом какой-то иной традиции, с более совершенной технологией производства сосудов. Подобная рецептура известна в керамике из поселений Средней Азии, где она получила широкое распространение¹¹.

Наиболее ярким и существенным признаком, отличающим керамику южной группы от любой другой, является *орнамент*. Орнаментальная композиция заключается в так называемой облегченной схеме узора, при которой рисунком плотно запол-

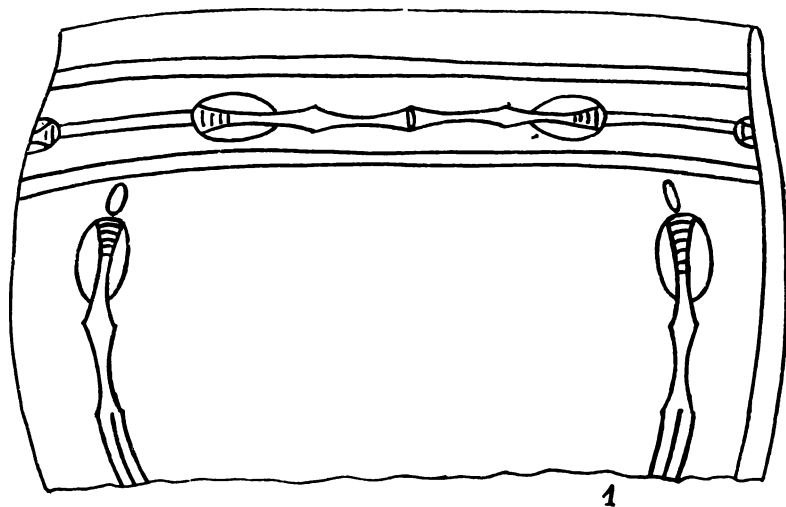
нены только приустьевая и придонная зоны. *Основными орнаментальными мотивами* под венчиком являются очень четкие вертикально поставленные насечки в сочетании с прямыми линиями, «лесенкой», шахматной волной и т. д. (рис. 1, 3, 2). Совершенно не характерны для этой посуды ямочные вдавления, накольчато-отступающая и движущаяся техника орнаментации.

Устьевая и придонная орнаментальные зоны соединялись между собой тройными вертикальными линиями, тройными линиями из луночных вдавлений, иногда лесенками и т. п. (рис. 1, 1, 2). К этой же орнаментальной группе относится и антропоморфная керамика: рисунки четко вписаны и подчинены всей орнаментальной композиции (рис. 2, 1, 3; рис. 3). Зооморфные мотивы, в частности стилизованные морды животных, на внутреннем срезе венчика относятся по своим декоративно-морфологическим признакам к накольчато-отступающему комплексу Б.

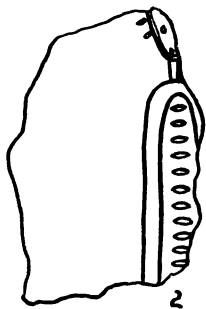
Сходство гребенчатого и южного комплексов составляет 16,1%, южного и накольчато-отступающего — 36,5%. По критериям, предложенным Д. Кларком и В. М. Массоном¹² и проверенным на палеолитических материалах Ю. П. Холушкиным¹³, керамика южной группы представляет собой по отношению к гребенчатому комплексу совершенно иную культурную общность, а по отношению к накольчато-отступающему комплексу составляет верхний предел между культурой и культурной общностью. Отличия орнаментальной традиции сосудов южной группы заключаются не только в иных элементах и мотивах узора, но, что самое важное, и в принципиально иной системе записи орнамента. В. Д. Ковалевская сравнила древний орнамент с языком¹⁴ и, если использовать это образное, но точное сравнение применительно к орнаментации на самусьских сосудах, то можно сказать, что язык записи текста (орнамента) южной группы существенно отличается от языка гребенчатой и накольчато-отступающей орнаментации. Эти отличия можно выразить количественно в терминах теории информации.

Орнаментация южной и накольчато-отступающей керамики представляет собой закодированный определенным образом текст. Кодировку можно проводить разными знаками, но по одному и тому же принципу, тогда на содержательном уровне можно говорить об одном языке (традиции), выраженном в различных формах. Однако если отличаются не только знаки, но и система записи, то речь идет о различных языках (традициях).

Нам известен алфавит текста. Представим, что выбор любого знака древним мастером равновероятен, тогда максимальная энтропия (H_0) равна 3,58 бит. Но буквы в тексте имеют различные вероятности: одни повторяются чаще, другие — реже. Если для мастера какие-либо знаки были наиболее предпочтительны,

1

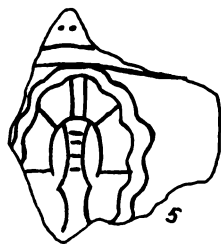
2

4

3

5

Рис. 2. Антропоморфная керамика Самуся IV

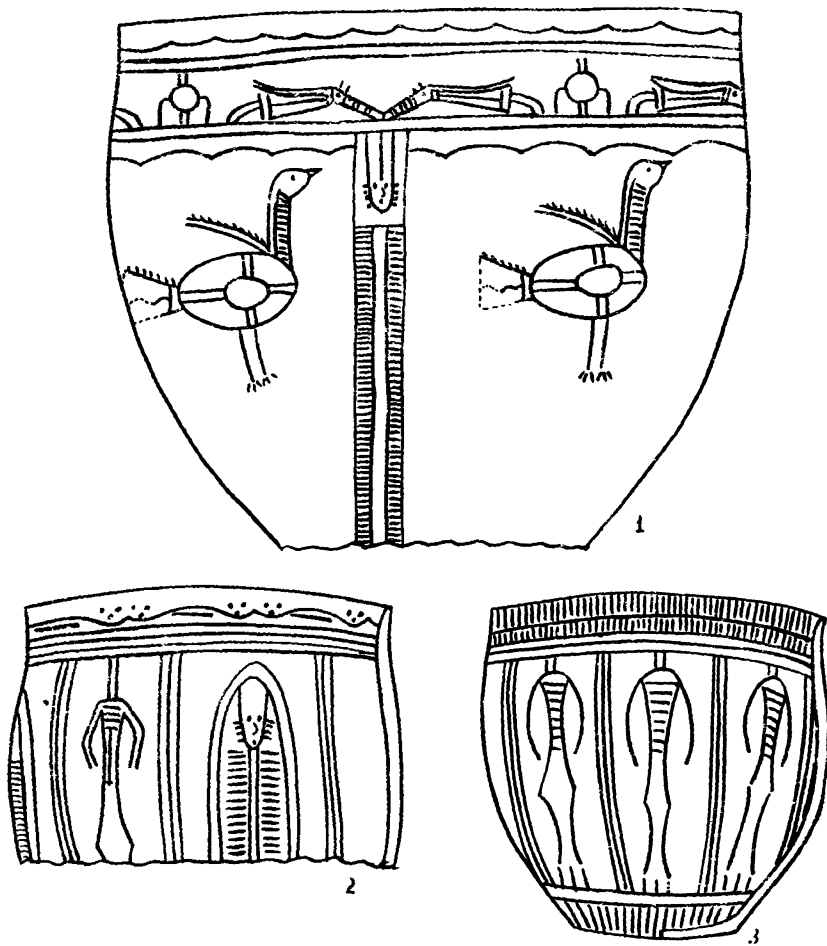

Рис. 3. Антропоморфная керамика Самуся IV

«любими» (т. е. известна частота знака), то энтропия буквы равна 1,94 бит; избыточность 46%. Предположим, что мастеру известна не только частота знака, но и некоторые правила записи текста (позиция буквы). В этом случае энтропия буквы равна 1,46 бит; избыточность — 60%. При условии знания двух позиций, энтропия буквы равна 1,73 бит; избыточность — 52%. Знание трех позиций снижает энтропию до 0,46 бит и повышает избыточность до 88%.

Древний мастер, создающий узор, руководствовался не только особыми декоративными элементами, но и специфической системой записи этих элементов, системой традиционной, при которой позиция каждого последующего знака была обусловлена позициями предыдущих знаков. Интересен факт снижения избыточности предыдущих знаков на третьей букве. Это означает, что выбор третьей буквы мастером осуществлялся в большей степени случайно, чем второй, и закономерность появления четвертой буквы по отношению к третьей резко увеличивалась. Система записи орнамента на сосудах южной группы имела двойной код.

Совершенно иные количественные показатели имеет керамика накольчато-отступающей группы Б; $H_0=3,8$ бит; $=27\%$; $H_1=1,6$ бит; $=50\%$; $H_2=0,95$ бит; $=75\%$; $H_3=0,58$ бит; $=85\%$. В отличие от орнамента южной группы, малая избыточность «текста» накольчато-отступающей керамики не позволяет значительно сократить запись без потери информации. А орнаментальные «тексты» на южных сосудах поддаются такому сокращению.

Таким образом, языки орнаментальной записи обеих групп принципиально различны. «Язык» южной группы обладает более жесткой и простой структурой при явном отсутствии деталей. В процессе взаимодействия оба языка еще не смешались и не утратили своей специфики, хотя отдельные орнаментальные элементы являются общими для них.

Все перечисленные выше отличия сосудов южной группы по формам, технологии и орнаментации позволяют обособить ее в культурном отношении как от гребенчатой, так и от накольчато-отступающей керамики. Причем, судя по тому, что южная традиция в керамике представлена очень компактно, она не размыта и не растворена ни в одном из этих комплексов, можно предполагать сильное, но не растянутое во времени воздействие какого-то монолитного культурного образования на местное население. Сравнивая сосуды южной группы с предшествующими и синхронными керамическими комплексами Западной Сибири, мы действительно, как писал В. И. Матюшенко, не находим никаких связей ни в форме, ни в орнаменте, ни в технологии изготовления. Самой полной, хотя и очень далекой и поэтому «пугающей» аналогией явля-

ется сопоставление этого комплекса с керамикой земледельческих культур юга Средней Азии, а через них с культурами Переднего Востока. В приложении к статье дана сравнительная таблица орнаментов Самуся IV и орнаментов на печатях и сосудах из Средней Азии и Месопотамии. Для таблицы взяты не отдельные элементы орнамента, а наиболее типичные, широко распространенные мотивы (рис. 4).

Как видно из таблицы, сходство проявляется не только в схеме самих мотивов, но в некоторых случаях даже в технике исполнения (прочерченные желобки). Так, например, многорядовые волнистые линии, между которыми в шахматном порядке расположены неглубокие лунки, — орнамент, широко представленный на южных сосудах Самуся IV, имеет полный аналог в глиптике Месопотамии. Он ведет свое происхождение от реалистического изображения реки и рыб¹⁵. Примечательно и то, что на самусьских сосудах описываемый мотив располагается только под венчиком и никогда на тулове или в придонной части. Именно приустьевая зона на сосудах раскрывает сложный образ нижнего мира, а с ним, как известно, у многих народов ассоциировались вода и ее обитатели.

Близость самусьских и южных орнаментов заключается также в широком использовании прямых горизонтальных и волнистых лестничных поясков, общей схеме построения орнамента. Последнее обстоятельство особо важно в связи с тем, что вся композиция на самусьских (южных), среднеазиатских, месопотамских и кавказских антропоморфных сосудах включает в себе какой-то близкий по содержанию, сложный мифологический образ (рис. 1, 5; рис. 2, 1, 3; рис. 3). В трактовке многих изображений на этих сосудах наблюдается общее не только сюжетное, но и стилистическое сходство, выраженное в передаче многих деталей. Наиболее часто встречаемое изображение человека представляет собой образец так называемого «биконического» стиля, характерного для искусства скотоводческих и земледельческих племен Ближнего Востока и юга Средней Азии, которая является северо-восточной периферией его распространения¹⁶.

На южной керамике Самуся IV часто встречается изображение человека в овале. Оно, как правило, соединено с ним несколькими штрихами. Нами уже высказывалось предположение, что это имитация предметов, у которых соединение фигуры с контуром несло обязательно функциональную нагрузку¹⁷. Такими предметами могли быть изделия типа прорезных бронзовых печатей, получивших широкое распространение в начале II тыс. до н. э. на юге Средней Азии и на Переднем Востоке¹⁸. Фигура человека изображалась на них до пояса в фас с поднятыми вверх или опущенными вдоль тела руками (сравните с самусьскими изображениями:

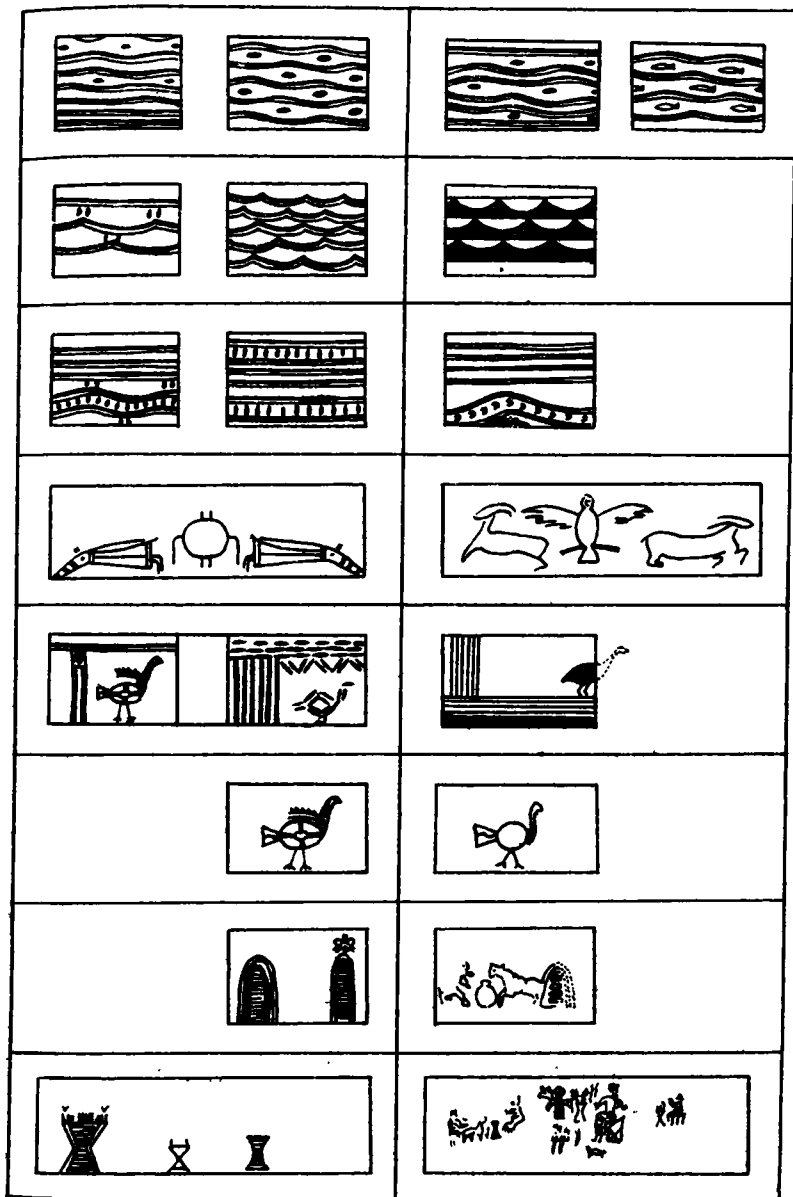

Рис. 4. Сравнительная таблица декора Самуся IV и переднеазиатской глиптики и орнаментики

рис. 2, 3, 5). Подобное бронзовое изображение (прорезная печать?) известно из Новосибирского Приобья и отнесено В. И. Молодиным к самусьской культуре¹⁹

Расположение антропозооморфных сюжетов в общем контексте всей композиции на самусьских сосудах аналогично построению подобных схем на сосудах из Двуречья и земледельческих оазисов Средней Азии (рис. 5). Сходство заключается в одних и тех же принципах организации изображаемого пространства. Для правильной его передачи необходимо расположить орнамент на плоскости. В профильном изображении сосуда (вид сбоку) антропоморфная композиция предстает в виде трех зон: верхней (устье), средней (тулово), нижней (придонная часть). При таком рассмотрении композиции не учитывается орнаментация дна сосуда, т. е. какая-то часть общей схемы.

Днище, как правило, рассматривается и рисуется археологами отдельно от всего сосуда. При этом вольно или невольно часть вырывается из контекста целого. Между тем, являясь одним из мотивов, орнаментация дна органически вписана в общую композиционную схему сосуда. Его определенная семантическая значимость обусловлена некоторыми специфическими особенностями древнего искусства, заключающимися в том, что художник соотносит не отдельные фрагменты своего произведения с соответствующими фрагментами действительности, а целый мир изображения с реальным изображаемым миром²⁰. Для него часть не может существовать вне целого. Поэтому знаковость дна наряду с придонной частью, туловом и устьем представляет собой целостное изображение реальной действительности — объект творческого осмысления художника.

В связи с этим представляется, что правы те исследователи, которые предлагают представить сосуд в виде разверстки или плоскости круга²¹. При таком подходе знаковая ситуация дна и придонной части образует единую сюжетно-композиционную схему с мультиплицированным построением средней и верхней зон (рис. 5).

С позиции организации изображаемого пространства рисунки на самусьских и переднеазиатских сосудах выполнены в системе передачи пространственных характеристик в обратной перспективе. По отношению к прямой перспективе, которая представляет изображение таким, каким оно рисуется извне, с какой-то внешней по отношению к нему точки, обратная перспектива предполагает внутреннюю позицию художника, когда он не огражден от изображаемого мира, а помещает себя как бы внутрь его, изображая мир вокруг²². Специфической особенностью подобной передачи объекта на изобразительную плоскость является перевернутость изображения. В круговой плоскости сосуда чело-

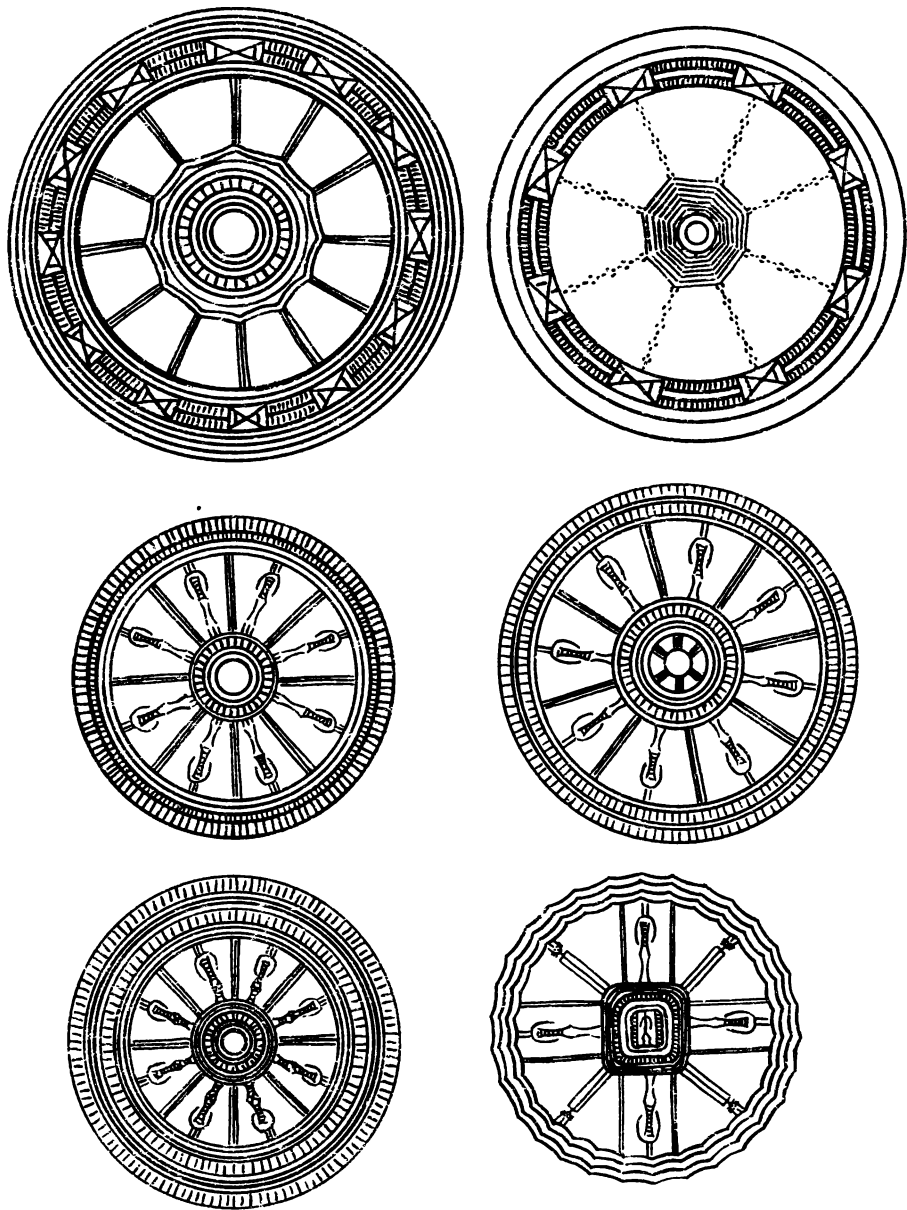

Рис. 5. Круговые диаграммы сосудов Самуся IV

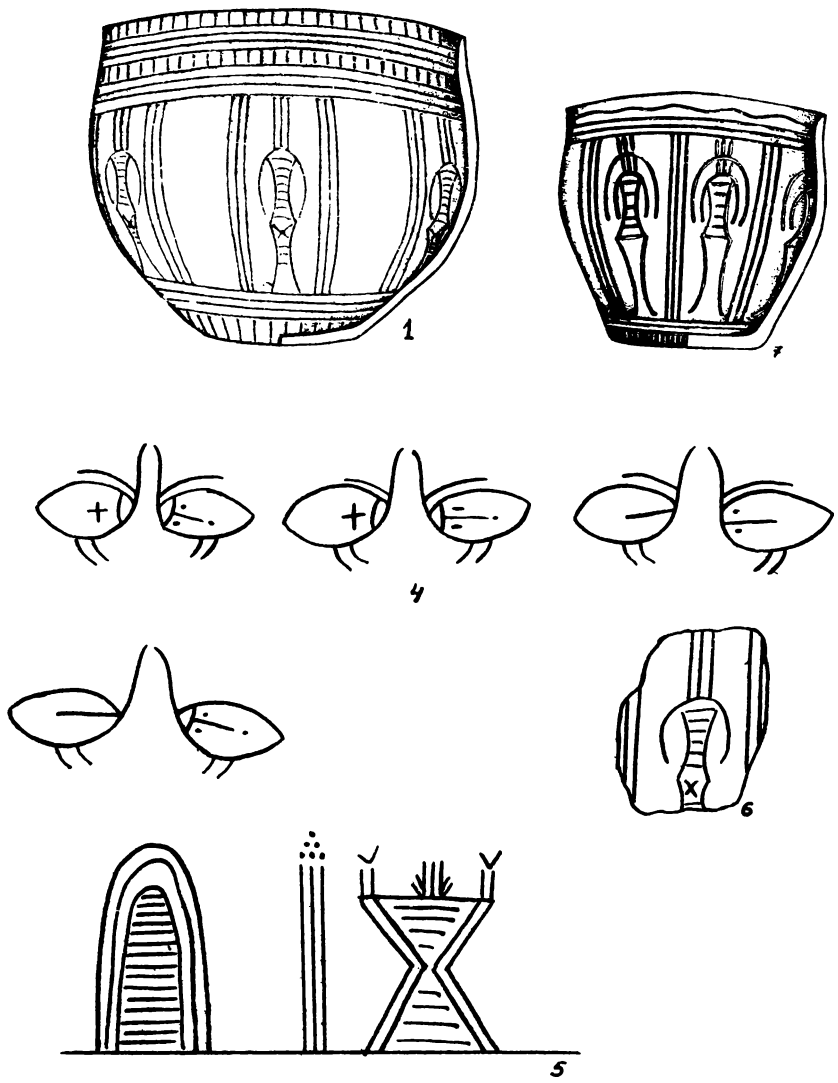

Рис. 6. Сосуды и декоративные схемы Самуся IV

веческие фигуры будут расположены ногами к центру, головой в стороны. Подобного рода построения широко представлены в искусстве Средней Азии, Двуречья и Древнего Египта. Аналогичная организация пространства на самусьских сосудах свидетельствует о схожих принципах мировосприятия, которые проявляются в изобразительных канонах.

Изображения отделяются друг от друга несколькими прямыми вертикальными линиями, в схеме многократно повторяются прямоугольники с пересекающимися диагоналями, фигуры человека. Очень показательны в этом отношении прорисовки отдельных нестандартных знаков и стилистическая трактовка деталей некоторых изображений. Так, например, на самусьских сосудах и печатях из Двуречья значительное сходство обнаруживает изображение птицы. Это проявляется в трактовке хвоста: он передан трапецевидной фигурой с волнистой линией в центре (рис. 3, 1).

В некоторых сюжетах на керамике встречается знак в виде битреугольной фигуры с горизонтальной штриховкой, от которой вверх отходят несколько лучей, напоминающих стебли растения (рис. 1, 3, 5). Нам не известны подобные знаки в западно-сибирских археологических и этнографических материалах. Наиболее точные аналогии этот знак имеет в глиптике Месопотамии, где он входит в сюжеты сцен, которые П. Амье объединяет под общим названием «Пиршество». Битреугольная фигура трактуется им как сосуд, жертвенник в виде какой-то емкости. Часто из него произрастают растения, льются струи воды²³. В протошумерийской пиктографии подобный знак расшифровывается как сосуд или горн²⁴. В индоевропейских языках эти два понятия тождественны, что свидетельствует об их этимологической близости²⁵.

Другим, столь же редким, но не менее показательным знаком, объяснимым только через переднеазиатские аналогии, является усеченный внизу эллипс с горизонтальной штриховкой (рис. 1, 3). На печатях Двуречья подобным знаком изображался тростниковый хлеб²⁶.

С этих позиций интересно рассмотреть семантику отдельных сюжетных сцен на самусьских сосудах. Наиболее показательны два сюжета: битреугольная штрихованная фигура в центре, сходящими от нее вверх лучами, фланкированная двумя симметричными фигурками водоплавающих птиц, обращенных головами друг к другу (рис. 1, 5, рис. 6, 4). Вторая схема представляет собой тройные линии с образующими пирамиду точками на концах. С одной стороны от нее изображена битреугольная фигура, подчеркнутая двойным контуром, с внутренней горизонтальной штриховкой. С другой стороны изображен усеченный эллипс, образованный двойной линией с горизонтальной штриховкой (рис. 1, 3, рис. 6, 5).

Первая схема представляет собой тип трехчленной симметрично-геральдической композиции. В ранних памятниках древневосточного искусства, где появляется подобная композиция, «...она непременно связана с деревом или предметом, функционально этому дереву равнозначным»²⁷ Если верна приведенная выше трактовка битреугольного знака как емкости с растениями, то схема с символическим деревом в центре — это одно из воплощений идей плодородия²⁸ Тем более, что птицы, симметричные по отношению к центральному члену схемы, не симметричны с позиции изображенных на них знаков. Сосуд с птицами содержит 4 одинаковых сюжета по паре птиц в каждом (рис. 6, 4).

У всех птиц на туловище изображены определенные знаки. У птиц, расположенных слева, эти знаки (без учета техники исполнения) представляют отрезок, по обеим сторонам которого сделаны два углубления или нанесены два коротких штриха; одно углубление расположено на конце отрезка. У правых фигур на тулове изображен крест (в одном случае) или линия, разделяющая туловище на половины. На языке семиотики это означает, что в симметричную систему обязательно вводится некоторая асимметрия, которая строится на строго универсальном принципе противопоставления некоторых пар признаков: левый — правый, женский — мужской²⁹. Поэтому возможно, что противопоставление птиц в описываемой схеме означает распределение полов. В пользу этого может свидетельствовать иконография самих знаков. По классификации В. Н. Торопова, правые знаки относятся к мужским, а левые — к женским³⁰ В целом сцена может читаться как единение полов, соитие у кормящего их дерева, жертвенника, и символизировать идеи культа плодородия. Не случайно поэтому на некоторых печатях из Двуречья рядом с биконической фигурой изображена водолавающая птица³¹. Образ водолавающей птицы — символ материнства, супружеской верности у многих народов древности³².

Вторая схема по своему знаковому выражению явно не симметрична в отличие от рассмотренной выше, но возможно, что ее симметрия перенесена в план содержания. Если усеченный снизу эллипс действительно символизирует какие-то скотоводческие сюжеты, то вся схема приобретает утраченную симметричность. По обеим сторонам основного ритуального символа (солнечные лучи, несущие семя?) помещены образы, связанные с земледелием (символ растения, дерева) и скотоводством (изображение хлеба) — основными отраслями производящей экономики. Косвенным подтверждением того, что усеченный эллипс со штриховкой относится действительно к знакам, отражающим скотоводческие сюжеты, может являться изображение эллипса со штриховкой или без штриховки (рис. 2, 2). В сочетании с антропоморфными

фигурами и личинами штрихованный эллипс не встречен ни разу.

С определенной долей вероятности можно продолжить, по аналогии с шумерийскими изображениями, что хлев венчали бычьи рога³³. Может быть, и у самусьцев (южная группа) этот знак генетически восходит к какому-то сооружению, связанному со скотоводством, на котором помещался череп животного. Возможно, что в перспективе дальнейшего развития идеи, связанной со скотом, она стала символизировать деревянный столб с маской животного (рис. 1, 4). Подобную символику представляют, например, столбы святилищ из VII—II слосв в Чатал-Хююке, на которых помещены рога быков. Культ быка и ритуалы, связанные с ним, прослеживаются во многих культурах, испытывающих влияние Передней Азии³⁴.

Еще одним сюжетом, отражающим идеи плодородия — рождение новой жизни — является трехчленная система, в которой по обеим сторонам центрального элемента (тройной линии) располагаются фигуры человека с тремя лучами вместо головы. В одном случае у фигурок с тремя лучами подчеркнута половая принадлежность — изображен знак женского лона (рис. 6, 1, 6). Фигурки помещены между солнечными лучами. По представлениям селькупов, только тогда, когда на женщину падает луч солнца, в ней начинается новая жизнь — ребенок³⁵. Близок по смыслу к идее оплодотворения и второй вариант этой схемы (рис. 6, 7). Возможно, в нем стилизованно передан сам процесс рождения, когда маленькое изображение человека находится внутри или под покровительством большого. Эта сцена может рассматриваться и как покровительство женского божества женщине-матери. Оба варианта трактовки не исключают друг друга, оба символизируют идею воспроизводства человеческой жизни — один из аспектов культа плодородия.

В рамках предложенной семантики два или три луча на антропоморфных фигурках отражают половой признак: 2 луча — мужчина, 3 луча — женщина. С позиции «чет» или «нечет» вся человеческая фигура передана пятью знаками: руки — 1 знак, тело — 2 знака, ноги — 2 знака. Следовательно, у фигур с двумя лучами описывающая их сумма знаков образует число 7, а у трехлучевых фигур — 8. Здесь мы снова встречаемся с универсальной концепцией противопоставления мужского и женского, четного и нечетного, динамичного и статичного.

Косвенным аргументом в пользу дополнительных штрихов, как признаков пола, может являться написание мужских и женских знаков в протошумерийской и протоиндийской пиктографии. В этих системах письма дополнительный штрих отличает знак, изображающий женщину, от знака для мужчины (протоиндской) или

изображение самок с помощью дополнительных черточек от самцов (протошумерийский)³⁶.

Таким образом, семантика антропозооморфных сюжетов может быть понята через очень далекий для лесной зоны Западной Сибири мир земледельческо-скотоводческих культур Средней и Передней Азии. Названные аспекты плодородия и их иконографические особенности предстают в Самусе IV в очень развитой форме, характерной не столько для охотников и рыболовов, сколько для земледельцев и скотоводов. В связи с этим можно вспомнить многочисленные фаллические изваяния, найденные на Самусе. Как известно, фаллический культ связан прежде всего с производящим хозяйством и в первую очередь — земледелием³⁷. К этому можно добавить специфическую каменную пластику, которая по своим стилистическим особенностям приближается к скульптурным изображениям человека каракумских (Кара-Депе, Геоксюр), а через них и переднеазиатским древностям³⁸.

Антропологический тип самусьцев (южных), насколько об этом можно судить по скульптурным изваяниям человеческих голов, резко отличается от антропологического типа коренных обитателей Западной Сибири эпохи бронзы. Череп из Степановского могильника принадлежит монголоиду³⁹. Монголоидный тип демонстрируют материалы могильника Ростовка⁴⁰. На самусьской скульптуре изображены черты человека какого-то средиземноморского типа с массивным носом и полными губами.

Могли бы указанные черты своеобразия южного комплекса Самусь IV быть переданы через степные племена Казахстана и при этом в такой полной и компактной форме сохранить не только специфику композиционной схемы, орнаментальные мотивы, технологию производства сосудов, но даже стилистическое своеобразие отдельных знаков и рисунков? Вряд ли сейчас можно согласиться с тем, что южный компонент в составе самусьской культуры появился в Западной Сибири без прямых контактов. Что же тогда заставляло рыболовов и охотников самусьцев отражать на своих сосудах в столь непривычной для них форме сложное мировоззрение земледельцев и скотоводов?; что заставляло их делать скульптурные изображения людей, которые никогда не были даже их соседями?; откуда, наконец, появились в Самусе IV у рыболовов и охотников столь развитые формы бронзовых орудий (оружия)?

Невозможно ответить на все эти вопросы, если отбросить идею миграции в середине II тыс. до н. э. в район Самуся каких-то южных групп населения. Судя по тому, что кроме Самуся нам не известен ни один памятник, который бы хоть в малой степени по полноте и своеобразию южных материалов мог бы приближаться к нему, миграция была сильной, но довольно локальной

по территории и ограниченной во времени. Скорее всего, Самусь IV (по крайней мере, один из его комплексов) — колония выходцев из более южных районов, входящих в широкую область земледельческих культур, генетически близких культурам Передней Азии. Е. Н. Черных в 1976 г., рассматривая металлообработку юго-запада СССР, высказал гипотезу о миграции мастеров кузнецов. Как правило, такие миграции носят очень локальный характер и происходят вне культуры, т. е. без продвижения широких масс, изменяющих местную культурную традицию⁴¹ В Самусе IV небольшая пришлая группа была, очевидно, затем ассимилирована местным населением.

Южный культурный феномен оставил глубокий след в истории развития культур Западной Сибири. На Оби и Иртыше возникли мощные бронзолитейные центры, где в местных условиях было налажено производство бронзовых орудий турбинских и сейминских форм, но не по местным рецептам и, возможно, не местными мастерами. В раннем железе появилось своеобразное кулайское литье, которое, по мнению многих исследователей, несет самусьские (в нашем понимании — южные) культурные традиции⁴². Много южных черт выделила Г. И. Пелих в культуре селькупов, связывая их, с одной стороны, с Самусем, с другой — с Передней Азией.

Таким образом, южный культурный пласт, восходящий к культурам Передней Азии, в переотложенном состоянии вошел в культуру некоторых современных аборигенов Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

Матюшенко В. И. Датировка археологических памятников эпохи бронзы в низовьях р. Томи // Труды ТГУ. Т. 165. Томск: ТГУ, 1963.

² **Матюшенко В. И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1973. Вып. 10. С. 114.

³ **Пелих Г. И.** Происхождение селькупов. Томск, 1972.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ **Славин В. Д.** Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1978, С. 14.

⁶ **Мошинская В. И.** Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ 1978, С. 67

⁷ Более подробно результаты статистического анализа будут изложены в специальной работе.

⁸ **Бородовский А. П.** К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка I) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: Изд. НГПИ, 1983.

⁹ **Артамонов М. И.** Сокровища Саков. М.: Наука, 1973. С. 197.

¹⁰ **Сайко Э. В.** Технологическая характеристика керамики развитой бронзы из Алтын-Депе // Каракумские древности. Ашхабад, 1972. С. 145.

- Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. С. 85—86.
- ¹² Федоров-Давыдов Г. А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка//Советская археология. 1970. № 3. С. 267—270.
- ¹³ Холушкин Ю. П. Археологическая культура как объект формального анализа//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 23—24.
- ¹⁴ Ковалевская В. Д. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 152.
- ¹⁵ Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris, 1961. PL. 30, № 472, PL. 51, № 711. Pg. 281, 325.
- ¹⁶ Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. С. 205.
- ¹⁷ Глушков И. Г. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений (в печати).
- ¹⁸ Сариянди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. С. 88—89.
- ¹⁹ Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. С. 74. Табл. 41—6.
- ²⁰ Успенский Б. А. О семiotике иконы //Труды по знаковым системам. Тарту: ТГУ, 1971. Т. 5. С. 196—199.
- ²¹ Бадер О. Д. Балановский могильник. М.: Изд-во АН СССР. С. 371; Косарев М. Ф. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике//Советская археология. 1964. № 1. С. 295.
- ²² Успенский Б. А. О семiotике иконы. С. 197—199.
- ²³ Amiet P. Op. cit. PL. 100. № 1324, 1327; PL. 92, № 1218. Pg. 413, 429.
- ²⁴ Вайман А. А. К расшифровке протошумерийской письменности (предварительное сообщение)//Переднеазиатский сборник. Дешифровка письменности Древнего Востока. М., 1966. С. 11. Рис. 1.
- ²⁵ Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. С. 16.
- ²⁶ Amiet P. Op. cit. Pg. 339. PL. 58.
- ²⁷ Комороци Г. К. К символике дерева в искусстве древнего Двуречья//Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981, С. 49.
- ²⁸ Там же. С. 51.
- ²⁹ Абрамян Л. А. Типы симметрии и человеческое общество//Симеотика и проблемы коммуникации. Ереван, 1981. С. 80—81.
- ³⁰ Торопов В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов//Ранние формы искусства. М.: Наука, 1977. С. 87. Рис. 5.
- ³¹ Amiet P. Op. cit. PL. 100. № 1327. Pg. 429.
- ³² Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире//Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 113; Кузьмина Е. Е. Золотая пластинка с птицами из Амударьинского клада//Краткие сообщения Института археологии. М.: Изд-во АН СССР 1979. № 159. С. 19, 20.
- ³³ Amiet P. Op. cit. PL. 58.
- ³⁴ Иванов В. В. Бык//Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 203.
- ³⁵ Прокофьева Е. Д. Старые представления... С. 107.
- ³⁶ Иванов В. В. История славянских... С. 86.
- ³⁷ Косамби Д. Культура и цивилизации древней Индии. М.: Прогресс. 1968. С. 56.
- ³⁸ Славнин В. Д. Некоторые аспекты... С. 14.
- ³⁹ Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск: ТГУ, 1979. С. 165.

40 Устное сообщение В. А. Дремова.

41 Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. С. 171.

42 Матюшенко В. И. К вопросу об этнической принадлежности еловско-ирменских памятников и историческая преемственность в культуре населения Томско-Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 81; Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М. Наука, 1974. С. 133—146.

В. И. МОЛОДИН, А. П. БОРОДОВСКИЙ

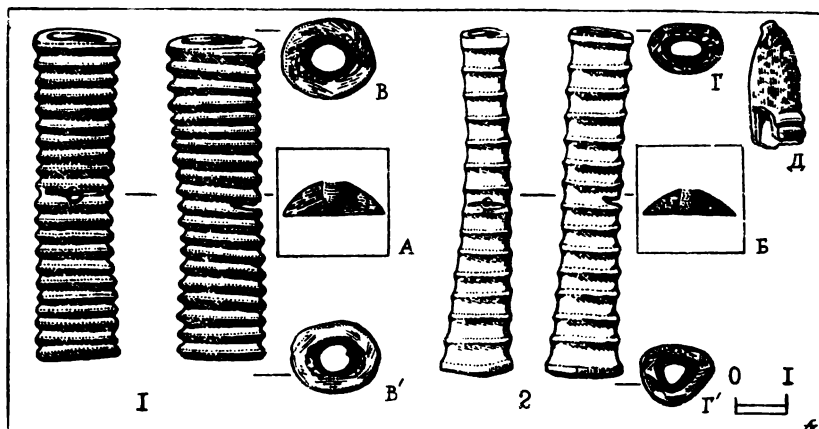
Институт истории, филологии и философии СО АН СССР

КОСТЯНЫЕ ИГОЛЬНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ С «ГОФРИРОВАННЫМ» ОРНАМЕНТОМ

При раскопках памятников эпохи бронзы на территории Западной Сибири были обнаружены 3 игольника, украшенные так называемым «гофрированным» орнаментом. Находки эти являются достаточно своеобразными изделиями, по крайней мере, для данного региона. Учитывая специфику их изготовления, можно утверждать, что эти изделия требуют специального рассмотрения.

Два игольника обнаружены в погребении кротовской культуры кургана 1, погребения 6, могильника Сопка-2¹, третий предмет найден в переотложенных слоях голоценовых отложений Денисовой пещеры. Однако, учитывая планиграфию залегания этой находки, можно с уверенностью сказать, что она может происходить либо из слоев афанасьевской культуры (11 и 12 индексные подразделения), либо из слоя эпохи бронзы (10), перекрывающего афанасьевские и относящегося, судя по керамике, к самусьско-сейминской эпохе²

Первый предмет из кургана 1, погребения 6, Сопки-2 изготовлен из рога (рис. Д), размеры его 3×1 см. Сохранность поверхности плохая. Орнамент представлен кольцевыми нарезками, игольник выполнен в виде полого конуса. Вследствие сильной эрозии поверхности следы обработки не прослеживаются. Процесс изготовления можно представить следующим образом. Из компактного вещества рога вырезалась заготовка, внутри которой выбиралась полость. Не исключено, что выборка велась по по-

ОПЕРАЦИИ	№	ЭТАПЫ
ЗАГОТОВКА	1	
ПИЛЕНИЕ ОБЛАМЫВАНИЕ	2	
ПИЛЕНИЕ НАМЕТКА/	3	
СВЕРЛЕНИЕ НАРЕЗКА РЕЗАНИЕ	4	

Р и с. 1 — игольник Сопка-2, К.1, п.6 (кость); 2 — игольник Денисова пещеры (кость); В—В' — края игольника Сопка-2, К. 1, п. 6; А — слепок отверстия (запила и сверловки) Сопка-2, К. 1, п. 6 (увеличено); Б — слепок отверстия (запила и сверловки) Денисова пещера (увеличено); Г--Г' — края игольника, Денисова пещера; Д — игольник Сопка-2, К.1, п 6 (por); 1--4 —

ристуму веществу. Орнаментация поверхности кольцевыми нарезками могла производиться надпилами или надрезами. Говорить о последующей зашлифованности поверхности трудно.

Второй предмет из этого могильника изготовлен из трубчатой длинной кости, возможно, мелкого рогатого скота. Сохранность удовлетворительная. Размеры игольника 6×2 см (рис. 1). Поверхность орнаментирована кольцевыми нарезками. На одной из узких сторон предмета сделан надпил и просверлено отверстие.

Исходя из характерных особенностей использования материала, следов обработки и их последовательности процесс изготовления можно представить следующим образом. Трубчатая кость была распилена на цевочную часть и пеньки эпифиза и диафиза. Для изготовления игольника использована цевка. Расчленение производилось круговым надпиливанием кости ножом (металл). Результаты эксперимента имеют очень близкое соответствие с подлинным игольником. После надпиливания по кругу оставшееся компактное вещество у мозгового канала переламывалось. Нарезка кольцевого орнамента также осуществлялась надпиливанием. Окончательная профилировка «гофрированной» поверхности велась подрезкой. Затем весь предмет полировался. Не исключено, что предмет был окрашен в черный цвет, о чем свидетельствуют черные вкрапления на поверхности.

Надпиливание и сверление на боковой поверхности игольника осуществлялось после всех операций, причем надпил первоначально был предназначен для облегчения надсверливания крутого и плотного края поверхности. Сверление производилось не один раз, об этом говорит разбитость лунки и отсутствие общей центровки отверстия. Окончательное расширение отверстия было сделано снова надпиливанием, что скорее всего объясняется толщиной компактного вещества в этом участке предмета и заклиниванием сверла. Все это было проверено экспериментальным путем. Затем были сравнены пластилиновые оттиски экспериментального отверстия на игольнике, так как этот участок трудно доступен для непосредственного сравнения.

Игольник из Денисовой пещеры изготовлен из трубчатой кости, размеры его $6,8 \times 0,8$ см (рис. 2). Сохранность предмета хорошая. Поверхность орнаментирована широкими кольцевыми нарезками. В боковой части игольника сделан надпил и просверлено отверстие. Учитывая использование материала и последовательность следов обработки, процесс изготовления можно реконструировать следующим образом. Исходная длинная трубчатая кость была распилена на цевочную часть и пеньки эпифиза и диафиза. Цевка пошла на изготовление предмета. Расчленение производилось надпиливанием кости по кругу металлическим ножом и обламыванием недопиленного компактного вещества кости, после

чего края дополнительно не обрабатывались. Нарезка кольцевого орнамента наносилась надпиливанием или надрезанием. От этого сохранился след на одной из сторон игольника. Разметочная бороздка, по-видимому, случайно не была заглажена как все остальные.

В отличие от костяного игольника, описанного выше, для изготовления одного желобка требовался не один надпил, а два краевых, что обуславливалось его значительной шириной. Оконтуренное пространство выбиралось. Затем вся поверхность предмета зашлифовывалась круговым абразивным вращением, от которого сохранились четкие следы. Последней операцией было запиливание и сверление боковой поверхности предмета. Запиливание, как и в первом случае, было необходимо для облегчения сверловки на узкой крутой поверхности предмета. Запиливание производилось дважды. Один раз, — вероятно, ошибочно, — с отклонением от центра предмета, а другой раз — строго по центру. Окончательное доведение отверстия осуществлялось сверлением, что привело к склону по месту первого ошибочного надпила. Поверхность предмета подвергалась тщательной шлифовке, которая способствовала его прочности и сохранности. Уплотнение наружного компактного вещества было таким, что даже кислотные выделения корней растений не смогли разрушить полностью зашлифованный слой.

Таким образом, для обработки всех вышеописанных предметов характерно *сходство технических приемов, строгая последовательность операций и определенный стандарт готового изделия* (рис. 1—4). Обработка игольников требовала использования единого набора инструментов для производства надпиливания, шлифования и сверления. Широкое овладение такой техникой достаточно убедительно фиксируется на костяных предметах еще с эпохи раннего металла на сопредельных территориях³

Как уже отмечалось, рассматриваемые предметы не имеют аналогий в западносибирских комплексах эпохи бронзы, неизвестны они и в предшествующих памятниках эпохи неолита, а также последующих комплексах периода раннего железного века. Ближайшие аналогии мы находим в погребениях эпохи бронзы Прибайкалья, причем с игольником из Денисовой пещеры эти аналогии абсолютны⁴

По мнению О. И. Горюновской и В. И. Смотровой, погребения с орнаментированным и «гофрированным» узором игольниками, такими, как из Шиверского погребения 1, раскопанного А. П. Окладниковым, и из вторичного или расчлененного коллективного захоронения 2 могильника Шумилиха, датируются шиверским временем, то есть развитой бронзой⁵ Учитывая комплекс доказательств по могильнику Шумилиха, с данной хронологической

оценкой нельзя не согласиться. Однако абсолютную датировку этих погребений IX—VIII вв. до н. э., основанную на правильной аналогии бронзового кельта из Шумилихи с сейминско-турбинскими изделиями⁶, нельзя считать оправданной.

Сейминско-турбинские предметы (прежде всего характерные кельты и копья), а также, что чрезвычайно важно, литейные формы для их изготовления хорошо представлены в самусьской и кротовской культурах Западно-Сибирской равнины⁷ Наряду с другими специалистами, определяющими абсолютную хронологию сейминско-турбинских бронз⁸, мы склонны датировать западно-сибирские культуры их носителей XVI—XII вв. до н. э.⁹ К этому же времени, скорее всего, следует отнести и приводимые аналогии из Восточной Сибири, тем более, что параллели с западно-сибирскими культурами самусьско-сейминской эпохи, могильника Шумилихи и других погребений эпохи бронзы Приангарья можно проследить и в специфике погребального обряда¹⁰, и в характере инвентаря¹¹.

Традицию орнаментации игольников следует, по-видимому, признать автохтонной для Восточной Сибири. В этой связи достаточно вспомнить великолепные образцы орнаментированных игольников, относящихся к эпохе неолита¹². Кстати, на одном из изделий из Шумилихи нанесены как «гофрированный» узор, так и геометрический зигзаг, скорее всего уходящий корнями в предшествующую эпоху¹³. Не исключено поэтому, что традиция орнаментации игольников «гофрированным» узором появилась в западно-сибирских культурах самусьско-сейминской эпохи благодаря каким-то опосредованным контактам с Восточной Сибирью. Это предположение может показаться тем более небеспочвенным, если мы приведем еще ряд абсолютных параллелей отдельных предметов, достаточно специфичных по форме, например, лунинидные подвески¹⁴, нефритовые кольца, диски и т. д.

Итак, игольники, украшенные «гофрированным» узором, следует признать явлением эпохальным и датировать самусьско-сейминским временем. Возникла ли такая специфическая технология конвергентно или распространилась благодаря контактам — покажут дальнейшие исследования. Сейчас важно, что в наших руках еще один специфический предмет, позволяющий прояснить относительную датировку комплексов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Молодин В. И. Раскопки могильника Сопка-2//АО, 1963. М., 1985. С. 231.

² Деревянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В. Исследования Денисовой пещеры: Характеристика культурных слоев голоцена/Препринт. Новосибирск, 1985. С. 19—26, 31.

³ Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А. Функциональный анализ каменных костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станц Новосободной и Батуринской// Древнейше культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 88, 94.

⁴ Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск, 1975. С. 123; Горюнова О. И., Смотровва В. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха: Анализ материалов и датировка памятников//Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 22. Рис. 3—5, 6, 12.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепног. Приобья: Неолит и бронзовый век.: Самусьская культура//Из истории Сибири Томск, 1973. Вып. 10. Рис. 6, 7; Молодин В. И. Погребения литейщика из Могильника Сопка-2//Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 96—109.

⁸ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дисс. д-ра. ист. наук М., 1976. С. 18; Cimbutas M. Middle Ural sites and Chronology of Vorthern Eurasia//Peabody Museum of Archaeology and Ethnology.—Hagward University Proceedings of the Prehistoric Society for 1958.—V. XXIV.—Cambridge, 1958;

Сафронov В. А. Датировка Бородинского клада//Проблемы археологии. Л. 1968

Бочкарев В. С. Проблемы Бородинского клада//Проблемы археологии. Л., 1968;

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 135, 136;

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. М., 1970. № 172 С. 101.

⁹ Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 88.

¹⁰ Савельев Н. А. и др. Могильник в местности Шумилиха: Описание исследованных погребений//Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 7—17; Горюнова О. И., Смотровва В. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха... С. 17—28.

¹¹ Горюнова О. И., Смотровва В. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха... С. 17—28; Студзитская С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре//Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 38—45.

¹² Окладников А. П., Конопацкий А. К. Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре: По материалам раскопок 1977 г.//Археология юга Сибири Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 31. Табл. 11, 1—12.

¹³ Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. Рис. 3

¹⁴ Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала. Новосибирск, 1982. Табл. III—2; Матющенко В. И. Древняя история населения... Рис. 5—13; Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы... Рис. 18—6, 7, 8 и др.

В. И. СОБОЛЕВ

Новосибирский педагогический институт

А. Н. ПАНФИЛОВ

Тюменский университет

В. И. МОЛОДИН

Институт истории, филологии и философии СО АН СССР

КРОВОВСКИЙ МОГИЛЬНИК АБРАМОВО-11 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ

В течение двух лет Барабинский отряд Новосибирской археологической экспедиции Новосибирского государственного пединститута проводил охранные работы на могильнике периода позднего средневековья Абрамово-10. Он был частично поврежден строителями в результате выборки грунта для сооружения насыпной дороги, идущей из г. Куйбышева в с. Марково.

Могильник расположен в 5 км к юго-западу от г. Куйбышева, на краю первой надпойменной террасы р. Омь. В результате осмотра кюветов вдоль сооруженной дороги, в 400 м к юго-западу от него, было найдено частично разрушенное погребение более раннего периода. При его расчистке выяснилось, что оно относится к эпохе доандроновской бронзы. Новый могильник получил название Абрамово-11. Могильник грунтовый, рельефных признаков не имеет. Погребальный комплекс находится в непосредственной близости от поселения кротовской культуры и, возможно, имеет к нему непосредственное отношение.

В результате строительных работ значительная часть обоих могильников была разрушена и засыпана выбранным грунтом, остальная площадь памятников интенсивно распахивалась. Создалась угроза полного их уничтожения. В связи с этим было принято решение о проведении здесь незамедлительных охранных работ. На могильнике Абрамово-11 вскрыто 773 кв. м площади и обнаружено 17 захоронений (рис. 1). Результаты этих исследований и легли в основу предлагаемой статьи.

Ниже приводится описание захоронений, открытых на памятнике. К сожалению, мы пока не имеем всех половозрастных определений по могильнику Абрамово-11. Этот момент, а также то обстоятельство, что памятник может занимать большую площадь и содержать определенное количество погребений, не дает возможности делать какие-то реконструкции палеосоциологического порядка.

Погребение 1 (рис. 2, 1). Парное захоронение. Обнаружено в кювете дороги. Могильная яма имеет овальную форму размером

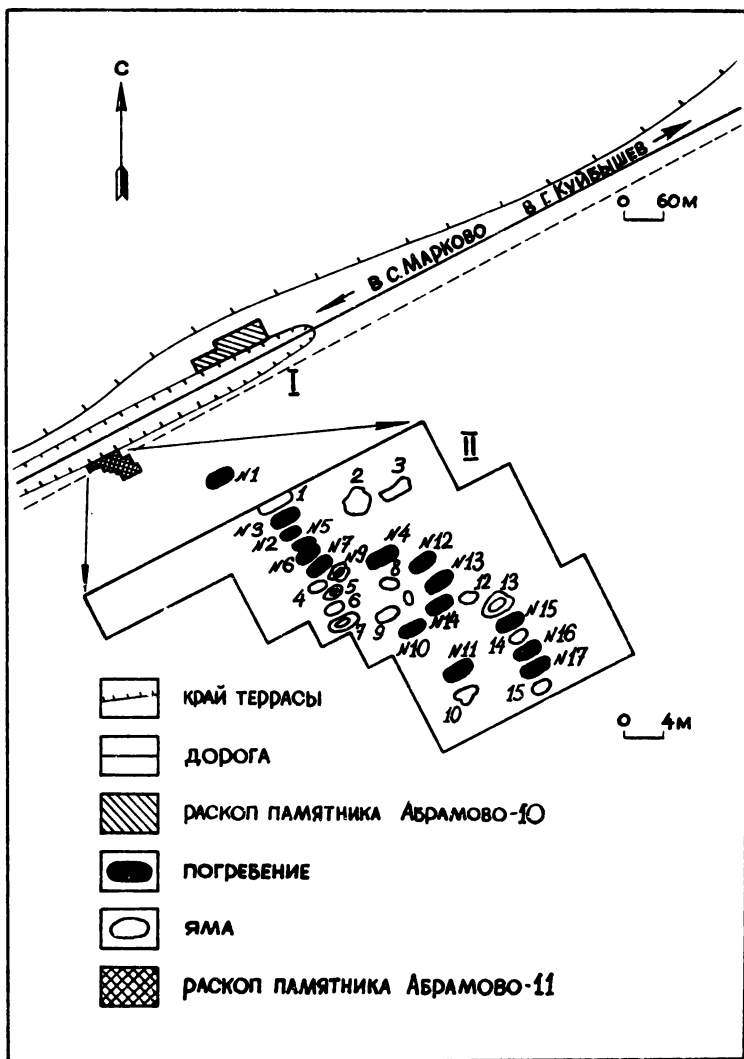
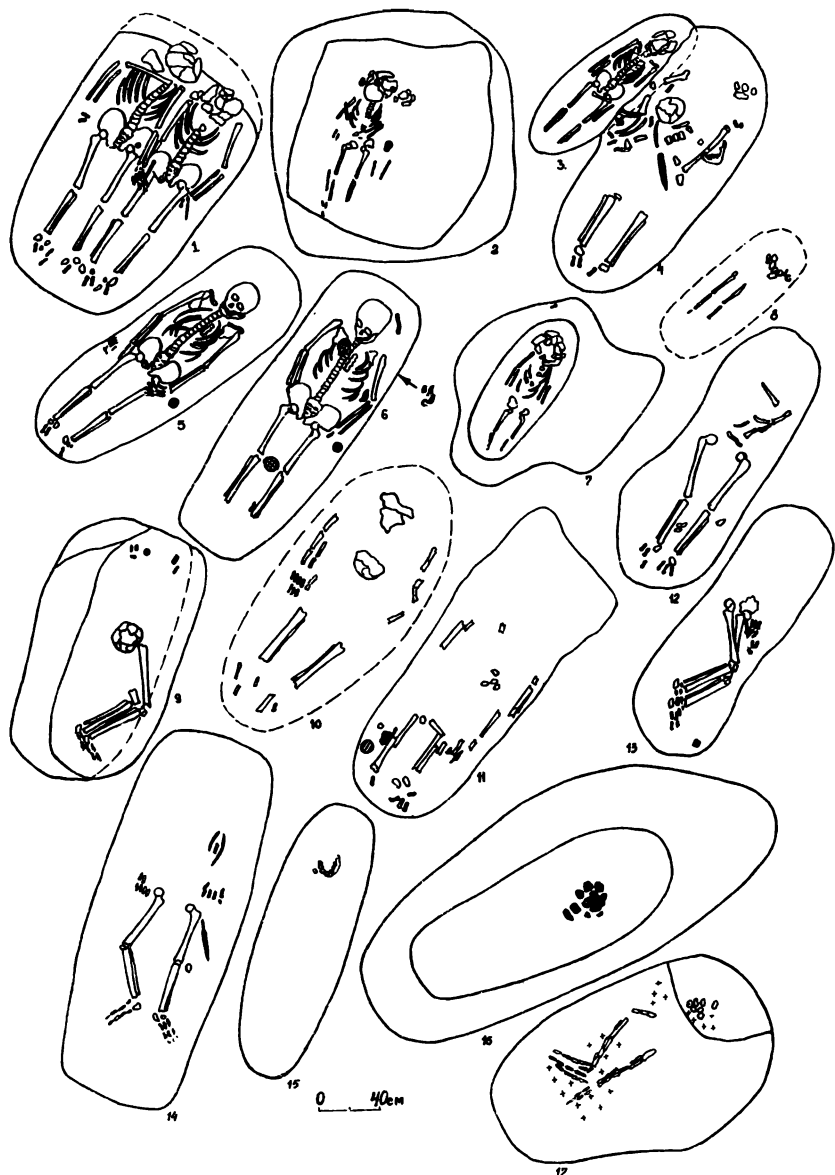
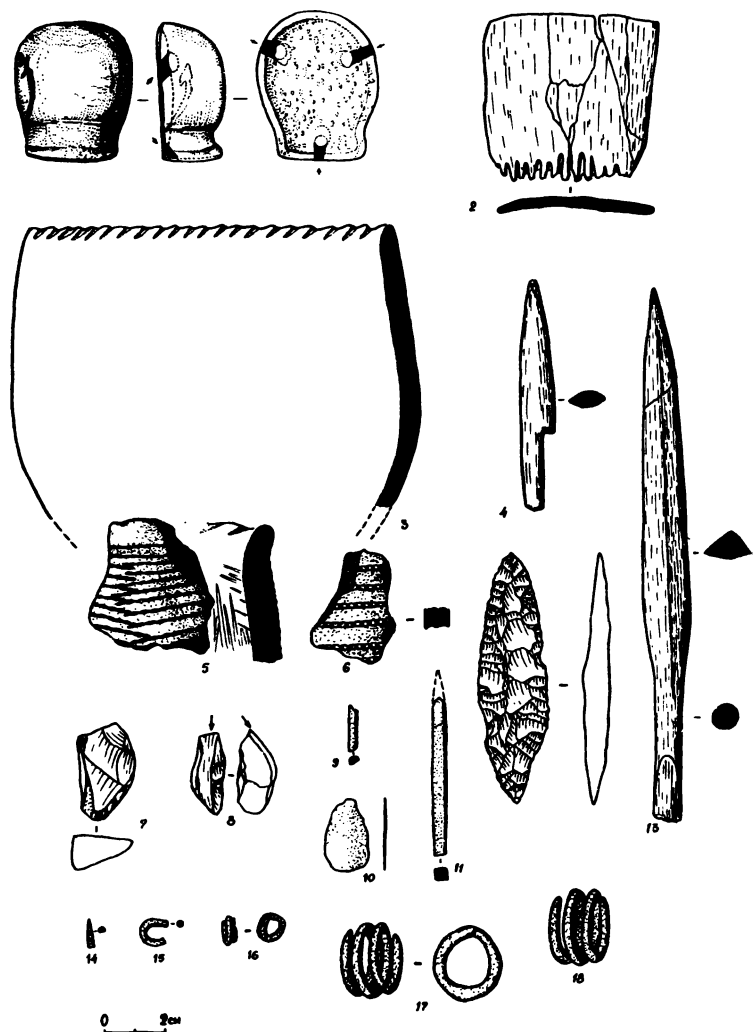

Рис. 1. План раскопа грунтового могильника Абрамово-11:
 I -- схема расположения раскопов памятника Абрамово-10, -11, II -- план раскопа
 могильника Абрамово-11

Р и с. 2. Погребения могильника Абрамово-11:

1 — погребение 1, 2 — погребение 8, 3 — погребение 5, 4 — погребение 6, 5 — погребение 3,
 6 — погребение 7, 7 — погребение 9, 8 — погребение 2, 9 — погребение 16, 10 — погребение 11,
 11 — погребение 4, 12 — погребение 10, 13 — погребение 14, 14 — погребение 15, 15 — погребение 13, 16 — яма 13, 17 — погребение 17

Р и с. 3. Инвентарь из погребений и ям могильника Абрамово-11:
 1, 17, 18 — погребение 3, 2, 11 — погребение 16, 3 — яма 13, 4 — погребение 4,
 5, 6, 9 — погребение 3, 7, 8 — погребение 14, 10, 15 — погребение 7, 12 — невоз-
 можное пространство; 13 — погребение 15, 14, 16 — погребение 2

190×120 см, глубиной 46 см от уровня материка, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. СВ стенка была расположена по отношению к полу под положительным углом в 45°. Остальные стенки перпендикулярны дну могилы. Два скелета лежали на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Правая рука «северного» погребенного была согнута в локте, левая находилась на бедре соседа, который лежал с вытянутыми вдоль туловища руками. У левой руки каждого из погребенных обнаружена проколка из грифельной кости животного, под тазовыми костями «северного» скелета найдена подвеска из зуба медведя.

Погребение 2 (рис. 2, 8). Детское. Обнаружено на материке на глубине 33 см от современной поверхности. Сохранились кости ног и часть черепа, с левой стороны которого найдено серебряное колечко в полтора оборота и обломок бронзового острия (рис. 3, 14, 16). Судя по расположению костей погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на СВ.

Погребение 3 (рис. 2, 5). Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры 190×60 см, глубина от уровня современной поверхности 72 см, от уровня материка 39 см. Погребена женщина возмужалого возраста¹. Она лежала на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Левая рука находилась на бедре, между пальцами найден обломанный бронзовый стерженек (рис. 3, 9). Тут же, у стенки могильной ямы, обнаружен кусочек охры оранжевого цвета. Возле кисти правой руки находились косточки птицы, обломки костяной иглы и резанная косточка. В засыпке могильной ямы и около нее находилось несколько фрагментов керамики (рис. 3, 5, 6).

Погребение 4 (рис. 2, 11). Ограблено. Стенки могильной ямы неровные, особенно в СВ части, первоначальная ее форма была подпрямоугольной. Размеры 210×85 см, глубина от уровня современной поверхности 64 см, от уровня материка 32 см. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Многие кости скелета отсутствуют. Лучше сохранились нижние конечности, что позволяет говорить об ориентации погребенного головой на СВ. Возле ног на глубине 15 см от материка встречено 2 костяных черешковых наконечника стрел, один обломан (рис. 3, 4), кусочки охры оранжевого цвета и фрагмент придонной части кротовского сосуда.

Погребение 5 (рис. 2, 3). Потревожено. Могильная яма овальной формы, размеры 130×55 см, глубина от уровня дневной поверхности 37 см, от материка 4 см. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. СВ часть могилы перерезана соседним погребением. Захоронение детское, костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль туловища, локтевая кость левой руки оказалась смещенной к бедренным костям. Находок в погребении не обнаружено.

Погребение 6 (рис. 2, 4). Ограблено. Вплотную примыкает к погребению 5. СВ стенка могильной ямы неровная. Первоначальная форма могилы овальная, размеры 190×85 см, глубина от дневной поверхности 56 см, от материка 23 см. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В анатомическом порядке находились только кости нижних конечностей, судя по которым погребенный был ориентирован головой на СВ. Похоронена женщина 40-50 лет. В центре могильной ямы найдено кинжаловидное орудие из трубчатой кости животного. При ограблении этой могилы грабители, видимо, задели погребение 5, так как нарушена его восточная часть.

Погребение 7 (рис. 2, 6). Находилось в 25 см к ЮВ от погребения 6. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ, размером 210×70 см, глубиной от дневной поверхности 38 см, от материка 15 см. Погребена женщина в возрасте 30—35 лет. Она лежала на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Между плечевой костью левой руки и грудной клеткой обнаружен астрагал, около кисти — жаберная крышка рыбы, возле груди и ног — куски жженой коры. Слева от погребения, на уровне материка, найдено серебряное колечко в полтора оборота, обломок бронзовой пластинки и два астрагала (рис. 3, 10, 15).

Погребение 8 (рис. 2, 2). Парное захоронение. Форма могильной ямы подчетыреугольная с закругленными углами. Размеры 165×160 см, глубина 68 см от уровня современной поверхности, 35 см от материка. В центральной части, на глубине 58 см, яма локализуется до размеров 95×90 см. Захоронены дети. Они лежали на спине в вытянутом положении, головой на СВ. У черепа старшего ребенка (возраст около 5 лет) найдены 2 массивных бронзовых кольца в 3 оборота (рис. 3, 17, 18). В области пояса соседнего скелета обнаружены поясные пряжки из капа, выполненные в виде головы медведя (рис. 3, 1).

Погребение 9 (рис. 2, 7). Детское. Могильная яма аморфной формы, глубиной 48 см от современной поверхности, в центре ее сооружена яма овальной формы, размером 104×40 см и глубиной 10 см. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Погребенный в возрасте 3—4 лет лежал на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Находок в погребении не обнаружено.

Погребение 10 (рис. 2, 12). Ограблено. Могильная яма овальной формы ориентирована по линии СВ-ЮЗ. СЗ стенка могильной ямы имеет неровные очертания. Длина ямы 190 см, ширина от 62 до 76 см, глубина 48 см от современной поверхности, 16 см от материка. Верхняя часть костяка почти полностью отсутствует, однако кости нижних конечностей находились в анатомическом порядке. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Находок в погребении не обнаружено.

Погребение 11 (рис. 2, 10). Могильная яма не перерезала материк и поэтому не прослежена. Погребение обнаружено на глубине 32 см от современной поверхности, на уровне материка. Захоронение, по-видимому, вторичное. Многие кости скелета отсутствовали, некоторые были перепутаны местами, однако в целом остался анатомический порядок. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Находок в могиле не обнаружено.

Погребение 12. Ограблено. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры 200×76 см, дно могильной ямы неровное, глубина возле ног 63 см, головы — 72 см от уровня современной поверхности, а от уровня материка соответственно 30 и 39 см. Сохранились берцовые кости ног и затылочная часть черепа. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на СВ. В насыпке могильной ямы обнаружено несколько фрагментов кровоской керамики.

Погребение 13 (рис. 2, 15). Ограблено. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ямы 180×58 см, глубина 43 см от современной поверхности, 10 см от уровня материка. В СВ части ямы найдена челюсть взрослого человека. Находок в погребении не обнаружено.

Погребение 14 (рис. 2, 13). Ограблено. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ямы 170×100 см, глубина 86 см от современной поверхности, 53 см от материка. На глубине 22 см от материка у СЗ стенки могилы выявлено заплечико, наибольшая его ширина 30 см. От скелета сохранились лишь кости ног, лежащие в анатомическом порядке, и часть черепа, причем череп при ограблении был смещен к ногам. Кости нижних конечностей были согнуты в коленях и завалены влево. Вероятно, погребенный был положен на спину с ногами, согнутыми в коленях вверх, головой на СВ. В этой части могилы найдено несколько зубов погребенного, кусочек бронзы, скребок и резец из красной яшмы (рис. 3, 7, 8).

Погребение 15 (рис. 2, 14). Ограблено. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 250×100 см, глубина 56 см от современной поверхности, 23 см от уровня материка. На дне могилы в анатомическом порядке лежали кости ног, по обеим сторонам которых с левой стороны чуть выше обнаружены фаланги пальцев обеих рук. От верхней части погребенного сохранилось лишь несколько ребер. Левая нога скелета лежала в вытянутом положении, правая согнута в колене и завалена вправо. Вероятнее всего, такое положение ногам умершего было придано преднамеренно. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на спине, со слабо

согнутыми вверх ногами, головой на СВ. С левой стороны скелета, у бедра, найден костяной наконечник стрелы. Острие наконечника было обломано и лежало тут же (рис. 3, 13). При выборке могильной ямы, в засыпке, а также около нее, обнаружено несколько фрагментов кротовской керамики.

Погребение 16 (рис. 2, 9). Ограблено. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры 180×75 см, глубина от современной поверхности 51 см, от уровня материка 18 см. Кости ног лежали в анатомическом порядке и были завалены на левый бок. Головка левой бедренной кости входила в вертлужную впадину левой половины таза, правая половина таза отсутствовала. Расстояние между головками бедренных костей 13 см. Перед тазовой костью располагались кисти обеих рук. В СВ части могилы найден зуб. По-видимому, первоначальное положение погребенного было скорченное, на левом боку, головой на СВ. В кисти правой руки погребенного было зажато четырехгранное в сечении бронзовое шило (рис. 3, 11). У ЮЗ стенки ямы найден обломок костяного гребня, а сам гребень обнаружен в засыпке ямы (рис. 3, 2).

Погребение 17 (рис. 2, 17). Могильная яма овальной формы ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры 185×125 см, глубина от современной поверхности 47 см, от уровня материка 14 см. В СВ части могилы прослежено повышение, выступ в виде «подушки». Погребение совершено по обряду частичной кремации. Наиболее полно сохранились ноги, они были завалены на левый бок, расстояние между бедренными костями — 20 см. Частично сохранились череп и кость правой руки. На дне могилы местами прослежены пятна прокала; в засыпке при расчистке встречались кусочки угля и прокаленной почвы. Эти факты свидетельствуют о том, что обжиг производился непосредственно в могильной яме. Можно сказать, что погребенный первоначально лежал на левом боку, головой на СВ. Находок в могиле не обнаружено за исключением нескольких неорнаментированных фрагментов керамики из засыпки.

Планиграфически погребения расположены рядами, ориентированными по линии СЗ-ЮВ. Отчетливо прослежено 5 таких рядов. Четкое расположение погребений в ряду не позволяет сомневаться в их единокультурности. Представляется, что пока вскрыта лишь часть кладбища. Наряду с могильными ямами на площади памятника выявлено 15 ям, которые вписаны в ряды вместе с первыми. По этой же причине их принадлежность к могильнику не вызывает каких-либо сомнений. Ниже дано краткое описание ям, обнаруженных на памятнике (рис. 4).

Яма 1. Подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Частично срезана при сооружении дороги. Имеет сле-

дующие размеры: длина — 345 см, ширина — 60, глубина — 55 см от материка. Находок в яме не обнаружено.

Яма 2. Аморфной формы. Наибольшая длина — 350 см, ширина — 300, глубина — 15 см от материка. Находок в яме не обнаружено.

Яма 3. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры 250×80 см, глубина 17 см от материка. Находок в яме не обнаружено.

Яма 4. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры 130×65 см, глубина 7 см от материка.

Яма 5. Аморфной формы. Наибольшая длина ее 125 см, ширина 100, глубина 15 см от материка. В нижней части размеры ямы становятся 70×50 см, глубина 10 см. Находок не обнаружено.

Яма 6. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 180×60 см, глубина 11 см от материка. Находок не обнаружено.

Яма 7. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 225×70 см, глубина 16 см от материка. В нижней части яма приобретает овальную форму размером 70×50 см, при глубине 32 см. Находок не обнаружено.

Яма 8. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 240×70 см, глубина 12 см от материка. Находок не обнаружено.

Яма 9. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 135×70 см, глубина 10 см от материка. Находок не обнаружено.

Яма 10. Аморфной формы, размеры ее 110×105 см, глубина 7 см от материка. Находок не обнаружено.

Яма 11. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 0,75×0,48 м, глубина 0,09 м от материка. Находок не обнаружено.

Яма 12. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 1,25×0,5 м, глубина 0,15 м от материка. В засыпке найдено несколько фрагментов кротовской керамики.

Яма 13. (рис. 2, 16). Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 2,97×1,2 м, глубина 0,09 м от материка. В центральной части размеры ямы локализуются до уровня 1,85×0,77 м с глубиной 0,09 м. В 40 см от СВ края ямы обнаружен развал кротовского сосуда (рис. 3, 3).

Яма 14. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 1,5×0,75 м, глубина 0,15 м. Находок в яме не обнаружено.

Яма 15. Овальной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее 1,25×0,5 м, глубина 0,08 м. Находок не обнаружено.

Перейдем к анализу погребального обряда и инвентаря.

Захоронения совершены в грунтовых ямах подпрямоугольной или овальной формы с отвесными стенками. При их расчистке удалось выявить некоторые конструктивные особенности. Практически в 50% вскрытых могильных ям наблюдаются неровности стенок и глубины пола, заплечики и земляные подушки.

Размеры могильных ям достаточно устойчивы. Так, длина их для взрослых изменяется от 170 до 250 см, причем 6 погребений имеют длину в пределах 190-210 см, а 5 погребений — от 170 до 185 см. Длина ям для детей изменяется от 104 до 160 см. Ширина могильных ям была обусловлена количеством погребенных. Так, ямы с парными погребениями изменяются от 120 до 160 см, а одиночные могилы, как детские, так и взрослые, — от 40 до 125 см. Ориентировка могильных ям устойчива, основное направление по длинной оси СВ-ЮЗ. Глубина их колеблется от 4 до 53 см от уровня материка. В двух случаях могильная яма материк не перерезала. Могильные ямы образуют ряды, ориентированные с СЗ на ЮВ. Выявлено 5 таких рядов. Как правило, могилы в рядах расположены параллельно и не нарушают друг друга. Видимо, в древности над могилами насыпались небольшие холмики или сооружались какие-то конструкции, позволяющие ориентироваться при рытье новых ям, не нарушая старых.

Основным видом погребального обряда в абрамовском могильнике является труположение. Погребенные чаще всего лежали вытянуто на спине, головой на СВ с незначительным отклонением на С или В. Однако выявлены также захоронения в скорченном положении на левом боку, на спине с подогнутыми вверх ногами, в полусидячем положении. Выявлено и вторичное захоронение. В двух погребениях обнаружена охра оранжевого цвета, в обоих случаях она встречалась в виде комков. Следы огня встречены в двух могилах, в одной — кусочки жженой коры, в другой — обожженные стенки камеры и кости скелета. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют констатировать, что детей хоронили на одних кладбищах со взрослыми.

Значительная часть исследованных могил разграблена. Очевидно, это ограбление производилось современниками умерших. Грабители раскапывали могилы, ориентируясь по сооруженным над ними конструкциям. Они знали, что наиболее ценные бронзовые вещи клались, как правило, в области головы и туловища. Поэтому вскрывали в основном СВ часть могилы, при этом ноги в большинстве случаев оказались нетронутыми.

Кроме погребений, на могильнике вскрыто 15 ям. Все они четко вписываются в могильные ряды и являются либо их продолжением, либо расположены между рядов. Одиннадцать ям по форме, размерам и ориентации напоминают могилы. Нет сомнений, что ямы одновременны с погребениями и имеют непосред-

ственное отношение к погребальному обряду. В ямах 12, 13 обнаружены фрагменты кротовских сосудов. В одном случае это несколько неорнаментированных фрагментов керамики, в другом — развал сосуда.

Абсолютные аналогии погребальному обряду могильника Абрамово-11 мы находим в кротовской части могильника Сопка-2. Можно сказать, что все отмеченные черты погребального обряда, выявленные на абрамовском могильнике, находят параллели на Сопке-2: грунтовый характер могильника, сооружение рядов и сопутствующих ям, керамика в ямах, конструктивные особенности могил, положение погребенных в могилах, ориентация и т. д.²

Определенное сходство прослеживается и с обрядом погребения могильника Ростовка: грунтовый характер могильника, сооружение рядов, положение погребенных в могилах, восточная ориентация, размещение керамики, присутствие огня в могилах³. При сопоставлении этих памятников следует иметь в виду и наличие несовпадающих черт, проявляющихся, прежде всего, в специфике погребального инвентаря.

Определенные параллели в погребальном обряде прослеживаются с могильниками лесостепного Приобья. Так, близкие аналогии в погребальном обряде выявлены на памятнике Ордынское-1: грунтовый характер могильника, положение погребенных, помещение керамики вне могильных ям, ориентация⁴. Несомненные параллели можно видеть в обряде могильника кротовской культуры Цыганкова Сопка-2: грунтовый характер могильника, сооружение рядов, преимущество восточного направления ориентации, наконец, неустойчивое положение погребенного в могиле, с той разницей, что в Цыганковой Сопке-2 скорченные погребения не на боку, а на спине, вытянутые и с подогнутыми вверх конечностями встречаются значительно реже. В западных районах распространения кротовской культуры картина обратная⁵.

Определенные черты сходства (грунтовый характер погребений, восточная ориентация, смешанный характер положения погребений, наличие вторичных захоронений, определенных конструктивных особенностей могильных ям) проявляются и с другими могильниками доандроновской бронзы Алтая — Староалейки-2⁶, Елунино⁷, могильника на поселковой улице г. Барнаула⁸.

Погребальный инвентарь могильника немногочислен, но разнообразен. В могилах практически не встречено дублирующих вещей, кроме костяных наконечников стрел и серебряных колец в полтора оборота. Наиболее часто встречаются орудия труда и украшения.

Наконечники стрел представлены 4 экземплярами: 3 из кости и 1 из яшм; последний обнаружен в паханном слое межмогильного пространства. Он имеет листовидную форму, черешок пристроен

(рис. 3, 12). Среди костяных наконечников выделяется 2 типа: 1-й — черешковый, одношпильный — гарпунного типа, линзовидный в сечении; 2-й — черешковый, с пламявидным пером, ромбическим в сечении. Из орудий труда найдены также: 2 проколки, изготовленные из грифельной кости животного, бронзовое шило — четырехгранное в сечении, кинжаловидное орудие из трубчатой кости, обломки 2 костяных игл, скребок и резец из яшмы.

Комплекс украшений следующий: 2 бронзовых височных кольца в три витка, изготовленные из круглой в сечении проволоки; 2 серебряных колечка в полтора витка; подвеска из зуба медведя; костяной гребень.

Особый интерес представляет находка стилизованного изображения головы медведя, выполненная из капа (рис. 3, 1). Скульптура выполнена достаточно стилизованно: голова зверя показана как бы видом сверху, однако не остается никаких сомнений при ее идентификации. Изделие служило поясной пряжкой. Оно имеет 3 отверстия: 2 в верхней лобной части для крепления к поясу и 1 в носовой — для крепления противоположной части пояски. На лицевой части пряжки с двух сторон имеются бороздки. Тыльная сторона сильно заложена. Абсолютную аналогию данному предмету мы находим на могильнике Сопка-2; скульптурка отличается лишь несколько большими пропорциями. Обнаружена *in situ* на поясе погребенного⁹. Несколько более отдаленную аналогию мы находим в могильнике Усть-Куюш в Горном Алтае¹⁰.

Думается, что нет необходимости приводить перечень аналогий для таких изделий, как кремневый наконечник стрелы, бронзовое шило, спиралевидные серьги и др. Такие вещи повсеместно распространены в культурах эпохи бронзы, в том числе и кротовской. Все они в большом количестве представлены на могильнике Сопка-2. Следует особо отметить костяной черешковый наконечник стрелы гарпунного типа. Такие наконечники широко представлены в погребениях кротовской культуры могильника Сопка-2 и, возможно, являются диагностирующими¹².

Керамика на могильнике представлена весьма скудно. Основная часть ее собрана с раскопанной площади памятника, иногда она встречалась в засыпках могил. Но в основном керамика концентрировалась вокруг погребений 3, 12 и 15, что не случайно. Как выяснилось при раскопках могильников Ростовка, Сопка-2, Ордынское-1, посуду при захоронении чаще всего ставили не в могилу, а рядом с ней¹³. На могильнике Сопка-2 керамика часто помещалась в ямы, сопутствующие могилам¹⁴, что отмечено и на анализируемом памятнике. Керамика, имеющая непосредственное отношение к могильнику, орнаментирована в основном отступающей гребенкой; встречены фрагменты, украшенные оттисками косоугольного трехзубого штампа, отступающей палочкой, прочерченными

линиями. Обжиг керамики слабый, в тесте примесь песка. Некоторые фрагменты на внутренней и внешней поверхности имеют следы заглаживания щепой. Все это позволяет идентифицировать данную керамику с посудой кротовской культуры. Важно отметить, что они в целом тождественны керамике, обнаруженной на расположенном неподалеку кротовском поселении Абрамово-10.

Более полное представление о посуде населения, оставившего могильник, дает развал сосуда из ямы 13 (рис. 3, 3). Плоскодонный сосуд имеет баночную форму закрытого типа с раздутым туловом, напоминающим по форме чугунок; по краю венчика он украшен косыми насечками. Поверхность сосуда не орнаментирована. С внутренней стороны его четко заметны следы заглаживания щепой. Аналогичная посуда встречена на поселениях и могильниках Преображенка-3, Сопка-2, Ростовка, Староалейка-2, Цыганкова Сопка-2, Крохалевка-1, Кротовский комплекс¹⁵

На основании погребального обряда, материалов могильника и приведенных аналогий можно сказать, что абрамовский могильник относится к кротовской культуре и входит, таким образом, в единый самусьско-сейменский культурно-хронологический пласт.

Следует иметь в виду, что памятник может быть перспективен для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все половозрастные определения выполнены канд. биол. наук А. Р. Кином. Материалы хранятся в Томском государственном университете.

² Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 75—84.

³ Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. С. 63—67.

⁴ Троицкая Т. Н. Курганный могильник Ордынское-1//Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1973. Вып. 85. С. 84—101; Зах В. А. Погребение кротовской культуры у села Ордынского//Сибирь в древности. Новосибирск, 1979; Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы... С. 83—84.

⁵ Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби/Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 111—115.

⁶ Бородаев В. Б., Кунгуров А. Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья//Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 73—92; Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы... С. 103—111.

⁷ Кирюшин Ю. Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая//Урало-Алтайстика: Археология. Этнография. Язык Новосибирск, 1985. С. 72—77; Он же. Новые могильники ранней бронзы... С. 100—101

⁸ Бородаев В. Б., Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Археологические памятники на территории Барнаула//Памятники истории и культуры Барнаула, 1983. С. 13—14

⁹ Молодин В. И. Раскопки могильника Сопка близ Новосибирска//Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 220.

¹⁰ Берс Е. М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 25—26.

- ¹¹ Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы... С. 40—73.
¹² Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2//Древние горячки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 104.
¹³ Матюшенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка... С. 89—98;
 Молодин В. И., Ламина Е. В. Керамика могильника Сопка-2//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1987. С. 138—141.
¹⁴ Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы...
¹⁵ Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977; Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы... Рис. 15—1, 2, 4, 6, 8; Молодин В. И., Ламина Е. В. Керамика могильника Сопка-2 //Исторические чтения памяти Михайла Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: М. П. Грязнов и его место в археологии. Теория и методика археологии. Каменный и бронзовый века. Скифская проблема. Омск, 1987. С. 138—141; Матюшенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка... Рис. 87: 2, 4, 5; Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы... Рис. 4—3, 5; 5—4; Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989.

С. В. МАРТЫНОВ

Тобольский педагогический институт

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТИПОВ ПОСУДЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Хронологические рамки археологических культур (тагарская, таштыкская, чаатас), глиняная посуда которых изучается в данной работе, определены более или менее четко. Нижняя дата тагарской культуры — VII в. до н. э.¹ В последнее время высказываются предположения об удревнении этой даты, но достаточно обоснованная аргументация отсутствует². Верхняя хронологическая граница культуры определяется исследованиями I в. до н. э. Каких-либо существенных расхождений относительно хронологических рамок тагарской культуры в литературе не наблюдается.

Что касается таштыкской культуры, то ее хронологические границы определяются по-разному. М. П. Грязнов датировал таштыкскую культуру I—V вв. н. э.; С. В. Киселев — I в. до н. э.— IV в. н. э.; Л. Р. Кызласов — сер. I в. до н. э.— V в. н. э.; Э. Б. Вадецкая — I в. до н. э.— VI в. н. э.³ Несмотря на указанные различия в датировке, хронологические границы культуры, опре-

деляемые исследователями, хотя и не идентичны, но близки между собой.

Культура чаатас выделена Л. Р. Кызласовым, ее хронологические рамки — VI — сер. IX в. н. э.⁴

Следует отметить, что наибольшие расхождения у исследователей связаны с внутренней хронологией (периодизацией) культур. Внутри культур выделяется различное количество этапов, существенно различается их датировка у разных авторов. Так, С. В. Киселевым в тагарской культуре выделены две стадии развития: VII — V вв. до н. э. и V—I вв. до н. э., переходная стадия — I в. до н. э.⁵ Автор высказал предположение, что с увеличением числа миниатюрных копий вещей «можно будет предположить такую хронологию: V—IV вв. — погребения с нормальными миниатюрами, III—I вв. до н. э. — с «небрежными»⁶.

М. П. Грязнов подразделял тагарскую культуру на 4 этапа: баинновский (VII—VI вв. до н. э.), подгорновский (VI—V вв. до н. э.), сарагашенский (IV—III вв. до н. э.), тесинский (II—I вв. до н. э.)⁷ Необходимо указать, что в другой работе он выделил еще 2 промежуточных этапа: черновский (ок. VII в. до н. э.) и лепешинский (ок. III в. до н. э.)⁸ В этом исследовании подгорновский этап датируется VIII в. до н. э. Обоснования для выделения двух промежуточных этапов в иной датировке промежуточного этапа не приводятся.

В таштыкской культуре М. П. Грязнов указывал на наличие 2 этапов: батеневского (I—II вв.) и тепсейского (III—V вв.)⁹ Л. Р. Кызласовым выделено 4 этапа таштыкской культуры: изыкский — сер. I в. до н. э. — нач. I в. н. э., сырский — I—II вв. н. э., уйбатский — III в. н. э., камешковский (переходный) — IV—V вв. н. э.¹⁰

Что касается культуры чаатас, то Л. Р. Кызласовым определены 2 этапа: утинский — VI—VII вв. и копенский — VIII — первая половина IX вв.¹¹

Как видно из приведенных выше схем периодизации, внутренняя хронология культур является вопросом дискуссионным. Если хронологические рамки производства посуды, учитывая ее принадлежность к той или иной археологической культуре, можно определить более или менее точно, то периодизация производства ее типов вызывает затруднения. Сужение хронологических границ существования типов керамики можно осуществить тремя путями: 1) отдать предпочтение какой-либо схеме периодизации и соотнести с ней типы посуды; 2) используя сравнительно-исторический метод, найти хорошо датированные аналогии и создать собственную периодизацию; 3) выявить внутренние закономерности развития производства посуды (естественно, эти закономерности существуют не сами по себе, а прямо связаны с конкрет

ным обществом) и, опираясь на них, определить время существования типов.

Остановимся подробнее на каждом из этих вариантов создания периодизации керамики. Какому из них отдать предпочтение? Казалось бы, *первый путь* самый простой. Необходимо только соотнести типы посуды с одной из имеющихся схем. Но... объективное обоснование выбора той или иной схемы требует тщательного анализа при их сопоставлении, т. е. необходимо обратить внимание на спорные моменты существующих схем периодизации с привлечением различных категорий вещей и их аналогий. Такой анализ выходит за пределы темы данной работы.

Что касается *второго* пути, то здесь имеются свои сложности. Во-первых, посуда соседних археологических культур не классифицирована, а значит нет и датированных типов. Во-вторых, каждой археологической культуре присущи свои формы сосудов, а если и имеются совпадения, едва ли мы можем уверенно утверждать, что это совпадение закономерно (не зная закономерностей развития производства другой культуры), а не случайно. В-третьих, как отмечают И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер, «то, что один археолог определяет термином «полная аналогия», другой признает лишь «частичной аналогией», а иногда и вообще не видит никакой аналогии (особенно если не согласен с предшественником). Строгих правил отбора аналогий нет. Никто точно не знает, как далеко во времени и пространстве мы можем удаляться от исследуемого объекта»¹², но это не означает, что аналогии нужно полностью отрицать; обращаться с ними надо осторожно.

Третий путь является самым надежным, он базируется непосредственно на том материале, который исследуется в данной работе. Правда, следует учесть, что, используя только его, будет довольно трудно создать относительную хронологию, не говоря уж об абсолютной датировке. Поэтому, используя третий вариант в качестве основного, будем учитывать и два других (соотнесение полученных результатов с результатами других исследователей, т. е. принимать во внимание существующие схемы периодизаций, датировку культур, а соответственно, косвенно или прямо, систему аналогий).

Прежде всего необходимо выявить синхронные типы посуды. Это можно сделать, учитывая взаимовстречаемость сосудов различных типов в одном погребении. Сам факт встречи разнотиповых сосудов еще не свидетельствует о полной синхронности типов. Сосуды могли быть поставлены в могилу в то время, когда один тип уже исчезал, а другой только появлялся. Поэтому важно знать, случайный или закономерный характер носит взаимовстречаемость. Выявить характер взаимовстречаемости можно при

помощи коэффициента сопряженности¹³. Коэффициент сопряженности вычисляется по формуле:

$$q = \frac{AB \cdot \overline{AB} - A\overline{B} \cdot \overline{AB}}{\sqrt{A \cdot \overline{A} \cdot B \cdot \overline{B}}}$$

где:

AB — количество погребений, содержащих одновременно типы A и B ;

\overline{AB} — количество погребений, не содержащих типы A и B ;

$A\overline{B}$ — погребения, в которых тип A встречается без B ;

\overline{AB} — погребения, в которых тип B встречается без A ;

A — все погребения, содержащие тип A ;

\overline{A} — все погребения без типа A ;

B — все погребения, содержащие тип B ;

\overline{B} — все погребения без типа B .

Коэффициент сопряженности (в данном случае взаимовстречаемости) может быть как положительным, так и отрицательным. При абсолютной величине 0,2 (применительно к конкретному материалу, который используется в данной работе) можно говорить о сильной взаимосвязи, носящей закономерный характер.

При обработке материала, когда учитывались все виды погребений, положительных результатов достичь не удалось. Получилось, что все типы синхронны, т. е. существуют на протяжении всей археологической культуры в целом (тагарская, таштыкская). Это связано с тем, что происходило искажение реальной картины из-за материалов склепов и курганов, содержащих большое количество погребений (зачастую не один десяток). Очевидно, в этих видах памятников погребение умерших производилось многократно, охватывая большой отрезок времени, что и привело к взаимовстречаемости несинхронных типов посуды. При дальнейшей обработке материала взаимовстречаемость сосудов из указанных погребений не учитывалась. Такой подход к материалу и позволил определить синхронные типы посуды. Рассмотрим *типы сосудов каждой культуры в отдельности*.

Использование коэффициента сопряженности позволило выделить несколько групп типов тагарской посуды, имеющих между собой сильные связи, которые свидетельствуют о синхронности типов, входящих в состав отдельных групп.

Полученные результаты сами по себе еще не позволяют создать относительную хронологическую шкалу типов посуды, так как они не дают возможности выявить соотношение этих групп между собой. Такая ситуация вызвана относительно небольшим количеством погребений, являющихся закрытыми археологическими комплексами, поэтому не все типы посуды в них попали, и группы типов не связаны друг с другом. Возникает вопрос, не одновре-

менны ли все типы перечисленных групп (случайно ли встречались)? Чтобы ответить на него, проанализируем состав каждой группы типов, используя датировку памятников, посуда которых учитывается в данной работе.

Сводные данные по периодизации памятников тагарской культуры (по М. П. Грязнову) имеются в работе Э. Б. Вадецкой¹⁴. Соотнося каждый сосуд, входящий в группу типов, с периодизацией памятников, получаем следующую картину: 1-я группа типов сосудов относится к сарагашенскому и тесинскому этапам, 2-я группа — к подгорновскому и сарагашенскому, 3-я группа — к байновскому и подгорновскому. Полученные результаты не укладываются в схему периодизации, разработанную М. П. Грязновым. Нет ли ошибки в разделении групп типов? Нет. Анализ состава каждого типа (не только входящих в группы) в отдельности приводит к тому же: посуда тагарской культуры делится на 3 хронологических группы. Практически ни один тип посуды, за редчайшим исключением, не входит в рамки какого-либо этапа. Несмотря на полученные расхождения, указанная схема периодизации помогает выявить относительную хронологию тагарской посуды.

В таштыкской культуре выделяются 3 группы синхронных типов, составляющих хронологическую цепочку. Каково же будет ее направление во времени? Учитывая видовой состав III этапа тагарской культуры, можно утверждать, что самой ранней группой таштыкской керамики будет группа, имеющая малое количество горшков, много банок и кубков, как и у тагарской керамики. Самой поздней будет посуда группы, куда входит основная масса горшков, что является характерной чертой для последующей культуры чаатас. Третья группа, как следует из схемы, занимает промежуточное положение.

Выявление ранней группы типов сосудов культуры чаатас вызывает некоторые затруднения, так как посуда этой культуры отлична от предшествующей таштыкской (нет многих видов посуды), состав групп в видовом плане *сходен*. Тем не менее, имеются аргументы, позволяющие отнести одну группу к более раннему периоду. В этой группе имеется случай взаимовстречаемости с баночным сосудом (характерная форма для таштыкской культуры). Кроме того, эта группа малочисленна в отличие от первой группы. Необходимо указать, что согласно Л. Р. Кызласову, поздние материалы культуры чаатас наиболее многочисленны и лучше изучены¹⁵.

Учет внутренних закономерностей хронологического развития посуды позволяет выделить 8 этапов производства керамики трех культур железного века Среднего Енисея. Относительная периодизация типов посуды базируется также на этих закономерностях,

т. е. с учетом состава хронологических групп типов (хронологическая близость групп сходных по составу форм посуды). Несмотря на то, что группы принадлежат к разным культурам, сопоставление их будет правомерным. Эти культуры, хотя и имеют различия (главная роль принадлежит временному фактору), являются генетически связанными. Исследователи южносибирской археологии, приводя убедительные аргументы, отмечают тесную связь тагарской культуры с таштыкской и таштыкской — с культурой чаатас.

Полученные *схемы периодизаций* производства посуды названных культур показывают, что культуры тагарская и таштыкская: длительность существования которых примерно одинакова, имеют по 3 этапа, а культура чаатас, имеющая более короткий временной отрезок, насчитывает 2 этапа. Отметим также, что последующая археологическая культура — тюхтятская (IX — вторая половина X вв.) на этапы не подразделяется¹⁶. Отсюда следует, что чем больше период существования культуры, тем больше этапов в ее развитии можно выделить.

Возникает вопрос, не является ли этап развития производства посуды величиной постоянной? Культуры, посуда которых изучается, охватывают период времени, равный примерно 1550 годам, и насчитывает 8 этапов. Время существования этапов составляет в среднем чуть более 190 лет. Такая точность едва ли будет соответствовать действительности, так как границы культур не имеют даты, установленной с точностью до года, поэтому округлим полученный результат и за период существования этапа примем 200 лет. Затем, основываясь на этом отрезке времени, определим хронологические границы культур.

Тагарская культура насчитывает 3 этапа. Длительность существования — 600 лет. При привязке к абсолютной шкале времени получается следующий результат — VII—II вв. до н. э. Таштыкская культура — 3 этапа, 600 лет, абсолютная хронология — I в. до н. э.—V в. н. э. Культура чаатас — 2 этапа, 400 лет, VI—IX вв. н. э.

Полученная датировка культур в основном совпадает с датировкой, сделанной другими исследователями на ином материале. Говорить о случайном совпадении не приходится, так как наблюдается сходство временных рамок (полученных в данной работе и других исследованиях) всех трех культур. Таким образом, предположение о постоянной хронологической величине этапов является верным. Соответственно можно датировать *этапы производства посуды* каждой археологической культуры: тагарская культура: 1-й этап — VII—VI вв. до н. э., 2-й этап — V—IV вв. до н. э., 3-й этап — III—II вв. до н. э.; таштыкская культура: 1-й этап — I в. до н. э.—I в. н. э., 2-й этап — II—III вв. н. э.

3-й этап — IV—V вв. н. э.; культура чаатас: 1-й этап — VI—VII вв. н. э., 2-й этап — VIII—IX вв. н. э.

Периодизация и датировка посуды тагарской культуры почти полностью совпадают с результатами периодизации и датировки культуры С. В. Киселева¹⁷, а культуры чаатас — с исследованиями Л. Р. Кызласова¹⁸. Что касается таштыжской культуры, то основное различие с периодизацией Л. Р. Кызласова в том, что происходит хронологическое укрупнение некоторых этапов. Дата камышевского этапа, по Л. Р. Кызласову, идентична 3-му этапу¹⁹.

Вполне вероятно, что подобный подход к датировке материала, базирующийся на внутренних закономерностях развития производства, несколько непривычен по сравнению с традиционной датировкой, основанной на сравнительно-историческом методе (система аналогий), но это не означает, что результаты, полученные в данной работе, являются сомнительными. Поясним это на одном примере. Смоделируем «необычную» ситуацию или, точнее, задачу, решение которой будет осуществляться как с позиций традиционных, так и с позиций методов, изложенных в этой работе, т. е. рассмотрим 2 варианта решения.

З а д а ч а. Сосуды 1-го типа найдены в погребении, которое точно датируется серединой I в. до н. э.; сосуды 2-го типа — в погребении, имеющем дату: середина I в. н. э. Имеется несколько случаев совместной встречи сосудов этих типов, но в могилах без датирующих материалов. Естественно, имеются погребения, где встречаются сосуды только 1-го или 2-го типов, также не датируемые. Отметим, что где-то есть сосуды, аналогичные сосудам 1-го типа, датированные I в. до н. э., и где-то сосуды, аналогичные сосудам 2-го типа с датой: вторая половина I в. до н. э. — начало I в. н. э. Какова будет дата сосудов 1-го и 2-го типов?

Р е ш е н и е. *1-й вариант* (традиционный). Сосуды 1-го типа можно датировать I в. до н. э., так как есть погребение, где сосуды этого типа имеют точную дату — середина I в. до н. э., и аналогичные сосуды с соседней территории, существующие в I в. до н. э. 2-й тип можно ограничить I в. н. э., так как имеется погребение, содержащее эти сосуды (середина I в. н. э.), кроме того, аналогичные сосуды конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. При этом нужно учесть время существования сосудов 1-го типа (I в. до н. э.). Вероятно, сосуды 2-го типа появились на нашей территории несколько позже, чем на соседней, и просуществовали дольше (дата погребения — середина I в. н. э.). Погребения, в которых встречены совместно сосуды 1-го и 2-го типов, можно датировать рубежом нашей эры.

2-й вариант. Подвариант «а». Установлено, что взаимосвязь (по встречаемости типов) слабая, незакономерная. Решение будет соответствовать предыдущему. Подвариант «б». Между 1-м

и 2-м типами существует сильная (закономерная) положительная связь. Вывод: типы синхронны. Можно датировать их I в. до н. э.— I в. н. э. Полученные результаты не противоречат условию задачи, случайно не встречены погребения с иной датой.

Из решения этой задачи видно, что 2-й вариант оказывается более гибким, позволяющим более точно отразить реальную картину. Кроме того, есть случаи, когда использование 1-го варианта может привести к существенным искажениям исторической действительности. Остановимся на этом подробнее в силу важности такого аспекта при обработке материала. Время существования этапа, выделенное нами, 200 лет, оно несколько условно. Это временное «ядро» этапа. Границы его будут аморфные, пересекающиеся друг с другом. Об этом свидетельствует взаимовстречаемость типов сосудов соседних этапов. Вероятно, отдельные типы сосудов 3-го этапа тагарской культуры могут существовать какое-то время и в I в. до н. э. (очевидно, это относится не только к посуде).

Аналогичная картина может наблюдаться и в любой другой культуре, т. е. тип посуды появился несколько раньше, чем этап в целом или заканчивается позже. Ответить конкретно на вопрос о временной протяженности такого явления мы пока не можем. Ясно только одно, что она не слишком большая, иначе характер взаимовстречаемости типов был бы иным (между собой встретилась бы посуда не только соседних этапов, да и количественно взаимовстречаемость посуды соседних этапов резко возросла). Возможно, такое временное «наложение» исчисляется двумя-тремя десятилетиями, т. е. в пределах одного поколения. Но в целом хронологические рамки этого этапа остаются неизменными.

Что касается традиционной датировки, то при ее использовании, как говорилось выше, могут вкратиться существенные ошибки. Они возникают в том случае, если обрабатывается материал, лежащий на стыке этапов или культур, имеющий четкую дату, т. е. конкретный материал датируется правильно (скажем, тагарская посуда 3-го этапа найдена в могиле начала I в. до н. э.), но в целом посуда такого типа будет датирована неверно II—I вв. до н. э. (используя аналогии с соседних территорий, относящихся ко II—I вв. до н. э.), тогда как она будет относиться к III—II вв. до н. э. Отдельные сосуды могут встретиться и в начале I в. до н. э.

Необходимо остановиться еще на одном моменте. Периодизация и хронология посуды культуры чаатас, а точнее ее последний этап, несколько выходит за временные рамки этой культуры. У нас 2-й этап датируется VIII—IX вв., тогда как Л. Р. Кызласов убедительно датирует его VIII—серединой IX вв.²⁰ Значит, этап производства посуды не всегда длится 200 лет? А соответствен-

но и вся периодизация культур может быть иной? Это единственный случай, когда этап вышел за хронологические рамки культуры. Кроме того, в тюхтятской культуре имеется посуда, аналогичная посуде культуры чаатас, продолжают существовать чаатасовские формы посуды²¹ Поэтому хронологические рамки последнего этапа не противоречат исторической действительности. Даже если мы и ограничим последний этап производства посуды 150 годами, это не значит, что длительность других этапов может быть различной. Вот почему.

Именно в середине IX в. н. э. происходят крупные изменения как в экономической, так и в политических областях. Складываются и укрепляются феодальные отношения. Крупные политические события были связаны с широкой военной экспансией древнехакасского государства²². Все это оказало влияние на развитие различных ремесел²³ Таким образом «нарушился» «естественный» ход развития производства, активно вступили в действие другие факторы (потребности феодального класса, потребности военной экспансии и т. п.) В основном менялся облик материальной культуры, хотя связь с предшествующей была тесной, но это меньше сказалось на производстве посуды (чаатасовские формы посуды существуют), поэтому датируем последний этап ее производства VIII—IX вв.

Именно такой подход к исследованию археологического материала, базирующийся на внутренних закономерностях, уменьшает возможность ошибок при использовании внешних источников (анalogии, данные письменных источников) для его периодизации и датировки, а в конечном итоге и для его исторической интерпретации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 187—196; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 184—303.

² Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 4.; Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 101.

³ Грязнов М. П. и др. Тагарская культура. С. 5.; Киселев С. В. Древняя история... С. 472; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М., 1960. С. 35—156.; Вадецкая Э. Б. Археологические памятники... С. 144—146.

⁴ Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46—52.

⁵ Киселев С. В. Древняя история... С. 184—303.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Грязнов М. П. Тагарская культура... С. 187—196.

⁸ Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников... С. 4.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха... С. 115, 136, 151, 156.

¹¹ Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас... С. 48.

¹² Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975. С. 16.

¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Археологическая типология и процесс типобразования на примере средневековых бус // Математические методы в социальных, экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 283—284; его же. Статистические методы в археологии. М., 1987. С. 97—98.

¹⁴ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники... С. 102—128.

¹⁵ Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас... С. 49.

¹⁶ Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X
Степи Евразии... С. 54—59.

¹⁷ Киселев С. В. Древняя история... С. 184—303.

¹⁸ Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас... С. 48.

¹⁹ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха... С. 156.

²⁰ Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас...; Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура...

²¹ Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура... Рис. 33. С. 144—145.

²² Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.— С. 68—70,
123—135.

²³ Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура... С. 58.

Ю. П. ЧЕМЯКИН

Уральский университет

СУРГУТСКОЕ ПРИОБЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Нижнее и Сургутское Приобье входили в ареал формирования угорских народов. На протяжении тысячелетий в этом регионе наблюдалась значительная близость материальной культуры, устойчивость и малая изменчивость форм предметов во времени. В. Н. Чернецов видел причину этого в том, что «к рубежу н. э. на территории Приобья и Приуралья уже заканчивалось сложение достаточно устойчивых этнических образований, развитие которых на протяжении большей части I тыс. н. э. не нарушалось никакими посторонними воздействиями»¹

Иная картина наблюдается в конце II—I тыс. до н. э., когда в таежной зоне Западной Сибири происходили активные миграционные процессы. Большой интерес в этом отношении представляет Сургутское Приобье, где для этого периода зафиксированы две миграционные волны. Археологические материалы показывают, что к I тыс. до н. э. в этом районе наметилось своеобразие культур

по сравнению с прилегающими территориями. Не исключено, что уже с этого времени начинается дифференциация различных групп обско-угорского населения, завершившаяся формированием этнографических (по З. П. Соколовой) групп хантов и манси².

Анализ археологического материала в то же время показывает, что, по крайней мере, с эпохи бронзы в таежной зоне Западной Сибири (исключая, возможно, ее южную часть) существовали большие культурные общности. Сначала это была *гребенчатоямочная культурная общность*, памятники которой обнаружены от Нижнего до Томско-Нарымского Приобья³. В конце бронзового века в Нижнем Приобье формируется *общность крестовой керамики*, распространившейся затем вплоть до Новосибирского Приобья (завьяловские комплексы). Во второй половине I тыс. до н. э. эти территории занимают памятники *кулайской культурной общности*. В раннем средневековье в пределах бывшего кулайского ареала в Приобье складываются два новых крупных культурных ареала, включавших близкие между собой культуры: *северо-западный* (потчевашская, нижеобская культуры) и *юго-восточный* (релкинская, верхнеобская культуры)⁴. Существование подобных общностей было обусловлено единством природной среды, определившей сходные формы как хозяйственной, так и духовной жизни. Миграции еще больше способствовали нивелировке культур. Стабильность же ландшафтно-климатических условий таежных районов Западной Сибири, их продуктивность привели к тому, что традиционные промыслы — охота, рыболовство, собирательство — в течение нескольких последних тысячелетий не претерпели каких-либо радикальных изменений⁵.

Предлагаемая ниже *схема развития археологических культур II—I тыс. до н. э.* построена, в первую очередь, на анализе керамики и каменных изделий, остатков жилищ и поселений из раскопок на Барсовой Горе. Имеющиеся материалы из других районов Сургутского Приобья подтверждают ее.

Урочище Барсова Гора, расположенное на правом берегу Оби в 12—20 км вниз от г. Сургута, хорошо известно в археологической литературе. Еще в прошлом веке раскопками здесь занимались В. Ф. Казаков, С. М. Чугунов, Ф. Мартин. В 1925 г. Н. Павлов снял схематический план городищ. В 1935 г. в Стокгольме вышла книга Т. Арне «Barsoff Gorodok», посвященная в основном раскопкам одноименного могильника⁶. Эти материалы широко привлекались советскими исследователями.

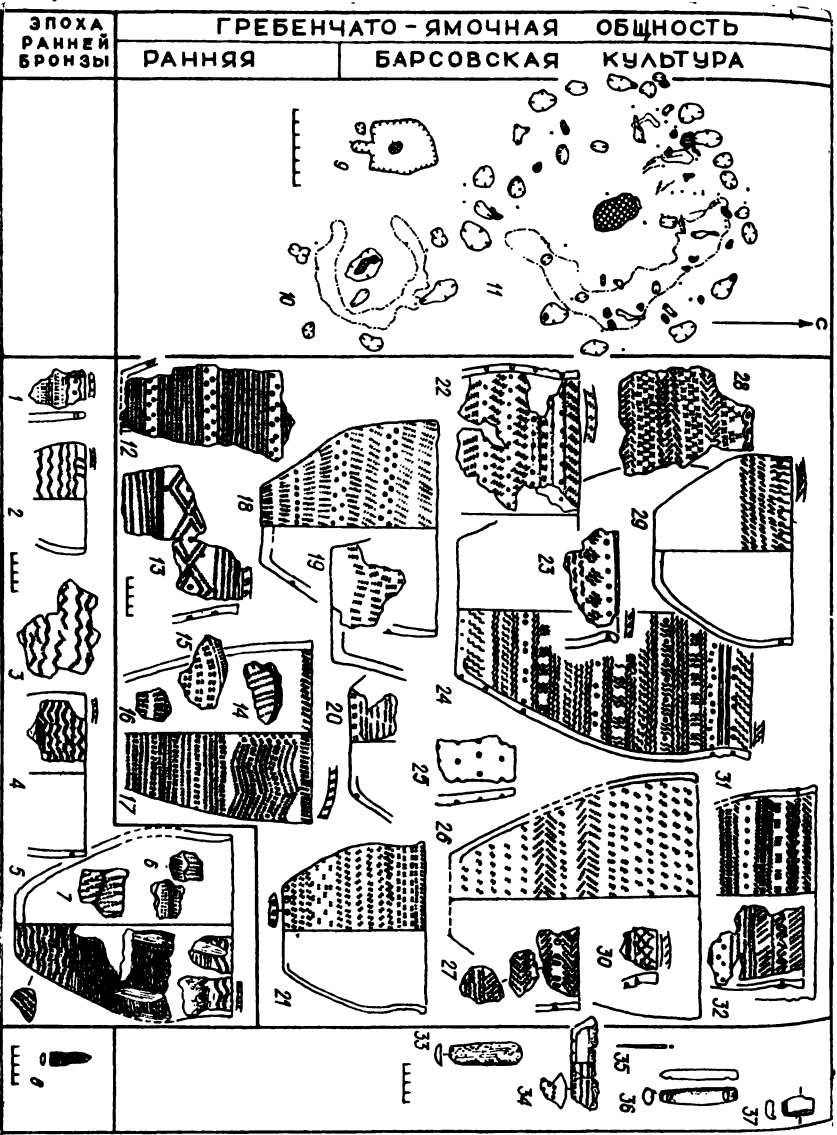
Второе открытие Барсовой Горы началось с 1971 г., когда к планомерным работам на ней приступила Уральская археологическая экспедиция. За эти годы выяснилось, что Барсова Гора представляет собой уникальное скопление археологических памятников, равному которому нет в Западной Сибири. Здесь открыто

3000 жилищ, объединенных в сотни селищ, 60 городищ, 2 могильника, святилища, охотничьи ловушки. По мнению Ю. Б. Серикова, первые следы посещения Барсовой Горы относятся к мезолиту, а последнее хантыйское жертвоприношение на ней зафиксировано в 1973 г. Большинство остатков сезонных жилищ по своему характеру приближаются к закрытым комплексам, а их многочисленность дает редкую возможность проследить непрерывную эволюцию материальной культуры, составить периодизацию и детальную хронологическую шкалу для периода протяженностью минимум в 5 тыс. лет, значение которых выходит далеко за пределы Сургутского Приобья. За 14 лет на Барсовой Горе раскопано около 90 жилищ на 48 городищах, более 280 построек на различных селищах, 2 могильника и 3 святилища. Материалы раскопок примерно 300 древних сооружений легли в основу данной работы*.

В бронзовом веке на Барсовой Горе появились памятники с гребенчато-ямочной керамикой (известно свыше 20 пунктов). Малочисленность материалов эпохи ранней бронзы не дает пока оснований считать ее местной, так как в предшествующее время здесь была распространена керамика с прочерченным, отступающенакольчатым и шагающим орнаментом (рис. 1, 1—8). Наиболее ранние памятники датируются, по крайней мере, поздним неолитом. Время орнаментальных традиций не установлено, но форма ранних сосудов (плоскодонные банки, в том числе вытянутых пропорций), характер узоров (широкие прямые и зигзагообразные пояса, разделенные круглыми или квадратными ямками, ромбы, напоминающие аятские) позволяют предположить, что это произошло в начале самуэско-сейминской эпохи.

Для керамики этого времени характерны прокатанный гребенчатый штамп с тонкими широкими зубцами и двузубый (городище Барсов Городок II/14, рис. 1, 12—17). Орнамент густо покрывал всю поверхность сосудов, включая венчики и днища. В дальнейшем сосуды становятся более приземистыми, появляются слабо профилированные горшки. Исчезает широкозубый гребенчатый штамп. Орнамент становится более разряженным, чаще применяется змейковидный штамп. Со времени появления штампов в виде уточки, птички, прямого и рамчатого креста, индивидуальных форм (рис. 1, 20—32) можно говорить о барсовской культуре, сложившейся в последней четверти II тыс. до н. э. в границах поздней гребенчато-ямочной общности (селище Барсова Гора I/40, I/43, I/50, III/4, Барцевка IV и др.)⁷ Барсовские сосуды украшались также желобками, валиками (в том числе налел-

* Автор благодарит М. В. Елькину, В. Ф. Кернер, Л. Л. Косинскую, В. М. Морозова и Н. В. Федорову за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

Р и с. 1:

1—8 — городище Барсов городок 1/3; 9 — селище Барсова гора II/1; 10, 20, 21, 26, 27 — селище Барсова гора III/4; 11, 28, 30—32, 36, 37 — селище Барсова гора 1/50; 12—17 — городище Барсова гора 1/14; 18, 19 — селище Барсова гора 1/26; 22, 23, 25, 33—35 — селище Барсова гора 1/40; 24, 29 — селище Барсова гора 1/43; 1—7, 12—32, 34, 37 — глина; 33, 36 — камень; 35 — бронза

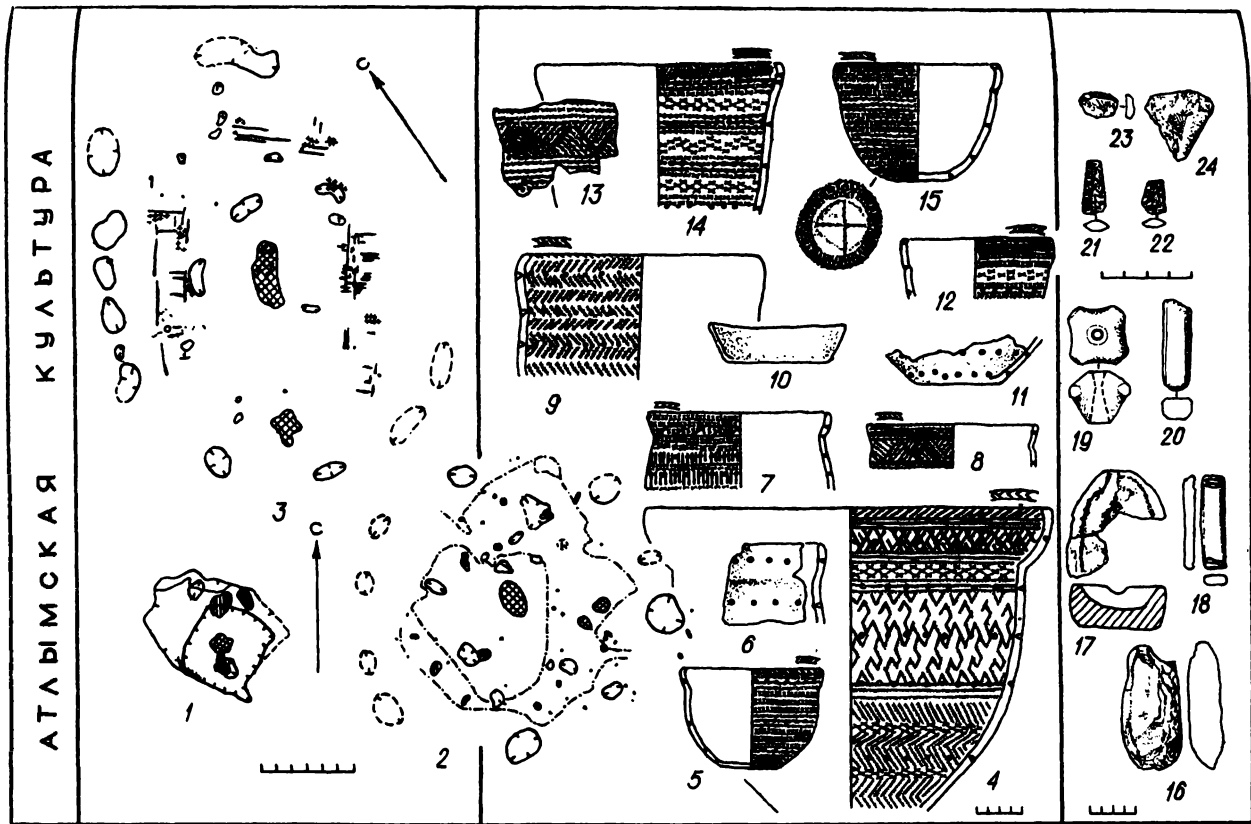
ными), пальцевыми вдавлениями и защипами (рис. 1, 22, 24, 28, 31, 32). Основная примесь к глине — шамот. Близость поздних комплексов керамики раннего железного века свидетельствует, что барсовская культура доживает до его начала.

Ранние жилища с гребенчато-ямочной керамикой небольшие, прямоугольные, углубленные до 40—50 см. Собственно барсовские постройки наземные, небольшие (5×5 — 7×8 м), иногда слегка присыпанные снаружи песком (рис. 1, 10). Раскопано позднее жилище квадратной формы больших размеров (15×15 м — селище I/50, рис. 1, 11). Известно одно строение со слегка углубленным котлованом размером 7,7×6 м на селище Барсова Горы II/1 (рис. 1, 9). Во всех жилищах в центре находился один очаг. Не исключено, что среди разрушенных поздними сооружениями были постройки и с 2—3 очагами. Планировка барсовских поселений беспорядочная.

Основным занятием населения были охота и рыболовство. Этой деятельности соответствовала сезонность поселений, их небольшие размеры. Во всех очагах найдены пережженные кости животных. Среди каменного инвентаря значительное место занимают рыболовные грузила, в том числе с желобками у торцевых граней (рис. 1, 33, 36), и орудия для обработки камня: отбойники, шлифовальные плиты, пилы. Из-за отсутствия хорошей сырьевой базы кремневые орудия почти не встречаются. О металлообработке свидетельствуют ошлакованные сосуды, обломки глиняных литейных форм, немногочисленные бронзовые вещи (рис. 1, 34, 35, 37). Отсутствие рудных проявлений предполагает наличие обмена с югом, однако источники металла не ясны. На селище Барцевка IV зафиксированы следы контактов с южнотаежными (сузгунскими или еловскими) племенами⁸.

На рубеже тысячелетий в Сургутском Приобье из Нижнего проникают *атлымские* племена (известны 12 памятников)⁹. Многочисленность поселений, разнообразие керамики, построек свидетельствуют, что пришельцы долгое время не смешивались с местными (барсовским) населением. Здесь характерны плоскостонные горшки с дугообразно выгнутой шейкой. В глине не редка примесь песка. Среди орнаментальных композиций вместе горизонтальной елочкой, разнонаклонными поясками встречаются меандры, взаимопроникающие треугольники, ромбы. Ямки выполняют роль разделительных поясков. Господствуют крестовый и мелкоструйчатый штампы (рис. 2, 4—15).

Атлымские жилища близки барсовским. Раскопаны слегка углубленные прямоугольные с коридорообразным выходом и наземные, в том числе с песчаной присыпкой стен, постройки (рис. 2, 1, 2). Среди последних выделяются 2 группы: размером до 9×7 м и свыше 13×10 м. Оригинально прямоугольное жилище 107 разме-

Р и с. 2:

1, 5, 6 — селище Барсова гора 1/22 а; 2, 9—17, 20—24 — селище Барсова гора 1/40; 3, 19 — поселение Барсова гора III, объект 107;
4 — городище Барсов городок III/1; 7, 8 — городище Барсов городок 1/3; 18 — селище Барсова гора 1/1 а, 4—15, 17 — глина; 16, 18—24 — камень

ром 19×14 м, с двойными стенами (рис. 2, 3). Возможно, в это время появляются городища (малый Атлым I в Нижнем Приобье)¹⁰

Среди кремневых изделий есть нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, наконечники стрел (рис. 2, 21—24). Своеобразны грузила в виде каменных брусков с поперечными желобками на торцах (рис. 2, 18). Встречаются абразивы, шлифовальные плитки, терочники, песты, тесла (рис. 2, 16). С обработкой меди и бронзы связаны многочисленные тигли (рис. 2, 17), сплски, обломки глиняных литейных форм. В Нижнем Приобье на атлымских памятниках известна глиняная пластика и плоское литье (фигурки медведей)¹¹.

В Сургутском Приобье атлымская культура датируется примерно X—VIII вв. до н. э.¹² Зафиксированы ее связи с гамаюнскими племенами Урала¹³. Часть атлымского населения впоследствии, очевидно, ушла в Томско-Нарымское и Новосибирское Приобье, где приняла участие в сложении молчановской культуры, памятников завьяловского типа. Не исключена также миграция в Среднее Прииртышье и Приишимье, хотя, скорее, атлымские племена там появились из Нижнего Приобья¹⁴. Оставшаяся часть к началу раннего железного века была ассимилирована местными племенами.

Ранний железный век в Сургутском Приобье ознаменовался изменениями форм посуды, принципов ее орнаментации, значительным увеличением бронзолитейного производства, появлением плоского культового литья и широким распространением городищ. На место плоскодонных сосудов приходятся круглодонные и с приостренным дном, появляются поддоны. Орнамент покрывает, как правило, только верхнюю треть сосудов, включая венчик. В глине примесь шамота.

Примерно в VIII — начале VII вв. до н. э. на основе барсовской культуры с участием атлымской формируется *белоярская*¹⁵. Для нее характерна котловидная посуда (на раннем этапе встречается горшковидная) со слабо профилированным плечиком. Редки небольшие чаши и четырехугольные плоскодонные сосуды. Основные элементы орнамента: горизонтальные линии и ряды разнонаклонных оттисков, реже встречаются зигзаги. Геометрические фигуры и меандры единичны. Под венчиком проходит разделительный пояс из ямок. На ранней посуде такие пояски нанесены и под орнаментированной зоной, на нижней части сосуда (традиция бронзового века, рис. 3, 9). Узоры наносились штампами чаще гребенчатый и змейковидным. На раннем этапе применялись также мелкогребенчатый прокатанный, мелкоструйчатый штампы в виде прямого и косоугольного креста (рис. 3, 4—11). На смену им приходят фигурные (ромбы, треугольники, битрехугольники и др.). часто с зубцами внутри (рис. 3, 12—14). На позднем этапе

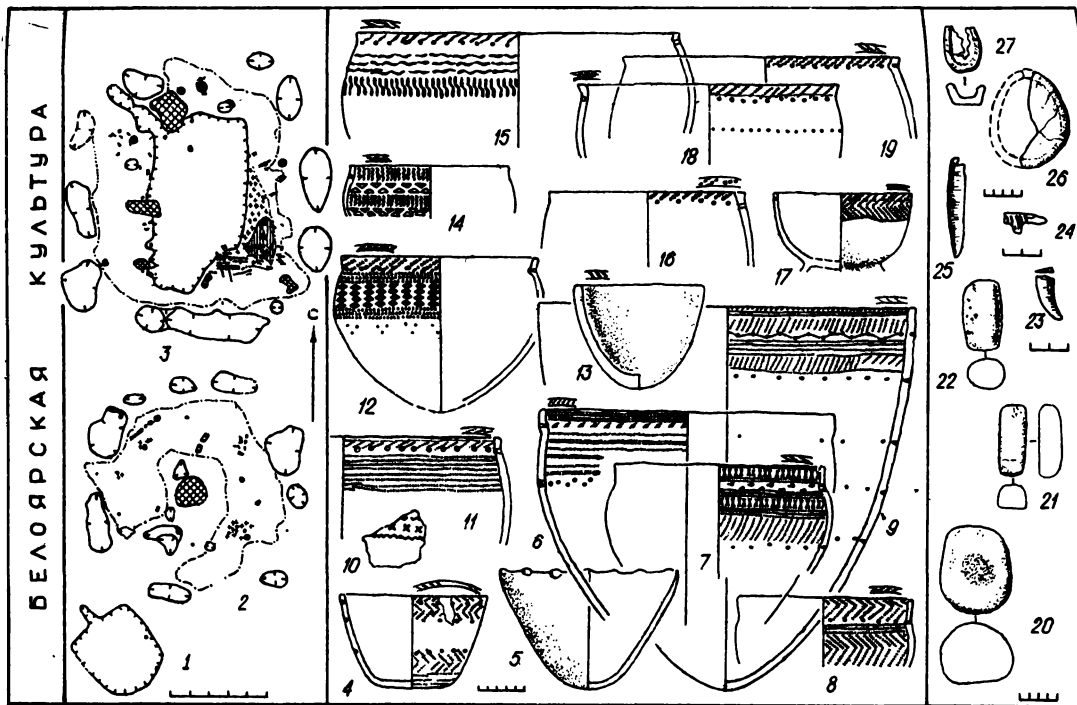

Рис. 3:

1, 4, 6-9, 20-22 — селище Барсова гора I/40; 2, 3 — селище Барсова гора III/10; 5, 11 — селище Барсова гора III/1; 10 — городище Барсов городок I/11; 12, 16, 17, 18, 23 — городище Барсов городок I/1; 13, 27 — городище Барсов городок I/2; 14 — городище Барсов городок I/14; 15, 19 — городище Барсов городок I/9; 24 — городище Барсов городок III/1; 25, 26 — городище Барсов городок I/12; 4-19, 26, 27 — глина, 20-22 — камень, 23-25 — бронза

орнамент еще более упрощается, преобладают крупный гребенчатый и короткий змейковидный штампы (рис. 3, 15—19). Близкая белоярская керамика найдена в Нижнем Приобье.

На всем протяжении белоярской культуры существовало несколько типов построек. Преобладали наземные подпрямоугольные с одним очагом (размеры 6—9×5—8 м, рис. 3, 2) и с двумя и более очагами (размеры 11—15×6—12 м). К концу белоярской культуры чаще встречаются жилища с углубленным на 20—50 см котлованом, с одним (4,8—7×3—6 м) и двумя очагами (8—9×5—9 м, рис. 3, 3). На поселениях сооружались также хозяйственные постройки прямоугольной формы с углубленным котлованом (размеры 4—5×3—3,8 м; рис. 3, 1), иногда с коридорообразным выходом в сторону жилищ. Планировка селищ беспорядочная. Городища сравнительно большие: береговые вытянуты на 53—78 м, размеры лесных 118×65—98 м, застройка их также беспорядочная. Лишь одно из поздних — городище Барсов городок 1/1 — имело внутреннюю площадку размером 24×22 м, на которой размещались 4 жилища с углубленными котлованами. Современные размеры оборонительных сооружений незначительны: глубина рва и высота редко превышают 50 см.

В раннебелоярское время наряду с металлообработкой по-прежнему большую роль играла обработка камня. В жилищах встречены отбойники, наковальни (рис. 3, 20), точильные камни, шлифовальные плиты, пилы. Раскопано жилище-мастерская по производству грузил (рис. 3, 21, 22) и других каменных изделий. Это жилище выделяется среди других углубленным овальным котлованом. В нем же найдена единственная пока глиняная скульптурка человека (покровителя ремесла?). В белоярских жилищах впервые встречено плоское литье, пока еще малочисленное (рис. 3, 24). Среди бронзовых вещей есть односторонние ножи (рис. 3, 23, 25). Почти в каждом жилище обнаружены тигли (рис. 3, 26, 27). Основные формы хозяйства — охота и рыболовство (найденны кости северного оленя, мелких пушных животных).

Белоярская культура синхронна памятникам васюганского этапа кулайской культуры. К югу от нее была распространена ранняя саргатская культура, на Урале — гамаюнская и иткульская. Не ясно западное окружение. Выделенная В. Н. Чернецовым зеленогорская культура пока не подтверждается новыми раскопками¹⁶

Очевидно, не ранее VI в. до н. э. в Сургутском Приобье появляется новая этническая группа¹⁷. Для нее характерны иная форма посуды, принципы ее орнаментации и штампы, иная планировка поселений. Эта культура сосуществует с белоярской, что подтверждается взаимовстречаемостью разных типов керамики на поселениях.

В то же время на ряде памятников зафиксировано ее более позднее положение (Барсов городок I/10, I/13).

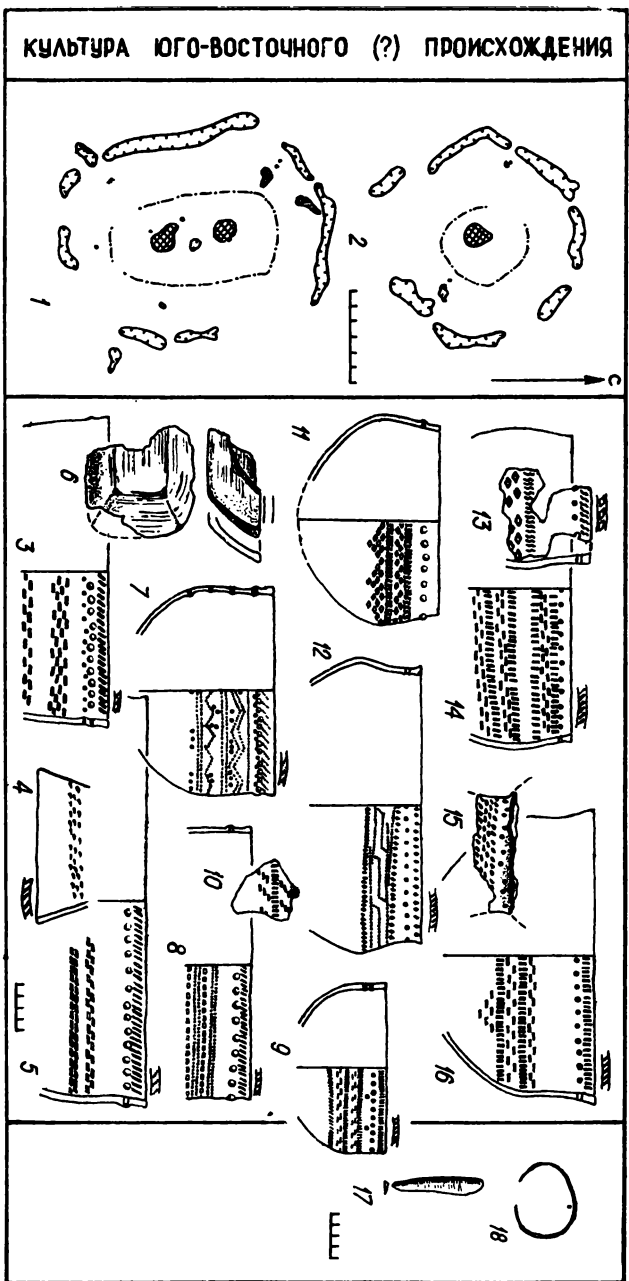
Преобладающая форма у пришлого населения — чашевидная, с высокой прямой шейкой (рис. 4, 3—16). Орнаментальная композиция делилась на 2 зоны: под венчиком и на плечиках, между ними находилась зона, свободная от узоров. Рисунок наносился коротким гребенчатым или гладким штампами и представлял собой чередование поясков из вертикальных или наклонных оттисков штампа с оттисками, расположенными в шахматном порядке. Реже встречаются горизонтальные линии и зигзаги, выполненные прокатанным (?) гребенчатым штампом. Разделительный пояс под венчиком выполнялся ямками, жемчужинами или комбинацией ямок и жемчужин. На поздних сосудах появляются белоярские черты (котловидная форма, ямки в разделительной зоне, ромбические штампы, отсутствие неорнаментированной зоны).

Жилища более стандартные, прямоугольные. На поселениях они наземные, ранние — в основном с двумя очагами, поздние — с одним. Среди первых по размерам выделяются 2 группы: 10—11×6—8 м и 14—15×9—10 м (рис. 4, 1, 2); последние в среднем 8—11×6—9 м. Планировка селищ линейная, одно-два жилища или хозяйственных строения находились сбоку от ряда. На городищах жилища меньше (6—8×5—7 м), в основном, с одним очагом, иногда чуть углубленные. Береговые городища больше лесных (55×39, 10×42 м и 23×16, 38×33 м соответственно). Оборонительные сооружения по характеристике близки белоярским. Жилища располагались в 2—3 линии параллельно валу.

Хозяйство, по археологическим данным, почти не отличалось от белоярского. Следует отметить лишь появление лошади. Однако существовало ли здесь собственное коневодство или лошадей привозили (с юга?) — пока не ясно. В жилищах найдены немногочисленные каменные изделия, бронзовые однолезвийные ножи, браслеты (рис. 4, 17—18), тигли; в нескольких постройках — чешуя рыбы.

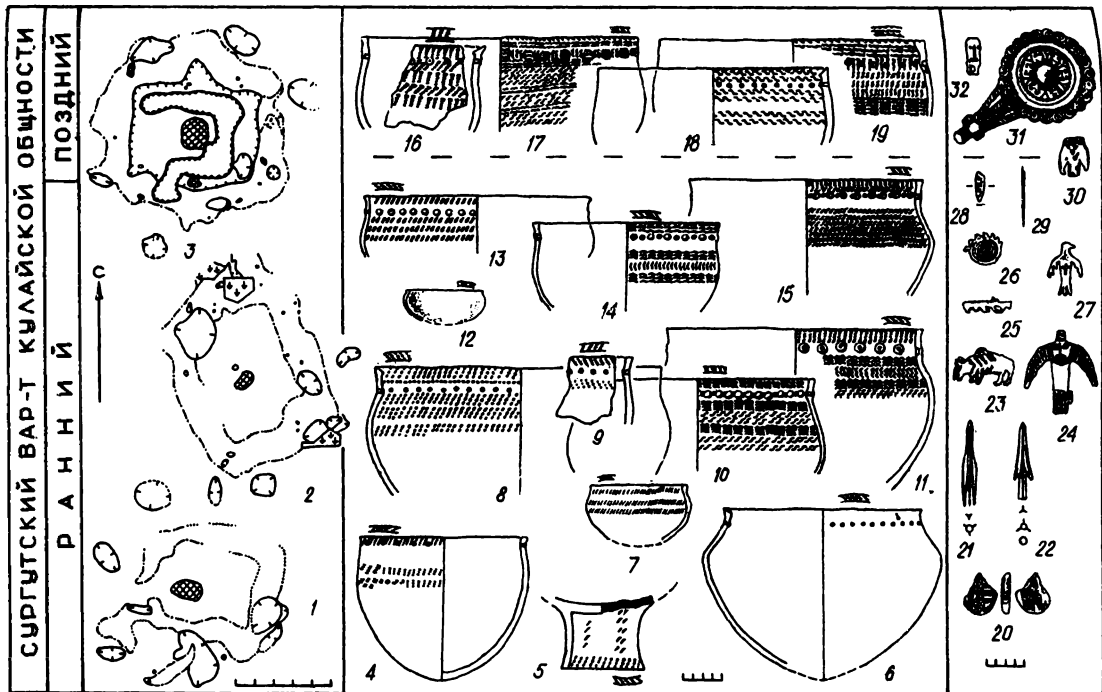
Несмотря на то, что в Сургутском Приобье описанная культура появилась в сложившемся виде, источники ее не ясны. Ряд признаков (жемчужины и неорнаментированные зоны на керамике, лошадь в хозяйстве) свидетельствуют о ее южном, возможно, юго-восточном происхождении. Керамика, отдаленно напоминающая сургутскую, обнаружена в Васюганском Приобье. Мы не даем пока названия этой культуре, так как считаем правильной назвать ее по месту происхождения. В результате ассимиляции пришлого населения местным (белоярским) здесь, примерно в IV—III вв. до н. э., складывается *сургутский вариант кулайской общности*¹⁸.

КУЛЬТУРА ЮГО-ВОСТОЧНОГО (?) ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Р и с. 4:

1, 2, 11—16, 18 — селнище Барсова гора I/4/3; 3, 5, 8, 9 — городище Барсов городок II/2; 4 — городище Барсов городок I/10; 6, 7 — городище Барсов городок I/13; 10 — городище Барсов городок I/9; 17 — селнище Барсова гора III/3; 3—16 — глина; 17—18 — бронза

Р и с. 5:

1—3 — селище Барсова гора III/10; 4—6 — селище Барсова гора 1/22 а; 7—9 — городище Барсов городок Iâ12; 10, 11 — поселение Барсова гора III, о. 230; 12—15 — городище Барсов городок III/3; 16—19 — городище Барсов городок 1/4. 20, 27 — городище Барсов городок 1/8; 21 — селище Барсова гора IV/3; 22 — городище Барсов городок 1/20; 23, 24 — городище Барсов городок III/4; 25, 26 — селище Барсова гора III/2; 28, 29 — городище Барсов городок 1/15; 30—32 — городище Барсов городок 1/9; 4—20 глина; 21—27, 29—32 — бронза, 28 — железо

Сургутская керамика в основном горшковидная, с хорошо профилированной шейкой, иногда с ребром на переходе от плечика к тулову. Украшена горизонтальными поясками из вертикальных наклонных и горизонтальных оттисков штампов в виде короткой гребенки, уточки или птички, реже уголка. Поддоны иногда орнаментировались вертикальными или наклонными поясками из оттисков этих же штампов или насечками. Нами выделены 2 хронологические группы. Ранняя керамика более профилированная, венчик у нее прямой, либо слегка скошенный, иногда с карнизом (рис. 5, 4—15). Среди поздней чаще встречаются слабопрофилированные и котловидные. Венчик нередко сильно скошен внутрь, орнамент более густой и спускается ниже по тулову, чем на ранней посуде (рис. 5, 16—19).

Сургутские жилища прямоугольные, с коридорообразным выходом (рис. 5, 1—3). За редким исключением они имели углубленный на 15—50 см котлован или его центральную часть. В центре находился, как правило, один очаг. По размерам жилища делятся на 2 группы: 5—8×4—6 м и 8—11×5—8 м. Планировка поселений круговая. Размеры городищ небольшие (лесные — 27×27 и 31×21 м, береговые — 33—51×15—17 м). Оборонительные сооружения становятся более мощными (глубина рва достигает 1—1,5 м, высота вала 0,5—1 м). Позднее городище Барсов городок 1/4 окружено рвом глубиной до 2 м и валом высотой 1,5—2 м.

На поселениях найдены каменные орудия, бронзовые украшения, иглы (рис. 5, 28), ножи, сравнительно много плоского литья (рис. 5, 23—27, 30, 31), многочисленные тигли. Впервые появляются наконечники стрел усть-полуйского и кулайского типов (рис. 5, 21, 22). На городище Барсов городок 1/15 в очаге обнаружены обломки железных вещей (рис. 5, 28). Остеологический материал представлен костями северного оленя и рыб.

Таким образом, формы хойяства по сравнению с предшествующим временем не меняются. Находки стеклянных и пастовых бус, бронзовых зеркал, эполетообразных застёжек (рис. 5, 31) и т. д. отражают контакты с соседними общностями, в частности с населением Прикамья. По-видимому, на рубеже эпох раннего железа и средневековья возникают святилища (городище Барсов городок 1/9).

Анализ керамики, инвентаря, в первую очередь — культового литья, показывает, что сургутские памятники близки кулайским и усть-полуйским, образуя с ними единую культурную общность конца раннего железного века. Аналогичная сургутской посуда найдена также в Среднем Прииртышье (поселение Прорва, поздний комплекс).

Ранняя сургутская керамика синхронна поздней васюганской — ранней саровской и второй группе усть-полуйской (на наш взгляд,

при выделении второй и третьей групп усть-полуйской керамики была допущена ошибка¹⁹. Мы полагаем, что в обеих группах есть сосуды как с гребенчатой, так и с фигурной орнаментацией. Разница будет в форме, в том числе венчика, характере орнаментации и некоторых штампах; на поздней посуде композиции насыщенной, присутствует крестовый штамп. Вряд ли ее сложение, как впрочем, и усть-полуйской, связано с миграцией саровского населения. На наш взгляд, они сформировались ранее II в. до н. э., к тому же штампы в виде уточки и птички в Сургутском Приобье были известны уже в эпоху поздней бронзы (рис. 1, 24). Керамика северного происхождения с фигурными штампами встречена в поздних гамаюнских (единично); а также в саргатских памятниках.

Поздняя керамика сопоставима с саровской и третьей группой усть-полуйской и датируется, скорее всего, началом нашей эры. Она имеет много общего с посудой ярсалинского этапа нижнеобской культуры²⁰. Близость обнаруживается и в облике металлических вещей, и в устройстве жилищ, и в планировке городищ. Несомненно перерастание одной культуры в другую, их генетическое родство. Еще В. Н. Чернецовым нижнеобская культура была определена как древне-хантыйская²¹, поэтому и памятники сургутского типа можно считать прохантыйскими (угорскими), в сложении которых в разное время, наряду с местными, приняли участие и нижнеобская атлымская культура (в конце бронзового века), и какая-то этническая группа южного происхождения (в середине I тыс. до н. э.).

Уникальность комплекса памятников на Барсовой горе, их значимость для решения проблем генезиса современных угорских народов требует принятия незамедлительных и действенных мер по их охране. К сожалению, хозяйственное освоение этого региона уже привело к уничтожению почти 1000 жилищ и около 10 городищ; наблюдается увеличение темпов строительства при сокращении объемов археологических работ. При этом не только гибнут памятники, но и бесследно исчезают культурно-исторические ценности: серебряные блюда, гривны, монеты, культовое литье и т. п. Для спасения сургутских древностей оптимальным явилось бы образование крупной комплексной археологической экспедиции и создание на всей территории Барсовой Горы археологического заказника или заповедника.

ПРИМЕЧАНИЯ

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры//МИА. 1957. № 58. С. 137.

² Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров//Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

³ **Посредников В. А.** О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьях II и некоторых других памятников в Таежном Приобье (эпоха бронзы) // Из истории Сибири. Томск. 1973. Вып. 7. С. 97; **Васильев Е. А.** Гребенчатоямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 3—5.

⁴ **Чиндина Л. А.** Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 22.

⁵ **Косарева М. Ф.** Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 92.

⁶ **Agne T. V. Barsoff Gorodok.** Stockholm, 1935.

⁷ О памятниках барсовской культуры в Сургутском Приобье см.: **Елькина М. В.** Поселение раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977; **Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала. Свердловск, 1984.

⁸ **Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Новое поселение барсовой культуры (в печати).

⁹ **Чемякин Ю. П., Коротаев В. П.** Многослойное городище Барсов городок 1/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976; **Елькина М. В.** Указ. соч.; **Чемякин Ю. П.** Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // ВАУ. Свердловск, 1981; **Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Поселение начала I тыс. до н. э. ...

¹⁰ **Васильев Е. А.** Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 7.

¹¹ **Васильев Е. А.** Исследования в Нижнем Приобье // А. О. 1981. М., 1983. С. 190.

¹² **Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Поселение начала I тыс. до н. э. ◆

¹³ **Чемякин Ю. П., Коротаев В. П.** Многослойное городище Барсов городок 1/10... С. 53, 55.

¹⁴ **Чемякин Ю. П.** Керамика эпохи финальной бронзы... С. 88—91; **Васильев Е. А.** Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы. С. 12—14.

¹⁵ **Чемякин Ю. П., Коротаев В. П.** Многослойное городище Барсов городок 1/10...; **Елькина М. В.** Указ. соч.; **Чемякин Ю. П., Сосновкин И. Н.** Городище Барсов городок 1/2 близ г. Сургута // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. Вып. 2; **Чемякин Ю. П.** Городища Барсов городок 1/11 и 1/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья. Там же; **Чемякин Ю. П.** Городища Барсов городок 1/13 и 1/14 // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

¹⁶ **Чернецов В. Н.** Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 66—69. Табл. 21, 22.

¹⁷ **Чемякин Ю. П., Коротаев В. П.** Многослойное городище Барсов городок 1/10...; **Елькина М. В.** Указ. соч.; **Чемякин Ю. П.** Городища Барсов городок 1/13 и 1/14...

¹⁸ **Елькина М. В.** Указ. соч.; **Чемякин Ю. П.** Городища Барсов городок 1/11 и 1/12...

¹⁹ **Мошинская В. И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. Вып. Д 3—8. М., 1965. С. 23, 24. Рис. 11.

²⁰ **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии до н. э. С. 138—160. Табл. 1, 2, 4, 6.

²¹ Там же. С. 238.

К ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

Эпоха раннего железа на территории лесостепной полосы Западной Сибири, охватывающая по хронологической протяженности почти тысячелетие (вторая половина I тыс. до н. э.— середина I тыс. н. э.), была временем зарождения и развития тех этногенетических процессов, конечным итогом которых явилось формирование современных самодийских и угорских этносов.

В этой связи исследователей этноистории уральских народов давно уже привлекали и привлекают памятники двух археологических культур данного региона — саргатской и кулайской.

Памятники саргатской культуры, представленные как поселения (городища и неукрепленные селища), так и могильниками (курганы), выявлены на обширной территории лесостепного Приоболья и Прииртышья (более всего на правобережье Иртыша, в междуречье Тары и Оми и далее на юг вплоть до границы Северного Казахстана). Если не учитывать раскопки дореволюционного времени, не носившие систематического характера, то первые материалы, комплексно отражающие местную археологическую культуру, были получены в середине 1920-х годов экспедицией, возглавляемой В. П. Левашовой, которая провела раскопки курганов у сел Саргатка и Коконовка Омской области¹. Изучение памятников саргатской культуры было продолжено в 1930-е годы и особенно в послевоенное время².

Планомерные археологические исследования дали обширные материалы, характеризующие хозяйственные занятия носителей саргатской культуры, их быт, позволили установить и уточнить ее хронологию, выявить этнические и хозяйственно-культурные связи саргатцев с соседями, проследить этнические судьбы и преемственность саргатского населения в Западной Сибири и Приуралье.

Остеологический материал саргатских поселений, селищ и могильников свидетельствует, что основным занятием населения было домашнее животноводство с доминантой лошади в стаде. Кости крупного и мелкого рогатого скота представлены в гораздо меньшем количестве³. С основной отраслью — животноводством — были связаны и такие занятия саргатцев, как прядение и ткачество. Охота на диких животных и рыболовство имели второ-

степенное значение. Земледелие было не развито, либо носило локальный, ограниченный характер.

Наличие поселений и селищ с остатками стационарных подпрямоугольных несколько углубленных оснований в землю жилищ с очагом в центре снимает бытовавшую ранее гипотезу о подвижном (кочевническом) образе жизни саргатского населения эпохи расцвета этой культуры⁴.

Хронологические рамки саргатской культуры охватывают период с V—IV вв. до н. э. до III—IV вв. н. э.⁵

Археологические находки, типичные для кулайского времени, были впервые описаны и опубликованы томским краеведом И. М. Мягковым. В работе, изданной в конце 1920-х годов, он воспроизвел ряд бытовых и культовых изделий из бронзы, которые были обнаружены на территории Нарымского Приобья⁶. В особую археологическую культуру кулайские памятники были выделены много позже, в работах В. Н. Чернецова⁷. В последние десятилетия их исследование было продолжено М. Ф. Косаревым, Л. М. Плетневой, Т. Н. Троицкой, Л. А. Чиндиной⁸. Работами этих археологов выявлена хозяйственная и культурная специфика кулайского населения, определены географические границы и хронологические рамки кулайской культуры.

Памятники кулайской культуры обнаружены на обширной территории Среднего Приобья от устья Иртыша на севере до широты современного Новосибирска на юге и от правобережья Иртыша на западе до левобережья Енисея на востоке. Представлены они поселениями, могильниками и культовыми местами. Свое наименование культура получила по месту первых находок, сделанных вблизи с. Кулайка Томской области.

Хозяйственную направленность кулайской культуры во многом определяла экологическая специфика Среднего Приобья эпохи раннего железа, обусловившая преобладание присваивающего хозяйства. В то же время, как отмечает Л. А. Чиндина, если в Сургутско-Нарымском Приобье, судя по материалам археологических раскопок, этот тип хозяйства был преобладающим, то в Томском Приобье и Прииртышье скотоводство в сочетании с земледелием все более выдвигалось на первый план по сравнению с охотничьим промыслом и рыболовством⁹. Если в северном регионе кулайской культуры представлены мощные пласты рыбьей чешуи и костей в культурном слое поселений, большое количество костей диких животных, в том числе млекопитающих, то ближе к лесостепной зоне преобладающими в остеологических материалах становятся кости домашних животных. Подобно саргатам, кулайское население, даже жители таежной полосы, разводило преимущественно лошадей, составляющих основу стада¹⁰. Из прочих хозяйственных занятий высокого уровня достигли бронзолитейное

производство, выработка гончарных изделий, изготовление поделок из рога и камня.

Жилищами кулайцам служили большие квадратные стационарные дома площадью до 30 м², как правило, полуназемные, с каркасом из столбов и шатровым покрытием. Очаг обычно располагался в центре.

В хронологическом отношении кулайская культура распадается на *два этапа*: ранний (васюганский) — VI—II вв. до н. э. и развитой (саровский) — I в. до н. э.— IV в. н. э.¹¹

Вопрос об этнической принадлежности создателей саргатской и кулайской культур раннежелезного времени принадлежит к числу ключевых проблем сибирской этногенетики, поскольку его решение *позволяет осветить ранние этапы праистории самодийцев и угров.*

Кулайская археологическая культура длительное время считалась многокомпонентной (самодийско-угорской и даже самодийско-угорско-кетской)¹² Накопленные к настоящему времени материалы выявляют генетическую преемственность археологических культур на территории Нарымского Приобья, взаимодействие релкинской культуры эпохи раннего Средневековья и в то же время ее несомненную взаимосвязь с культурой местных селькупов, проявляющуюся в ряде основных этнографических элементов (жилище, орнамент, погребальный ритуал). Установлена также близость антропологического типа нарымских селькупов и релкинцев. Все это в совокупности, с большой долей вероятности, позволяет предполагать принадлежность кулайцев к самодийскому этносу. Указанную точку зрения, высказанную в свое время В. Н. Чернецовым¹³, поддержали Л. А. Чиндина, В. А. Могильников и другие ведущие специалисты по этнической истории Западной Сибири раннего железного времени¹⁴.

В первой половине I тыс. до н. э. по причинам, остающимся пока не установленными, часть кулайского населения продвинулась на юго-запад, в Новосибирское Приобье, где вступила во взаимодействие с носителями местной большереченской культуры. Оставляя эти контакты за рамками настоящей статьи (их анализу посвящена специальная работа новосибирского археолога Т. Н. Троицкой)¹⁵, укажем, что на рубеже и в первые века н. э. кулайцы продвигаются еще дальше на юг, в Верхнее Приобье, и на запад — в лесостепи Среднего Прииртышья, где вступают в соприкосновение с местным саргатским населением.

Одновременно кулайская миграционная волна проникает далеко на север в низовья Оби, где складывается своеобразная усть-полуйская культура, сближающаяся по многим своим элементам и, в первую очередь керамике, с археологическими памятниками Нарымского Приобья саровского этапа.

По своему хозяйственному облику кулайские переселенцы были, очевидно, коневодами, хотя в силу экологического фактора в новых местах расселения они стали вести преимущественно охотничье-рыболовецкое хозяйство¹⁶

Если в пользу самодийского происхождения кулайской культуры в настоящее время накоплено уже немало данных, то вопрос об этнической принадлежности саргатского населения в современной науке пока еще остается открытым. П. А. Дмитриев, который одним из первых выступил с обобщением материалов саргатских памятников, посчитал их сарматскими¹⁷. Наличие сарматских элементов в генетически близкой к саргатской гороховской культуре (V—II—I вв. до н. э.) отмечает ее первооткрыватель — К. В. Сальников¹⁸

В последние годы точку зрения о присутствии иранского компонента в саргатской культуре наиболее обстоятельно отстаивает Л. Н. Корякова¹⁹. Необходимо, однако, учитывать, что, как нам уже приходилось писать в совместной работе с В. А. Могильниковым, этническая инфильтрация иранских элементов в саргатскую среду особенно интенсивно прослеживается в материалах V—IV вв. до н. э. и заметно ослабевает, а потом и вовсе исчезает в материалах, близких к рубежу н. э. и позднее²⁰. Бытует и распространен взгляд о принадлежности саргатского населения к самодийцам, который в ряде публикаций отстаивал и автор настоящей статьи²¹. Но наибольшее число сторонников имеет точка зрения на саргатцев как представителей угорского этноса. У ее истоков стоял В. Н. Чернецов, в ряду его последователей — известные археологи и лингвисты²²

Столь заметное расхождение исследовательских позиций в оценке этнического лица саргатской культуры, может быть, восходит ко времени ее генезиса. В саргатской культуре достаточно четко выделяются два ее составляющих компонента: *степной* (самодийский.— В. В.), истоки которого находятся на территории Северного Казахстана, и *лесостепной-таежный* (угорский.— В. В.), связанный по происхождению с северными районами лесостепи и южной подзоны тайги Прииртышья и Пришимья. Как показал В. А. Могильников, оба эти компонента существенно различаются по керамике и ряду других культурных элементов²³

Археологические материалы первых веков н. э. с территории лесостепного прииртышья позволяют составить представление о взаимоотношениях саргатского населения с западной миграционной волной кулайцев. Как считает В. А. Могильников, в начальный период (IV—II вв. до н. э.) эти взаимоотношения не выходили за рамки соседских контактов, о чем свидетельствует небольшое число кулайских вещей и керамики на саргатских городищах. Немногочисленные пришельцы, по-видимому, смешивались с преоб-

ладающим саргатским населением и постепенно утрачивали этническую самобытность.

Решающее влияние на этническую судьбу кулайской культуры оказала *гуннская экспансия* II—IV веков н. э. Можно предполагать, что часть саргатцев вместе с гуннами ушла на запад, в Европу. Этому в определенной степени способствовало изменение хозяйственной направленности саргатской экономики, в которой на финальном этапе этой культуры основным занятием стало кочевое животноводство. Кочевой образ жизни поздних саргатцев, по мнению В. А. Могильникова, во многом объясняет ту легкость, с которой они влились в состав гуннского военно-политического союза²⁴

Как считает В. Ф. Генинг, одна из западносибирских самодийских групп вместе с гуннами достигла Подунавья. Ее следы, по мнению этого исследователя, в виде фигурно-штампованной керамики прослеживаются в отдельных погребениях гепидов и лангобардов²⁵ Вовлечением саргатцев в гуннские походы, возможно, объясняется и присутствие угорских и (самодийских(?)).— В. В.) вкраплений в этнотопонимике Северного Кавказа и Закавказья²⁶

Значительный массив саргатского населения, по-видимому, длительное время дислоцировался на территории современной Башкирии и Татарии и, возможно, Удмуртии. Во всяком случае, как показали В. Ф. Генинг, Е. П. Казаков и др. исследователи, археологические памятники с территории Башкирии, датируемые VI — первой половиной IX вв. н. э., так называемого кушнаренковского типа, имеют достаточно выраженные параллели в керамике и некоторых элементах погребального ритуала с памятниками того же времени из лесостепной полосы Западной Сибири (потчевашская культура, городище Большой лог, Бобровский могильник и др.), восходящими к саргатской генетической основе²⁷

Основательные поиски угорских и даже венгерских параллелей саргатским и более поздним по времени археологическим памятникам из лесостепной полосы Западной Сибири были предприняты Е. А. Халиковой²⁸ В докладе на IV Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште она отметила сходство некоторых элементов погребального ритуала у с. Большие Тиганы (левобережье Камы, Татарская АССР) и могильников конца IX — первой половины X вв. с территории Венгерского Подунавья²⁹ По ее оценке, кушнаренковские памятники на территории Прикамья оставлены протовенграми³⁰ Сравнительно недавно эту точку зрения поддержал В. А. Могильников. В ряде работ последних лет он высказал предположение о том, что создателями саргатской культуры следует считать предков венгров (протомадяров или даже мадяров)³¹.

Другая часть саргатцев (вместе с кулайцами) под воздействием гуннов, по-видимому, сдвинулась на север, в таежную область бассейна Нижней Оби. С ними генетически связаны, как мы полагаем, ляпинские и куноватские «самоеды» и, как думает В. А. Могильников, предки южной группы хантов³².

Наконец, оставшиеся в Прииртышье осколочные группы самодийцев и угров, отступив из степи и лесостепи в лесную полосу, создали там так называемую среднеиртышскую культуру, пополнившуюся за счет новых кулайских переселенцев. Расцвет этой культуры приходится на III—V вв. н. э., а ее территория ограничивается сравнительно узким регионом бассейна р. Оми³³.

Генетическими потомками саргатцев в лесостепи Западной Сибири следует считать население, оставившее археологические памятники второй половины I тыс. н. э. (потчевашская культура, Бобровский и Переуминский могильники). В этническом отношении к нему применим термин «угро-самодийцы», поскольку разграничить этносы, которым принадлежат названные памятники современными средствами археологии и этнографии невозможно³⁴.

С кулайской культурой, по-видимому, связаны основные элементы южносибирского культурного комплекса самодийских народов. Кроме селькупов Нарымского Приобья — прямых потомков кулайцев, с миграционным потоком этой культуры в южном направлении — в Новосибирское Приобье и на Верхнюю Обь — связано, вероятнее всего, самодийское население Северного Алтая. Выход самодийцев-кулайцев в Тундру низовья Оби дал начало сибирским ненцам, в формировании которых приняло также участие аборигенное население высоких широт³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

Левашова В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западносибирского музея за 1926—1927 гг. // Известия Государственного Западносибирского музея. Омск, 1928. № 1.; она же. Два сосуда из курганов Омской области // КСИИМК. 1948. Вып. 9.; Впоследствии по одному из основных памятников — курганной группы у с. Саргатка эта археологическая культура получила название «саргатской». **В. Ф. Генинг** и некоторые его коллеги по Уральской археологической экспедиции ту же культуру именуют «абатской» (от названия с. Абатского на р. Ишим, возле которого раскопан ряд курганов раннего железного века) См.: **Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. Б.** Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 203, 209, 213.; **Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.** Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА. 1972. № 153.

² См. сводку: **Могильников В. А.** К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

³ По подсчетам **В. А. Могильникова**, остеологический материал памятников Прииртышья позволяет прийти к выводу, что суммарное стадо саргатского населения

состояло на 59,1% из лошадей, 27,7% приходилось на долю крупного рогатого скота и 12,1% — на мелкий рогатый скот. См.: **Могильников В. А.** Некоторые аспекты хозяйства лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа//Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 179.

⁴ **Чернецов В. Н.** Усть-Полуйское время в Приобье//МИА. 1953. № 35. С. 238. Если и правомерно рассматривать доминирующее положение лошади среди других видов домашних животных у саргатского населения в качестве признака его перехода к кочевническому образу жизни, как считает В. А. Могильников (**Могильников В. А.** Некоторые аспекты хозяйства... С. 182), то это характеризует, как мы полагаем, только финальный этап саргатской культуры.

⁵ **Могильников В. А.** К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа//Из истории Сибири. 1973. Вып. 7. С. 175; **Он же.** О компонентах генезиса саргатской и гороховской культур//Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982. С. 117.

⁶ **Мягков И. М.** Древности Нарымского края//Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1929. Т. 2.

⁷ **Чернецов В. Н.** Усть-Полуйское время... С. 223; **Он же.** Наскальные изображения Урала//САИ. М., 1971. ВЧ—72(2). С. 105.

⁸ См. сводку: **Чиндина Л. А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 195—204.

⁹ **Чиндина Л. А.** Древняя история... С. 125.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же. С. 11, 105, 106.

¹² **Ураев Р. А.** Кривошеинский клад//Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5.; **Он же.** Кулайская культура Среднего Приобья//Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959; **Косарев М. Ф.** Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке//Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 75. **Он же.** К вопросу о возможности этнической интерпретации древних западно-сибирских культур//Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.

¹³ **Чернецов В. Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н. э.//МИА. 1957. № 58. С. 238; **Он же.** Наскальные изображения... С. 105.

¹⁴ **Чиндина Л. А.** О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э.//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.— Томск, 1970; **Она же.** Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа//Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 172; **Она же.** Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. С. 138, 139; **Она же.** Древняя история... С. 175; **Могильников В. А.** К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья //Происхождение аборигенов Сибири и их языков. 1969. С. 180.; **Он же.** К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа //Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 183, 184; **Васильев В. И., Могильников В. А.** Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 6.

¹⁵ **Троицкая Т. Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

¹⁶ **Могильников В. А.** О западной границе кулайской культуры.//СА. 1984. № 3. С. 32, 33.

¹⁷ **Дмитриев П. А.** Мысовские стоянки и курганы//Труды секции археологов РАНИОН. М., 1929. Вып. 4. С. 187, 188.

¹⁸ **Сальников К. В.** Иткульская культура//Краеведческие записки. Челябинск, 1962. Вып. 1.

¹⁹ **Корякова Л. Н.** К вопросу об этносе саргатской культуры//Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. Ч. 2. С. 84, 85; **Она же.** Могильник саргатской культуры у с. Красноярка//СА. 1979.

- ²⁰ **Васильев В. И., Могильников В. А.** Основные проблемы... С. 5.
- ²¹ См.: **Васильев В. И.** Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 33, 34; **Он же.** Проблемы этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны)//Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 49.
- ²² **Чернецов В. Н.** Усть-Полуйское время... С. 224, 225, 240; **Смирнов К. Ф.** Савроматы. М., 1956. С. 272, 273; **Сальников К. В.** Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время//СЭ. 1966. № 5; **Могильников В. А.** К вопросу о саргатской культуре. С. 66; **Он же.** Об этническом составе культуры Западной Сибири эпохи железа//Этнокультурные процессы в Западной Сибири Томск, 1973. С. 80, 81.
- ²³ **Могильников В. А.** О компонентах генезиса... С. 118, 119.
- ²⁴ **Могильников В. А.** О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века//Скифо-сарматское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 47
- ²⁵ **Генинг В. Ф.** Выступление//Congressus Quartus Internationalis Fennougristarum. Budapest, 1980. P. 2. S. 235.
- ²⁶ **Кобычев В. П.** Финно-угорские и древнетюркские гидронимы и топонимы на Кавказе//Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований, 1978—1979: Тезисы. Уфа, 1980. С. 72, 73.
- ²⁷ **Генинг В. Ф.** Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение//Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV С. 53; **Казаков Е. П.** Об этнической принадлежности памятников кушнаренковского типа//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979.
- ²⁸ **Халикова Е. А.** Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; **Она же.** Ранневенгерские памятники нижнего Прикамья и Приуралья//СА. 1976. № 3.
- ²⁹ **Халикова Е. А.** Следы древневенгерской культуры в Восточной Европе//Congressus Quartus Internationalis Fennougristarum. Budapest, 1980. P. 2.
- ³⁰ **Халикова Е. А.** Зауральские истоки культуры протовенгров//Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
- ³¹ **Могильников В. А.** Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке//Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 101; **Он же.** Об этническом составе культур... С. 81.
- ³² **Могильников В. А.** К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тыс. н. э.//СА. 1974. № 2. С. 71.
- ³³ **Могильников В. А.** К вопросу о контактах населения Среднего Приобья в раннем железном веке//Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 91.
- ³⁴ **Васильев В. И.** К вопросу об этнической принадлежности населения Восточного Зауралья и Прииртышской лесостепи в первой половине I тыс. н. э.//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 137.
- ³⁵ **Васильев В. И.** Проблемы формирования... С. 46—60; **Он же.** Проблемы этногенеза... С. 54—63.

ПРИНЦИП ДИСПЕРСНОГО СОСТОЯНИЯ КАК ВСЕОБЩИЙ ПРИНЦИП ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Кочевничество следует понимать прежде всего как форму взаимодействия и динамического равновесия общества и природы в естественно-географических и социально-экономических процессах, которая в отличие от оседло-земледельческой среды базировалась на максимально возможной утилизации природных ресурсов среды обитания как биологическими (по преимуществу), так и небиологическими (в меньшей степени) по своей природе средствами¹. В историографии кочевничества имеется немало пробелов и недостаточно аргументированных суждений, что объясняется, на наш взгляд, излишней «социологизацией» проблемы и недостаточным вниманием к экологическим, биологическим и особенно экономическим ее аспектам. Задачей данной статьи является *рассмотрение «принципа дисперсного состояния» как всеобщего и основополагающего принципа жизнедеятельности кочевого общества.*

Экосистемы, которые были заняты кочевниками, необходимо четко дифференцировать по ряду морфологических признаков. К числу *ареальных* следует отнести экосистемы, характеризующиеся явно выраженной аридностью и континентальностью природно-климатических условий, зональностью и различной сезонной продуктивностью, разреженностью и низкой кормовой производительностью растительного покрова, преобладанием ксеромезофитов, ксерофитов, псаммофитов и галофитов (степи, полупустыни, тустыни, горные и высокогорные районы, лежащие в аридной зоне). По большей части они ограничены изогиями 250—400 мм. Дефицит атмосферных осадков, повышенный уровень солнечной радиации, многолетняя изменчивость природно-климатических условий, периодически повторяющиеся засухи, ограниченность водных ресурсов, пониженные плотность и биомасса растительного покрова, большая предрасположенность почвенного слоя к эрозии и повышенная чувствительность экосистемы к внешним воздействиям в ареальной зоне являются ограничительными факторами для хозяйственной деятельности человека и требуют от него своеобразных форм адаптации. В этих условиях абсолютно доминирующей, а зачастую и единственно возможной отраслью хозяйства докапиталистическую эпоху является кочевое скотоводство. К числу крупнейших ареалов номадизма относятся Центральная (Внутренняя) Азия, Казахстан, Аравийский полуостров, Сахара и са-

ванно-сахальская зона Северной Африки, пустыни и полупустыни Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и т. д.

К *маргинальным* зонам относятся субаридные районы, обеспеченные атмосферными осадками (более 300—400 мм), стабильными непересыхающими пресными водоемами естественного происхождения или реками с постоянным круглогодичным стоком воды. Они, как правило, располагались по периферии ареальной зоны в речных долинах (локальная маргинальная зона), околоозерных районах, лесостепной и низкогорной зонах и зачастую граничили с земледельческими оазисами (межареальная зона). В силу местных особенностей климата, рельефа или ландшафта такие зоны играли роль разделительной полосы между кочевниками, принадлежащими к различным этнокультурным общностям. Данным экосистемам свойственно комплексное полукочевое хозяйство с большим удельным весом прочих видов хозяйственной деятельности (обычно земледелия), но с преобладающей ролью скотоводства. К числу наиболее ярко выраженных маргинальных зон можно отнести семиаридные районы Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, лесостепной зоны Западной и Южной Сибири, прилегающую к приморской зоне территорию Северной Африки и т. д. Динамика взаимодействия кочевого скотоводства с прочими видами хозяйственной деятельности и, в первую очередь, с земледельческим хозяйством в маргинальных зонах определялась как эндогенными (развитием данного типа производства в ареальной зоне), так и экзогенными (политическими и социально-экономическими) факторами.

Ниже будет рассмотрено действие принципа дисперсного состояния лишь в ареальных зонах. В маргинальных он хотя и сохранил свое значение, но принимал несколько иные формы, анализ которых требует специального исследования.

Принцип дисперсного состояния следует рассматривать как *механизм адаптации человека в особых природных условиях, обусловленный необходимостью максимального рассеивания в пространстве отдельных хозяйств.*

Системообразующим фактором в проявлении данного принципа являлись *природно-климатические условия*, которые препятствовали возможности сосредоточения скота, его концентрации. Причиной тому была прежде всего пониженная кормовая производительность растительного покрова в аридной зоне Евразии и Северной Африки. «Скудная растительность,— свидетельствуют многочисленные источники,— не позволяет слишком большого скучения народа. Чтобы удобнее прокормить свои стада, каждый несколько зажиточный киргиз старается поселиться особняком, и чем дальше от других, тем охотнее: вследствие этого очень нередко около одного аула не встречается жилья верст на 15 и 20»²

Скудные природные ресурсы обуславливали потребность в огромных площадях, пастбищных угодьях. В этой связи можно привести следующие данные. Для нормальной жизнедеятельности, а следовательно, нормального воспроизводства, одной лошади в течение года было в среднем необходимо в зоне степей Казахстана не менее 20 га пастбища, овцы — 5—7 га. В зоне полупустынь и пустынь Казахстана данная норма резко возрастала, например, для овец до 12—24 га³. В Монголии среднегодовая норма пастбищных угодий на одну овцу составляет от 1,5 до 6,7 га⁴. В сахарской и субсахарской зонах емкость пастбищных угодий составляет свыше 20 га на одну голову скота, а в саванно-савельской зоне — 6—12 га⁵. Таким образом, разреженность и низкая кормовая производительность естественного травостоя не допускали концентрации скота, обуславливая его рассеянное состояние в рамках кочевого хозяйства.

Кроме того, биологические особенности различных пород животных требовали специфического растительного покрова и организации особого режима выпаса. Так, например, известно, что из 180 видов семейства маревых (солянок), составляющих основу травостоя пустынных пастбищ Казахстана, овцами поедается 132 вида, а крупным рогатым скотом — только 24 вида⁶. Важным препятствием для концентрации большого числа скота являлся также недостаток водных источников⁷. Лишь горные районы были сравнительно хорошо обеспечены атмосферными и водными источниками естественного происхождения. На остальных территориях искусственные источники не могли удовлетворить потребности значительного количества скота в течение длительного периода времени. Поэтому использование искусственных водоемов носило кратковременный, нередко сезонный характер.

Кочевое хозяйство основывалось на использовании равномерной сети искусственных источников, рассредоточенных на больших пространствах, но с малым запасом воды в каждом из них. Оптимальное расстояние между пунктами водопоя не должно было превышать в условиях Евразии для летних пастбищ 5 км, а для весенних и осенних — 10 км⁸. По данным Р. Капо-Рая, номады использовали колодцы только при условии, что они не слишком глубоки (не глубже 30 м) и не слишком удалены от пастбища (для овец не более 25 км)⁹. Наличие водных источников, их качество и запасы не только определяли режим перекочетов, но и лимитировали численность скота на том или ином пастбище. Следует также отметить значительную минерализацию водных источников. Вода с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодна только для овец и верблюдов, лишь временно — для крупного рогатого скота, а для лошадей не пригодна вовсе¹⁰.

Известно, что верблюды, овцы и козы гораздо лучше переносят отсутствие воды, чем крупный рогатый скот и особенно лошади. Отсюда, с одной стороны, потребность в постоянных передвижениях в поисках воды, с другой — необходимость количественного ограничения и регулирование его видового состава. «Хозяйствономада,— как справедливо отмечал Р. Карутц,— регулируется безводностью степи и зависимостью от колодезей»¹¹

Таким образом, недостаточность кормовых и водных ресурсов, а также топливных запасов строго лимитировала численность и состав стада. При этом регулировалось время пребывания того или иного вида скота вокруг водного источника на том или ином пастбище. Именно поэтому скотоводческое хозяйствономадов существовало как бы в дисперсном состоянии в виде множества мелких хозяйственных организмов. В этом случае, несомненно, достигался наибольший эффект в использовании скудных пастбищных угодий аридной зоны Евразии и Северной Африки, позволяющий в достаточной мере обеспечить животных необходимыми кормами и водой. «Киргизы,— сообщает, например, А. И. Левшин,— редко кочуют большим числом вместе: ибо стадам их тогда бывает тесно...»¹² «...Следствием обилия скота,— пишет Р. Капо-Рей,— является необходимость распыления становищ. Регейбаты кочуют группами по 5 или 6 шатров, ...а иногда отдельными шатрами»¹³. Чрезвычайно интересное замечание в этой связи было высказано К. М. Тернбулом, который указал на то, что постоянные передвижения, сезонное расщепление и слияние общин, рассеянное состояние населения позволяют людям выжить в данных условиях среды обитания: «Система находится в соответствии с существующими условиями»¹⁴.

Важно подчеркнуть и другой аспект рассматриваемой проблемы. Необходимость дисперсного состояния была в значительной степени обусловлена насущной потребностью и интересами не только самого хозяйственного организма, но и важностью сохранения плодородия почвы, экологического равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах. Значительное сосредоточение скота влекло быстрое выбивание пастбищных угодий, эрозию почвенного покрова, его плодородного слоя, что особенно отчетливо прослеживается вблизи водных источников и стационарно устроенных поселений. «Огромные количества животных,— свидетельствует А. Ковальска-Левицка,— уничтожают растительность настолько, что во многих местах оголяются песчаные холмы и саванна превращается в пустыню. Особенно это бросается в глаза в окрестностях больших селений и местах водопоя, куда в период засухи стягиваются многочисленные стада. На дюнах, окружающих эти места, нет и следа растительности»¹⁵.

В этой связи чрезвычайно интересны некоторые предваритель-

тельные результаты исследований естественных кормовых угодий в Монголии, которые показывают, что вокруг колодцев на расстоянии 20—40 м образуется голая вытоптанная площадь без растительного покрова, на расстоянии 40—100 м травостой становится редким и состоит в основном из корневищных и малопитательных растений. В радиусе 0,4—1 км от колодца пастбище находится на последней стадии сбоя: почва уплотнена и имеет низкий растительный покров. На расстоянии более 1—2 км от водосточника степень сбоя пастбища становится почти незаметной, но урожайность естественного травостоя понижается в среднем на 20—32%, в то время как резко возрастает урожайность малопродуктивных осок (в 2—5,3 раза) и полыни (в 3,2—6,2 раза)¹⁶

Скопление скота сверх допустимого предела создавало для окружающей среды опасность в виде так называемого «эффекта перевыпаса». Вследствие неравномерного размещения скота, превышения его лимита на единицу пастбища растительный покров, чрезмерно истребляемый животными, не успевал накопить резервные вещества, необходимые для воспроизводства. Усиленное вытаптывание растительного покрова скотом нередко приводит к уничтожению корней многолетних растений, которые играют основную роль в защите почвенного покрова. Поэтому при перевыпасе наблюдается тенденция к непрерывному увеличению числа видов растений с коротким вегетационным циклом, повышению роли однолетних растений¹⁷ Таким образом происходила пастбищная модификация (пасторальная дигрессия) растительного покрова — замена ценных многолетних кормовых растений менее продуктивными видами трав (в основном однолетними), ухудшение видового состава кормовых угодий, т. е. усиленный рост сорного непоедаемого и малопоедаемого разнотравья, снижение общей продуктивности и урожайности естественного травостоя¹⁸. В составе травостоя сильно сбитого пастбища от 23,6 до 45,9% в степной зоне и от 48 до 50,2% в полупустынной зоне занимают растения, не имеющие большого кормового значения. В то время как продуктивность таких ценных кормовых трав, как злаки, снижается на 23,7—7,2%¹⁹ Специальные исследования также свидетельствуют, что при минимальной нагрузке скота на пастбища было получено 204 новых всхода растений на 1 кв. м («эффект недовыпаса»), средней — 264, максимальной — лишь 128 («эффект перевыпаса»)²⁰.

Среди последствий перевыпаса различаются экосистемно-функциональные (т. е. нарушение взаимосвязи и устойчивости консорциев, энергообмена, минеральных циклов и т. д.) и подсистемные структурные изменения (в структуре почв, растительности и т. д.)²¹. Пастбища как сложные структурно-функциональные экосистемы при интенсивном использовании не только сни-

жают свой природный потенциал, но и теряют способность к саморегуляции и самовосстановлению. В результате пастбищной модификации растительного покрова, уплотнения и засоления почв, их переувлажнения и чрезмерного статического давления происходило разрушение дернины, развеивание песчаных и других рыхлых и изреженных почв, т. е. происходила так называемая антропогенная дефляция. Следствием этого является опустынивание, усугубляемое водной и ветровой эрозией²². Исследования пустынных пастбищ Казахстана показали, что в результате пастбищной дигрессии в течение 2—4 лет наступает деградация пастбищных угодий, для восстановления которых требуется до 30 лет²³. Таким образом, перевыпас скота, превышение его численности сверх допустимого предела приводили к глобальным изменениям природно-климатических условий, их аридизации и влекли за собой необратимые последствия.

В этой связи можно привести классический пример эрозии огромных пастбищных массивов и их опустынивания во Внутренней орде, когда на протяжении более чем столетнего периода в результате постоянного увеличения количества скота при выпасе его на одной и той же территории происходило быстрое вытаптывание и выбивание растительного покрова и эрозия пастбищных угодий, а вследствие этого стремительное опустынивание Прикаспийских районов Внутренней орды²⁴.

Указанные обстоятельства требовали от кочевников такой организации процесса производства, которая бы обеспечивала восстановление плодородия почвы, биоценозов и не наносила бы непоправимого ущерба экосистеме в целом. В действительности существовал предел, за порогом которого процесс концентрации стад объективно прерывался и главная роль здесь принадлежала не только собственно экологическим, но и в значительной степени *биологическим факторам*, которые играли роль своеобразного механизма прерывания, ограничивали процесс концентрации скота. Рассмотрим эти биологические факторы.

Для нормального воспроизводства скота важно наличие не только значительных пастбищных массивов и водных источников, но и минимума времени, необходимого для его передвижения, а оно ограничивалось физиологическими и анатомическими особенностями животных. При скоплении же скота сверх нормы резко возрастала скорость и интенсивность его передвижения, поскольку чем более интенсивно эксплуатировались пастбищные угодья, тем большей была потребность в их смене. В этой связи можно указать на различную приспособляемость животных к условиям кочевания, на оптимальный режим кочевания и передвижения различных видов скота. Скорость, например, движения отары овец составляла в среднем 0,6—1,2 км/ч при пастыбе, а при перегоне со

страиванием травостоя — 1,1—1,5 км/ч; крупного рогатого скота — 0,5—1,6 км/ч при вольной пастьбе²⁵. При этом радиус водопоя не должен превышать для мелкого рогатого скота 4—5 км, крупного рогатого скота — 2—2,5 км, лошадей — 5—8 км, верблюдов — 8—10 км²⁶, ибо в противном случае резко понижается продуктивность животных.

Материалы по Казахстану показывают, что максимальное расстояние, которое может пройти мелкий рогатый скот в течение суток, 30 и более км, а в Сомали — 50 км²⁷. Однако понятно, что в этом случае потери скота в живом весе и продуктивности были весьма значительными. При увеличении скорости движения резко ухудшались физические кондиции скота, что влекло за собой его слабую наживровку в теплое время, недостаточное восстановление его в процессе кочевания и, в конечном счете (чаще всего зимой), к массовому падежу скота. «...От скорой перегонки, — сообщают М. Поспелов и Т. Бурнашев, — оный скот подвержен бывает повреждению и самой гибели...»²⁸.

В периоды военных конфронтаций, когда номады были вынуждены бежать от преследования своих врагов, наступала массовая гибель скота²⁹. Весьма интересный пример подобного рода приводит А. Янушкевич: «...Табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и больше верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался»³⁰.

Таким образом, следствием огромного скопления скота и его беспорядочного перегона были массовая гибель, особенно молодняка³¹, выкидыши, опасность эпизоотий и заражения огромных пастбищных пространств. Интересная мысль в этой связи была высказана Г. Е. Грумм-Гржимайло, который заметил, что «...при сравнительной редкости населения и кочевий, разделенных обширными участками пустыни, эпизоотии составляют явление очень редкое...»³². Иначе говоря, принцип дисперсного состояния являлся своеобразной гарантией и ограничителем широкого распространения массовых заболеваний скота, эпизоотий. Из этого видно, что кочевой режим хозяйствования не был, как полагают отдельные исследователи, беспредельно экстенсивным, в целом он базировался прежде всего на разумном и рациональном использовании продуктивных качеств и ресурсов различных видов скота.

Правда, в случае излишней концентрации скота имелась возможность интенсификации системы кочевания за счет изменения видового состава стада, в частности, увеличения поголовья более мобильных видов животных, в особенности лошадей и

верблюдов, что в общем прослеживается в зажиточных хозяйствах³³ и в особо засушливых районах, например, в сахарской зоне Северной Африки. Был возможен еще один вариант, позволяющий резко увеличить число и удельный вес более подвижных видов животных. Это — межобщинное разделение труда, которое также имело место в различных регионах, когда, скажем, более подвижные виды находились на выпасе у одной общины, а менее подвижные были сосредоточены в другой. Но и в этом случае численность тех или иных животных строго лимитировалась. При этом необходимо учитывать натурально-потребительскую направленность абсолютного большинства хозяйств в докапиталистический период.

Следует учитывать и целый ряд других факторов. В случае чрезмерного сосредоточения скота, а следовательно, и его более быстрого передвижения, происходило бы нарушение привычного ритма (оптимального режима) жизнедеятельности людей. Необходимо было время для организации отдыха и быта, приготовления и приема пищи, сбора топлива, ухода за детьми, стариками, больными и роженицами, а также для отправления культовых, исполнения различного рода обрядов, ритуалов, церемоний и, самое главное, для производственной деятельности. Функция рекреации и необходимость производственной деятельности регулировали взаимодействие факторов экологического, биологического и социального характера. К сожалению, функция рекреации практически не изучена, специальные исследования, тем более монографические, отсутствуют, что весьма затрудняет анализ таких чрезвычайно важных понятий, как «оптимальный режим функционирования или жизнедеятельности различных человеческих, социальных организмов», «оптимальный режим кочевания» и т. д. Думается, уже настало время всестороннего изучения функции рекреации, ее роли в истории человечества, во всемирно-историческом процессе, во взаимодействии с различными экологическими средами, хозяйственными типами и т. д.

Особый интерес представляет и такой, крайне недостаточно изученный вопрос, как оптимальный режим и размер площади кочевания. Анализируя в этой связи частоту перекочевков nomadов, можно указать на то, что, например, в Казахстане наиболее интенсивной она была, по-видимому, у казахов адаевского рода (а также у табынцев, баганалинцев и др.), которые в процессе кочевания в течение года в зависимости от продуктивности пастбищных угодий делали от 60 до 120 остановок³⁴. Видимо, это был максимальный режим перекочевков или, во всяком случае, весьма близкий к нему (с амплитудой до 1200 км). Имеются чрезвычайно интересные данные по кочевникам Атбасарского уезда Акмолинской области Казахстана. Для nomadов, кочевой путь

которых превышал 1000 верст в оба конца, количество промежуточных остановок, т. е. фактически перекочевков, колеблется в диапазоне от 40 до 91 в течение года, для кочевников с протяженностью маршрута более 1500 верст — в диапазоне от 59 до 98, а для номадов с протяженностью маршрута более 2000 верст — в диапазоне от 69 до 107 в течение года³⁵ Такого рода сведений можно привести немало.

Думается, что проблема соотношения протяженности маршрутов кочевания и числа перекочевков и остановок с социально-экономическими явлениями нуждается в специальном монографическом исследовании. Пожалуй, следует лишь отметить, что каждая остановка на пути движения требовала от людей определенных усилий для разгрузки, а затем сборки и погрузки предметов быта. Очевидно и то, что частота и скорость перекочевков в значительной степени зависели от степени благосостояния того или иного хозяйства, видового состава стада, качества и наличия транспортных средств и т. п. Все это в определенной степени также ограничивало и отчасти даже регулировало частоту и скорость перекочевков. Процессы концентрации скота, спорадически имевшие место в силу социальных явлений, в частности в форме накопления скота, в силу регулятивных механизмов самого разнообразного характера объективно прерывались на определенном этапе. По мере роста поголовья скота стадо становилось все более уязвимым и все более зависящим от внешних явлений, в частности природных, биологических, внеэкономических и т. д.³⁶

Принцип дисперсного состояния оказывал огромное влияние практически на все сферы жизнедеятельности кочевого общества и прежде всего на сферу производства, через нее — на этнические процессы, на формирование мировоззрения и религиозных представлений и т. д. Преобладание принципа дисперсного состояния обуславливало неразвитость территориального разделения труда, форм обмена и контактов. Как правило, плотность населения в кочевой среде составляла 0,5—1—2 чел на кв. км³⁷ Тенденция дисперсного состояния находила свое выражение в существующей у всех номадов организации процесса производства — небольших по числу скота хозяйственных организациях, их предельно возможном рассредоточении на огромных пастбищных пространствах.

Наиболее полное развитие данная тенденция получила у кочевников Евразии, в частности казахов, и особенно в зимний период из-за трудностей передвижения, наличия снежного покрова и крайней недостаточности кормовых ресурсов. В это время года мелкие хозяйственные организмы номадов нередко расчленились на еще более мелкие производственные ячейки. «Кочуя все лето целою волостью,— свидетельствуют имеющиеся по казахам источники,— на зиму принуждены разделяться на малые части

по аулам»³⁸. Данная тенденция в зависимости от конкретных особенностей среды обитания могла проявляться по-разному в различные периоды года, например, в зоне Сахары в засушливые периоды — летом и т. д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что если бы принцип дисперсного состояния преобладал в абсолютной степени и являлся единственно действующим, то номады бы вели только индивидуальное хозяйство. Но этого, как правило, не происходило в силу действия противоположной тенденции относительно концентрированного состояния, которое как бы ограничивало максимальные проявления принципа дисперсного состояния. Взаимодействие этих двух важнейших диалектически противоположных тенденций приобретало очень сложные формы проявления и затрагивало все сферы жизнедеятельности кочевого общества, но *в целом влияние принципа дисперсного состояния было решающим*, оказывало огромное воздействие на жизнь всего общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984.

² Медведский П. Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства Государственных Имуществ. 1862. Ч. 80. Август. Отделение II. С. 290.

³ Федорович Б. А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С. 217—218; Нечаев И. Н. Мясное коневодство (табунное). Алма-Ата, 1975. С. 56—58; Казахстан. М., 1969. С. 452.

⁴ Чогдон Ж. Обводнение пастбищ (на примере Монгольской Народной Республики). М., 1980. С. 60.

⁵ Радченко Г. Ф. Страны Сахеля (состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства). М., 1983.— С. 51.

⁶ Ковешников В. С. Вопросы экономики табунного коневодства в совхозах пустынной зоны Казахской ССР // Коневодство в опытах. М., 1967. Ч. 2. С. 201.

⁷ Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата, 1980.

⁸ Казахстан. С. 453—454.

⁹ Капо-Рей Р. Французская Сахара. М., 1958. С. 196.

¹⁰ Казахстан. С. 453.

¹¹ Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 46.

¹² Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3. С. 24.

¹³ Капо-Рей Р. Французская Сахара. С. 240.

¹⁴ Тернбул К. М. Человек в Африке. М., 1981. С. 64—65.

¹⁵ Ковальска-Левница А. Мавритания. М., 1981. С. 191.

¹⁶ См.: Чогдон Ж. Обводнение пастбищ. С. 125.

¹⁷ Мордкович В. Г. Стенные экосистемы. — Новосибирск, 1982, С. 186—188; Формозов А. Н. Проблемы экологии и географии животных. М., 1981. С. 25, 58—60, 99, 105—106, 274—275; Радченко Г. Ф. Страны Сахеля... С. 194—195, 200—201, 205—210; Казахстан. С. 228, 230, 234, 455.

¹⁸ **Соболев Л. Н.** Кормовые ресурсы Казахстана. М., 1959. С. 5, 8, 15; Смены пустынной и субальпийской растительности при пастбищном использовании. Алма-Ата, 1982. С. 19; **Писак Р. П.** Изменение растительности дельты реки Или при зарегулировании стока. Алма-Ата, 1981. С. 245—247; **Суворов Н. И.** О пасторальной дигрессии растительности в пустынях Южного Прибалхашья // Известия АН КазССР. Сер. ботан. 1949. Вып. 3. С. 75.

¹⁹ **Чогдон Ж.** Обводнение пастбищ... С. 125—126.

²⁰ Овцеводство Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 35.

²¹ Смены пустынной и субальпийской растительности... С. 17.

²² **Соболев Л. Н.** Кормовые ресурсы Казахстана. С. 5, 8, 15; Казахстан. С. 228, 230, 234, 455; **Формозов А. Н.** Проблемы экологии... С. 25, 58—60, 99, 105—106.

²³ Смены пустынной и субальпийской растительности... С. 203.

²⁴ **Плотников Л. О.** О необходимости и средствах предупреждения дальнейшего развития сыпучих песков в степях Внутренней Киргизской Орды // Записки Оренбургского отдела РГО. 1871. Вып. 2. С. 248—251; **Москалева З. Н.** Исследование бассейна Урала // Научные записки Западно-Казахского отдела Географического общества СССР. Уральск, 1957. Вып. 9.

²⁵ **Чогдон Ж.** Обводнение пастбищ... С. 189, 190, 192.

²⁶ Там же. С. 187—195.

²⁷ **Никифоров А. В.** Проблемы кочевого населения Сомали // Уч. зап. советско-сомалийской экспедиции. М., 1974. — С. 210.

²⁸ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1964. С. 150.

²⁹ **Левшин А. И.** Описание киргиз-казахских... Ч. 2. С. 69—70.

³⁰ **Янушкевич А.** Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С. 211.

³¹ **Нечаев И. Н.** Мясное коневодство... С. 59.

³² **Грум-Гржимайло Г. Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 333.

³³ **Масанов Н. Э.** Проблемы социально-экономической истории... С. 114—116.

³⁴ **Кыдырлан У. С.** Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975. С. 16.

³⁵ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II: Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. Спецчасть. С. 365, 369, 373, 377, 381.

³⁶ **Масанов Н. Э.** Проблемы социально-экономической истории... С. 123—124.

³⁷ **Брук С. И.** Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии // Переднеазиатский этнографический. М., 1958. Вып. I. С. 84—85, 93; Хозяйство казахов... С. 16—17.

³⁸ **Броневский С.** Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74.

К ИСТОРИИ НЕНЕЦКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА

Вопрос о возникновении и развитии ненецкого оленеводства неотделим от более общей проблемы генезиса и распространения этой формы хозяйства у различных народов Евразии¹. Сторонники моноцентрической концепции происхождения оленеводства предполагают существование саянского центра доместикации оленя, где древние самодийцы под влиянием собственной или тюрко-монгольской коневодческой культуры положили начало транспортно-хозяйственному использованию оленя². В то же время многие исследователи приходят к заключению, что северосамодийское оленеводство сложилось из двух компонентов — саянского (таежного, лесного) и навыков применения для охоты оленя-маншика, выработанных автохтонами тундры³. По мнению В. И. Васильева, тундровое оленеводство развилось на основе практики приручения маншика, дополненной скотоводческими навыками пришедших из лесостепи самодийцев⁴. Некоторые авторы считают, что оленеводство в циркумполярной зоне сформировалось на базе использования для охоты, а затем передвижения оленя-маншика⁵.

В одной из последних работ Н. В. Лукина сделала правомерное замечание: если признать, что оленеводство (или навыки скотоводства, давшие толчок к приручению оленя) принесено самодийцами с Саян, а к обским уграм оно распространилось от северных самодийцев — значит вначале оленеводство распространялось на север, а затем в обратном направлении. «Эта точка зрения представляется неоправданной». Далее В. Н. Лукина заключает, что «нет оснований совершенно исключать возможность участия угров в формировании оленеводства, так как верховое коневодство было и у них»⁶. Трудно не согласиться с автором по крайней мере в том, что угры имеют не меньше оснований считаться источником северосамодийского оленеводства, чем саянские самодийцы или тюрки.

Следует отметить, что почти все аргументы в пользу признания саянской прародины оленеводства (сходство в терминологии, названиях месяцев, элементах транспортного реквизита, особенностях кочевания и т. д.) могут равноценно служить доводами для обоснования обратного направления движения (с севера на юг) культуры содержания оленей. Лишь одно положение (не случайно именно на нем концентрируют внимание совре-

менные исследователи) — влияние практики или навыков коневодства на становление оленеводства — выглядит четко увязанным с определенной географической зоной — лесостепью. Однако в этой связи представляется необоснованным мнение о том, что коневоды (давно утратившие навыки приручения дикой лошади) выгодно отличались от охотников умением (или склонностью) приручать дикого оленя. Как показали исследования С. И. Вайнштейна, тюрки-коневоды лишь пополнили оленеводство южных самодийцев некоторыми приемами животноводства, в свою очередь обогатив коневодческий комплекс обратными заимствованиями⁷ Кроме того, наличие коневодческого опыта предполагает прежде всего вьючно-верховое использование оленя, тогда как верховое седло на Саянах позднетюркского происхождения, а имеющиеся данные о применении оленей под вьюк северными самодийцами нуждаются в верификации.

По ряду свидетельств, использование оленя под вьюк или седло было известно в прошлом енисейским и лесным ненцам, нганасанам и северным селькупам⁸ Однако нганасанскую верховую езду можно считать поздним явлением: по материалам А. А. Попова, олень у нганасан использовался только как упряжное животное; «исключение составляют немногие вадеевские тавгийцы, в самое последнее время заимствовавшие... способ езды верхом у долган»⁹ Относительно легкой езды на оленях верхом енисейских ненцев (юраков) А. А. Попов указал, что данная информация взята автором (К. М. Рычковым) из работы П. Третьякова, где говорилось о нганасанах, и ошибочно отнесена к характеристике юраков, которые верхового способа передвижения на оленях не знали¹⁰ Что касается единственного упоминания о вьючном седле у лесных ненцев, содержащегося в работе Г. Д. Вербова, то автор получил известие о нем от Т. Лехтисало. При этом в материалах (словаре) самого Т. Лехтисало, по словам Л. В. Хомич, сведений о седле pohosow не имеется¹¹ По дополнительно собранным Г. Д. Вербовым данным, «еще с десятков лет назад были живы старики, помнившие верховую езду (на оленях), практиковавшуюся в районе верховьев р. Пура»¹²

Если учесть близость правых притоков верхнего Пура к бассейну Таза, то можно предположить селькупское происхождение данной информации. На это же указывает созвучие термина pohosow с селькупским «паксат», означавшим, по сообщению Е. Д. Прокофьевой¹³, вьючное седло и перевозимые на нем вьюки. Селькупы познакомились с оленеводством в результате переселения на север в бассейн Таза¹⁴ Возможно, наряду с заимствованием энецкого или ненецкого упряжного оленеводства, они переняли и навыки вьючно-верхового использования оленей от тазовско-туруханских эвенков, подтверждением чего служит прежде всего

убежденность в этом самих селькупов¹⁵ Таким образом, *вопрос о происхождении элементов выючно-верхового оленеводства у северосаамодийских народов следует считать открытым*. Не исключено, что истоки его не саянские, а тунгусские.

Возвращаясь к теме одомашнивания оленя, важно отметить, что имеются убедительные данные о древности и традиционности приручения оленя для использования его в качестве манщика в тундровой зоне¹⁶. Словами одного из авторитетных сторонников «саянского центра» оленеводства С. И. Вайнштейна, «несомненно, что в тундровой зоне Евразии древнейшей формой domestикации оленя было приручение оленя-манщика»¹⁷ Мнение Л. В. Хомич о неприручаемости тундрового оленя¹⁸ ошибочно, о чем свидетельствуют данные Ю. Б. Симченко и Г. Н. Грачевой по гнанасанам¹⁹, а также многочисленные сообщения ямальских и гыданских ненцев о возможности (а порой желательности) приручения и выращивания диких телят. Сведения Л. В. Хомич, вероятно, относятся к южно-тундровым группам ненцев, в районах проживания которых в XIX—XX вв. дикие олени почти не встречались. Кроме того, при переходе к оленеводству навыки приручения дикого оленя были вытеснены практикой содержания домашних. Тем не менее и в начале XIX в. самоеды нередко ловили диких оленей и «приручали к своим домашним»²⁰

Имеется немало предположений относительно возможных способов первоначального приручения диких оленей. Г. И. Карев, например, рисует картину постоянного следования охотника за дикими оленями. «Так, постепенно овладевая искусством управлять стадом диких оленей, охотник за оленем становился оленеводом»²¹. Подобный «сопровождающий» образ жизни реконструирует у древних охотников на оленя Дж. Кларк²². Однако Э. Бэрч достаточно убедительно опроверг подобный взгляд, показав, что, во-первых, охотничья община физически не успевала следовать за диким оленем (карибу), передвигавшимся со скоростью 25—30 км в день и проходившим за год около 2400 км, во-вторых, ориентация только на промысел дикого оленя была чревата катастрофическими случайностями, так как карибу по неизвестным охотникам биологоэтологическим причинам менял маршруты миграций и колебался в численности²³. То же с полной уверенностью можно сказать и о промысловиках сибирской тундры.

Из вариантов реконструкций акта приручения дикого оленя наиболее обоснованной представляется точка зрения И. В. Друри, согласно которой в ходе массового промысла при миграциях дикого оленя охотники захватывали небольшие группы животных и, удерживая их у жилищ, использовали первоначально как манщиков или пищевой резерв, а затем в качестве средства передвижения²⁴. К этому можно добавить, что, поскольку для отлова,

содержания и дальнейшего содержания оленей необходимы деревянные сооружения (загоны, сараи), domestikация могла состояться только в лесной полосе. Оба важнейших условия — наличие миграционного потока оленей и обилие древесной растительности — в оптимальной форме сочетаются в районе Северного Урала. Кроме того, именно в предгорьях (вершинах рек) собака как средство транспорта была малопригодна (в отличие от побережий крупных водоемов), что, возможно, и вызвало потребность применения манщика для передвижения. Собаки могли использоваться для захвата и последующего содержания диких оленей, — таким образом происходило превращение промысловых собак-загонщиков в пастушеских оленегонок.

Сказанное не означает отрицание саянского оленеводства, древность которого не вызывает сомнений²⁵ Однако северо-самодийское оленеводство, по-видимому, развилось самостоятельно из северо-уральского центра. Не случайно между саянской и северо-самодийской оленеводческими культурами существует и типовая разность, и территориальный (неолениводческий) барьер. В то же время примечательно выделение в обоих случаях в качестве оленеводческого очага предгорий, которые, кстати, и впоследствии являлись районами высоко развитого оленеводства. Возможно, подобную роль для саамского оленеводства сыграли отроги Скандинавских гор, для чукотского — хребты Тихоокеанского водораздела.

Итак, первые шаги от промысла к разведению оленей были сделаны *североуральскими охотниками*, практиковавшими загоны диких стад в засеки, оканчивавшиеся деревянной загородью (коралем). Изначальный тип ненецкого оленеводства можно назвать стационарным, так как он представлял собой содержание небольшого поголовья промыслово-транспортных животных посредством стационарных сооружений — загонов, сараев («изб»), а также деревянных пут, привязей. Раннее оленеводство предполагало буквальное одомашнивание оленя с выпасом, кормлением (прикармливанием рыбой), выращиванием молодняка, доением и т. д. По этологическим характеристикам, чем больше численность поголовья, тем выше естественная стадность, и, напротив, при небольшом количестве оленей необходимо их «индивидуальное» приручение. Продолжением этой традиции в условиях современного крупнотабунного оленеводства является практика выращивания тундровыми ненцами ручных оленей («навка»), которое обычно держится около чумов, откликаются на зов оленевода; для их отлова нет необходимости делать кораль, их можно запрячь ночью; на навка «в поводу» возят дрова, лед, тела умерших.

Исчезновение «избного» оленеводства у лесных ненцев связано с укрупнением стад (зависимость между размером

стада и основательностью построек для оленей обратно-пропорциональная). В недавнем прошлом, к примеру, ханты верховьев Демьянки строили для оленей бревенчатые «избы», ханты Назыма — полуоткрытые сараи из жердей и небольшие загоны, ханты верховьев Казыма — просторные загоны из жердей (без навесов), лесные ненцы Среднего Пура делали открытые дымокуры, тундровые ненцы вообще ничего не сооружали, кроме временных коралей из нарт и веревок. В том же порядке убывания «капитальности» построек возрастает численность индивидуального поголовья оленей — от 3—5 до 200 и более. С количественным ростом стад «избы» были заменены просторными загонами, открытыми дымокурами или исчезли совсем (на Урале, в тундре и лесотундре). Лишь в ряде районов средне-таежного Приобья в силу невозможности укрупнения стад (фактор ландшафта) сохранились характерные для первоначального оленеводства деревянные конструкции.

Что касается доения важенок, то, по данным Л. В. Хомич, ненцы его не знали²⁶. Однако в описаниях оленеводства остяков и самоедов конца XVII—XVIII вв. сведения о доении имеются: «а молоко у них доят на потребу свою», «мясо их и молоко употребляют в пищу»²⁷. По сведениям 1970 г., «в Сургутском округе оленей держат только богатые и то не в большом количестве, голов до 5; здесь олени заменяют корову и дают молоко»²⁸. Возможно, при стационарном северо-таежном оленеводстве (как и в эвенкийском оленеводстве, предполагавшем постоянный контакт хозяев и оленей) практика доения важенок развилась самостоятельно, без какого-либо обычно предполагаемого²⁹ скотоводческого или коневодческого влияния. Ее исчезновение произошло по мере укрупнения стад, обусловившего, с одной стороны, перенесение потребительского акцента на мясные продукты, с другой — своеобразное «полуодичание» оленей. Не случайно в XIX в. доение зафиксировано лишь у малооленных сургутских хантов.

Можно предположить, что до XIV—XV вв. в северной тайге Западной Сибири доминирующим было стационарное оленеводство, которое в течение второй половины II тыс. н. э. в модифицированной форме распространилось среди населения средней тайги, сохранившись до наших дней в облике «избленного» оленеводства хантов Средней Оби. В XV—XVI вв. на базе стационарного оленеводства в Северном Приуралье и тундровой полосе сложился тип отгонного оленеводства. Процесс развития оленеводства от стационарного к отгонному во многом напоминает последовательность становления скотоводства в стадиях его стойлово-загонного и отгонного ведения³⁰. В свою очередь данный тип оленеводства с XVII в. приобрел формы горно-таежного отгон-

ного (у ненцев и манси таежного Предуралья) и крупнотабунного (у тундровых ненцев).

Проблема происхождения крупнотабунного оленеводства вызывает значительный интерес у североведов. Л. В. Хомич считает, что до середины XVIII в. оленеводство у ненцев имело в основном транспортное значение и не было ведущей отраслью экономики; во второй половине XVIII столетия наблюдается численный рост поголовья домашних оленей, а уже «с XIX в. основной отраслью хозяйства у подавляющего большинства ненцев становится оленеводство»³¹. В. И. Васильев относит превращение оленеводства тундровосамодийских народов в определяющее хозяйственное занятие ко второй половине XVII в., причем «уже в XVIII в. оленеводство становится ведущим, определяющим направлением самодийской экономики»³². Подобную периодизацию у ненцев, чукчей и коряков предложил и коллектив авторов монографии «Общественный строй у народов Северной Сибири»³³

И. И. Крупник выделил 4 этапа развития оленеводства у тундровых ненцев: *начальный* (с появления первых оленей до начала XVIII в.); период *становления* крупнотабунного оленеводства (начало — конец XVIII в.), этап *превращения* оленеводства в форму производящего хозяйства (конец XVIII — середина XIX в., для ненцев Сибири — конец XVIII — начало XX в.), период крупнотабунного кочевого оленеводства как *господствующей формы* тундровой экономики (середина XIX — 30-е гг. XX в., для сибирских ненцев — начало — 30-е гг. XX в.)³⁴. В других работах И. И. Крупник предложил несколько иную последовательность этапов развития оленеводства: с XVIII в. начинается период быстрого роста поголовья оленей, к началу XIX в. завершается переход к крупнотабунному кочевому оленеводству мясо-шкурного направления³⁵.

Приведенные мнения сводятся к 3 вариантам периодизации процесса развития оленеводства в тундровой зоне Сибири (в том числе Западной): 1) вторая половина XVII — начало XVIII вв. — этапы начала и завершения становления крупнотабунного оленеводства (В. И. Васильев, И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, А. В. Смоляк); 2) те же фазы датируются соответственно второй половиной XVIII — началом XIX вв. (Л. В. Хомич, И. И. Крупник); 3) периоды становления (XVIII в.), превращения в форму производящего хозяйства (XIX в.), существования как господствующей формы экономики (начало — 30-е гг. XX в., — И. И. Крупник).

Прежде всего необходимо остановиться на выборе критерия для определения уровня развития оленеводства. В связи с многообразием конкретных форм крупнотабунного оленеводства (чукотского, ненецкого, саамского, коми-зырянского типов) представляется нецелесообразным учет отдельных особенностей в системах окарауливания, сроках забоя и т. д. Кроме того, едва ли право-

мерно считать окончательно сформировавшимся лишь то крупнотабунное оленеводство, которое стало количественно (по числу занятых хозяйств) доминирующим в определенном районе. К примеру, на Ямале и Гыдане даже в начале XX в. большинство оленеводов имело по сути дела не «крупные», а средние и мелкие стада оленей; на Чукотке также значительную долю населения составляли малооленные и безоленные «сидячие» хозяйства, хотя и в том в другом случае оленеводство именуется крупнотабунным. Тем более нет оснований оценивать меру «табунности», исходя из степени товаризации оленеводства (см., например, 4-й этап периодизации И. И. Крупника)³⁶, так как это явилось следствием инокультурного (коми-русского) воздействия.

Мерилом становления крупнотабунного оленеводства может служить сам по себе факт (упоминание в источниках) подобной формы хозяйства. В отличие от многих других видов хозяйства крупнотабунное оленеводство не может быть подсобной отраслью, так как предполагает постоянную занятость владельца оленей выпасом стада. С другой стороны, появление крупного стада невозможно без специализации на оленеводстве: т. е. как бы часто применительно к определенному периоду и району ни упоминались охота или рыболовство, факт существования крупного стада указывает на выделение среди данной группы населения оленеводов и оленеводческого типа хозяйства, хотя его удельный вес в соотношении с другими хозяйственными комплексами может быть невелик.

К примеру, В. Ф. Зуев, И. Г. Георги, Ф. Белявский дали описание различных способов охоты на дикого оленя и в то же время отметили, что «многие из них (самоедов.— А. Г.) имеют до 10 тысяч, а самый беднейший более ста оленей», «вся их экономика состоит в содержании оленного скота» и т. д.³⁷ Следовательно, для второй половины XVIII — начала XIX в. крупнотабунное оленеводство как основу определенного хозяйственного комплекса можно считать установившимся. Имеются подобные свидетельства и применительно к более раннему времени: сообщения Г. Новицкого (начала XVIII в.) о том, что «мощнейшие» жители Нижнего Приобья «множество оленей содержат, аки домовый скот»³⁸, С. Коллинза (XVII в.) о том, что «богатство их состоит в оленях, которых они имеют большие стада»³⁹.

Таким образом, становление крупнотабунного оленеводства в западно-сибирской тундре, как справедливо считают некоторые исследователи (В. И. Васильев, И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, А. В. Смоляк), пришлось на XVII в. Процесс складывания данной формы хозяйства занял, очевидно, достаточно большой промежуток времени. И. И. Крупник под считал, что между начальными и заключительными стадиями развития крупнотабунного оленеводства

оттекает довольно значительный (не менее 50—70 лет) хронологический отрезок: у европейских ненцев и чукчей — 50—80, у нганасан — 80—100, у сибирских ненцев — более 100, у тундровых энцев и ненцев низовьев Енисея — около 150 лет. В приведенных расчетах, основанных, вероятно, на заключениях различных авторов, обращают на себя внимание и остаются необъясненными перепады длительности «переходного» периода у тундровых энцев и нганасан, населявших смежные территории Таймыра и имевших много общего в укладе хозяйства, у европейских, сибирских и енисейских ненцев, проживающих в экологически сходных условиях.

Кроме того, по мысли И. И. Крупника, крупнотабунное оленеводство вначале установилось, а уже затем тундровому населению пришлось к нему приспособливаться: «Все это время (50—70 лет после становления.— А. Г.) крупнотабунное оленеводство продолжало существовать в качестве подсобной отрасли в рамках в целом промыслового хозяйства. Весь образ жизни ненцев по-прежнему подчинялся еще производственным интересам охоты и рыболовства, нередко даже в ущерб оленеводству»; в данный переходный период «должны обязательно произойти постепенная хозяйственная и социальная перестройка общества охотников-олeneводов и, наконец, коренная ломка всех прежних психических стереотипов и представлений»⁴⁰

Следует еще раз подчеркнуть, что крупнотабунное оленеводство в силу своей «технологии» всегда занимает ведущее место в хозяйственном комплексе. Более того, выработка и перестройка навыков и образа жизни должны происходить не после, а в процессе становления новой отрасли хозяйства. По-видимому, первоначально к практике оленеводства тундрового типа перешло незначительное число хозяйств, имевших к тому времени (XVII в.) сложившиеся навыки выпаса и использования домашних оленей. Формирование подобной группы хозяйств было возможно благодаря развитию оленеводства отгонного типа в тундре и Предуралье.

В условиях доминанты промыслов и транспортного назначения оленеводства передвижение на оленях осуществлялось, главным образом, в зимнее полугодие, так как для транспортного использования оленей летом необходима либо верховая езда (не фиксируемая у ненцев), либо — при нартенном способе передвижения — большое количество оленей (т. е. уровень крупнотабунного оленеводства). Следовательно, в летнее полугодие тундровое население, занимавшееся охотой и рыболовством, передавало транспортных оленей пастухам, как это делалось в XIX—XX вв. северными манси, лесотундровыми ненцами и хантами. Пастушеские

хозяйства, имевшие круглогодичный контакт со сборными (в том числе своими) стадами, а также возможность усиленно наращивать собственное поголовье оленей, и явилось костяком будущих оленеводов тундры.

Причины смены форм оленеводства у народов евразийской (в том числе западно-сибирской) тундры в XVII (XVIII) в. рассматриваются исследователями по-разному. Л. В. Хомич считает, что в увеличении размеров стада на протяжении XVIII в. «какую-то роль играло постепенное истребление сначала в европейских, а затем в азиатских тундрах стад диких оленей. Кроме того, оленеводство стало приобретать значение как средство для расширения пушной охоты, и богатые оленеводы стали заботиться о росте своих стад»⁴¹. Б. О. Долгих основную причину развития крупнотабунного оленеводства видит в обеспечении после включения Севера в состав Русского государства поддержки и охраны частных интересов ставладельцев, тогда как прежде «богач был бы очень скоро экспроприрован своими же сородичами. Кроме того, большое стадо оленей было бы объектом постоянных вождений соседей, и роду богача пришлось бы почти непрерывно воевать»⁴².

Некоторые авторы главным фактором становления тундрового оленеводства называют *природно-климатический*. По мнению Л. П. Хлобыстина и Г. Н. Грачевой, «изменение климата в сторону повышения зимних температур и увлажнения, приходящиеся на период I тысячелетия н. э., должно было вызвать уменьшение поголовья дикого оленя, что, по-видимому, заставило людей изменить традиционную форму хозяйства», т. е. перейти к оленеводству⁴³. По предположению И. И. Крупника, появление крупнотабунного оленеводства связано, наоборот, с благоприятными для нагула и плодovitости домашних оленей климатическими колебаниями (температурного баланса и влажности воздуха). Вся первая половина второго тысячелетия определена автором как неблагоприятная для развития оленеводства, периоды с 1570 по 1650 и с 1720 по 1830 гг. — как благоприятные. Правда, в первый промежуток времени поголовье оленей не увеличивалось по причине накала междоусобиц и начала русских завоеваний, а в XVIII в. политическая ситуация стабилизировалась, что и сопутствовало процессу стремительного развития оленеводческого хозяйства⁴⁴.

Аргументация сторонников «климатического» фактора страдает прежде всего недоучетом того обстоятельства, что как ухудшение (по Л. П. Хлобыстину и Г. Н. Грачевой), так и улучшение (по И. И. Крупнику) климата в одинаковой мере сказались бы на состоянии популяции дикого и поголовье домашнего оленя, т. е. производящая отрасль не получила бы преимуществ по сравнению с промыслом. Тем не менее И. И. Крупник заключает, что

«быстрый рост поголовья домашних оленей неизбежно повлек за собой нарушение экологического равновесия в тундровых биоценозах, что привело в итоге к вытеснению более слабой, точнее не охраняемой человеком популяции диких оленей»⁴⁵ Не совсем понятно, на какой основе происходили «неожиданно быстрый рост поголовья домашних оленей», «бурное развитие крупнотабунного оленеводства», как пишет И. И. Крупник, если исходное количество транспортных оленей было весьма незначительным.

Кроме того, коэффициент воспроизводства дикого стада был заметно выше соответствующего показателя домашнего поголовья, так как дикая популяция обладает почти абсолютной репродуктивной способностью, а среди домашних (особенно транспортных) оленей велик процент кастратов, яловых важенок и дефектнорожденных телят. Простые примерные подсчеты показывают, что при условном соотношении численности диких и домашних оленей 1000:10 и соответствующих годовых коэффициентах воспроизводства (завышенных в связи с «благоприятностью» климата) 1/5 и 1/10, за десятилетие поголовье дикого оленя вырастет с 1000 до 6500, домашнего — с 10 до 26, т. е. первоначальная пропорция 100:1 изменится до 250:1 в пользу дикой популяции, а количественная разница — с 990 до 6474.

Разумеется, активный промысел оленя препятствовал бы столь значительному опережающему росту дикого стада и даже перекрывал его, но именно это обстоятельство и явилось бы преградой для перехода от промыслового хозяйства к производящему, так как известно, что не расцвет, а кризис той или иной ключевой отрасли выступает стимулом к подобной перестройке⁴⁶. Таким образом, если уж говорить о климатических факторах, способствовавших развитию оленеводства, то следует согласиться с их трактовкой Л. П. Хлобыстиным и Г. Н. Грачевой. Правда, названные авторы указывают в этой связи на ухудшение климата в I тыс. н. э. — времени, далекого от сроков становления крупнотабунного оленеводства. Скорее всего, этому процессу сопутствовал иной «неблагоприятный» (по И. И. Крупнику) период — 1650—1720 гг.

И, наконец, еще одним слабым местом гипотезы И. И. Крупника (как и других сторонников первенства климатических причин становления тундрового оленеводства) является *невнимание к различиям процесса развития оленеводства на сопредельных территориях*. К примеру, для построения климатической периодизации применительно к тундровой зоне Евразии И. И. Крупник использовал данные по состоянию климата Северной и Восточной Европы, условиям ледовитости Северной Атлантики и навигации в Арктическом бассейне, состоянию горного оледенения Скандинавского и Кольского полуостровов, колебаниям уровня Каспийского

моря и т. п.⁴⁷, тогда как для соседних районов Ямала, Гыдады и Таймыра результаты воздействия этого пространственно-глобального климатического фактора оказались противоположными: в Западной Сибири сложился тундровый тип оленеводства, на Таймыре продолжалось промысловое хозяйство.

По-видимому, судьба оленеводства определялась не только и не столько климатическими колебаниями, сколько *причинами социально-экономического и хозяйственно-экологического порядка*. Продвижение в Западную Сибирь приуральских угров, коми, русских привело к уплотнению населения и, вследствие этого, нарушению эколого-хозяйственного баланса биоемкости угодий и численности промысловиков, что в свою очередь вызвало относительное (а впоследствии и абсолютное) сокращение объектов промысла⁴⁸. Антропогенный фактор сыграл решающую роль для уменьшения численности западно-сибирских популяций крупных копытных в середине II тыс. н. э. Следует учитывать, что даже незначительное первоначальное нарушение равновесия между воспроизводством поголовья животных и размерами промысла довольно быстро и в возрастающей прогрессии приводит к так называемому «испромыслению» территории.

Механизм этого процесса иллюстрируется нижеследующим примером с условными, но приближенными к действительным (для тундровой зоны) параметрами. Если определить ежегодный прирост стада диких оленей численностью в 100 тыс. голов 7%, а количество промысловиков в 320 чел. при учете среднегодовой добычи (потребления) каждым из них по 25 оленей, то первоначальный годовой прирост стада составит 7 тыс., а суммарный объем промысла — 8 тыс. голов. На исходе первого года популяция оленей уменьшится лишь на 1 тыс. — до 99 тыс. голов, за 10 лет ее численность сократится до 86 тыс., еще через десятилетие — до 60 тыс. В общей сложности стадо оленей будет истреблено за 30 лет. Если дополнительно учесть потребности хищников, количество которых будет сокращаться значительно медленнее, то, очевидно, для этого понадобится еще меньший срок.

Однако полного уничтожения популяции животных при перепромысле, как правило, не происходило, поскольку с численной регрессией стада снижалась и эффективность охоты. Иногда в подобной ситуации даже «примитивными» народами принимались природоохранные меры. К примеру, иртышские ханты выжигали хвойные леса для увеличения площадей молодого осинника — излюбленного пастбища лосей, у казымских хантов сложилась традиция охотиться на лосей только в весенний период. Другой альтернативой был поиск путей интенсификации промысла, перераставший в ряде случаев в становление новых отраслей.

Сокращение поголовья тундрового дикого оленя снизило эф-

Активность некоторых (загонно-массовых) способов охоты и вызвало необходимость дальних промысловых поездок и транспортировки добычи. Возраставшее значение пушного промысла также предполагало повышение хозяйственной подвижности населения. Транспортные олени стали представлять собой значительную ценность, возрастанию которой способствовало и превращение оленных упряжек в «боевой» транспорт (воинственность и неуязвимость оленеводов в противовес беззащитности «бедняков», не имевших оленей, воспевается в ненецких сказаниях). Уже в конце XV в. езда на оленях являлась характерной чертой «малгонзейской» и «каменской самоеды»⁴⁹ В 1701 г. К. де Бруин отметил, что самоеды извлекают большую пользу «от прирученных оленей, продавая часть их, а другую употребляя для возки саней в зимнее время»⁵⁰

Таким образом, первоначально транспортно-промысловые, военные и торговые интересы стимулировали наращивание домашнего поголовья. При этом состоятельные оленеводы — пастухи горных стад, — с одной стороны, уже не могли активно заниматься промыслами, с другой — получили возможность основать свое хозяйство на транспортно-товарном оленеводстве. Ценность оленя определялась использованием его для передвижения, для охоты — в качестве маншика. Олень является средством выгодного обмена. За выпас чужого поголовья пастухи получали необходимую продукцию охоты и рыболовства. Олени служили резервом на случай промыслово-продовольственного кризиса. Со временем в связи с истощением промысловой фауны (дикого оленя) и ростом общего поголовья домашних стад при одновременном снижении меновой стоимости оленя тундровое оленеводство приобрело значение основного источника потребления. Хотя истоки ненецкого оленеводства коренятся в северо-таежной зоне, в завершённой крупно-табуной форме оно сформировалось в тундре. Это объясняется как удобством выпаса больших стад в открытых безлесных пространствах, так и ускоренной регрессией именно тундровой популяции дикого оленя под влиянием перепромысла и оленеводства. Процессы развития оленеводства и деградации промысла дикого оленя взаимообусловлены: чем быстрее сокращается поголовье дикого, тем стремительнее нарастает численность домашнего и наоборот.

С этих позиций вполне разрешим «парадокс Таймыра», где в отличие от соседних к востоку и западу территорий сохранилась крупная популяция дикого оленя, а оленеводство развилось лишь под влиянием пришлых (ненецкой с запада, эвенкийской с юго-востока) хозяйственных культур. Если тундровая зона Западной Сибири благодаря развитию речной системы испытывала постоянный приток населения с юга, то платформа Таймыра была относительно изолирована от таежно-эвенкийской зоны малообжитым

плато Пutorана⁵¹. Следовательно, присущего тундровой зоне Западной Сибири перепромысла на Таймыре не наблюдалось. Кроме того, пространство тундры Ямала почти полностью осваивалось оленеводами, тогда как на севере Таймыра существовали огромные площади арктических пустынь, недосягаемых для автохтонов, но легко осваиваемых дикими оленями.

Таким образом, как в летний, так и в зимний периоды дикая популяция не испытывала сколько-нибудь значительной конкуренции со стороны домашних стад и не терпела серьезного урона от промысла, вследствие чего до недавнего времени, по данным А. А. Попова и Ю. Б. Симченко, игнорировались нередко пренебрегали оленеводством в пользу сохранившей свое хозяйственное значение охоты на дикого оленя⁵². Подобное, но с обратными акцентами, объяснение можно дать и раннему складыванию «крупномасштабного оленеводства» в Лапландии, где этот процесс завершился в XIII—XVI вв.⁵³

Подводя итог анализу развития оленеводства на Севере Западной Сибири, остается отметить *его основные этапы*: I — начало II тыс. н. э. — практика охоты с манщиком, возникновение стационарного оленеводства в северо-таежном Предуралье; II — середина II тыс. н. э. — развитие горно-таежного и тундрового отгонного оленеводства; III — XVII—XVIII вв. — становление крупнотабунного оленеводства транспортно-торговой ориентации, IV—XIX—XX вв. — развитие крупнотабунного оленеводства пищевого направления как доминирующей отрасли тундрово-ненецкого хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Историография вопроса см.: Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1; Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // СЭ. 1970 № 6; 1971. № 5.

² Максимов А. Н. Происхождение оленеводства // Уч. зап. ин-та истории РАНИОН. 1928. Т. 8. С. 18; Кагалов Е. Г. Ревизия этнографии народов Советского Севера на Западе и ее классовая подоплека // Советский Север. 1931. № 11—12. С. 135; Василевич Г. М., Левин М. Г. Указ. соч. С. 79; Скалон В. Н. Оленные камни Монголии // СА. Т. 25. С. 105; Хомич Л. В. Ненцы. М., Л., 1966. С. 52; ее же. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 75—78; Шнирельман В. А. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки) // СЭ. 1977. № 2. С. 31; Лукина Н. В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10.

³ Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 90; Вайнштейн С. И. Указ. соч. 1971. С. 49; его же. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. С. 123; Хлобыстин Л. П., Грачев Г. Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974. С. 83; Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых нен-

- цев//СЭ. 1976. № 2. С. 57; **Козьмин В. А.** Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1981. С. 7—8.
- ⁴ **Васильев В. И.** Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 65.
- ⁵ **Друри И. В.** Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики// Труды Арктического ин-та. М.; Л., 1949. Т. 200. С. 67; **Хайду П. К.** этногенез венгерского народа//Acta Linguistica. Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 2, f. 3—4. Budapest, 1953. S. 278—279; **Диков Н. Н.** Основные проблемы археологического изучения северо-востока СССР//ВИ. 1975. № 10. С. 52; **Симченко Ю. Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976. С. 101; его же Северная Азия//Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., 1978. С. 149—159; **Линькола М.** Образование различных этно-экологических групп саамов//Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 53.
- ⁶ **Лукина Н. В.** Указ. соч. С. 15.
- ⁷ **Вайнштейн С. И.** К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении//КСИЭ. Вып. 34. 1960; его же. Проблема.
- ⁸ **Рычков К. М.** Береговой род юраков//Записки ЗСО РГО. 1916. Т. 38. С. 175—176; **Прокофьев Г. Н.** Остяк-самоеды Туруханского края//Этнография. 1928. № 2. С. 100; **Вербов Г. Д.** Лесные ненцы//СЭ. 1936. № 2. С. 64; **Гемуев И. Н., Пелих Г. И.** Селькупское оленеводство//СЭ. 1974. № 3. С. 89—90.
- ⁹ **Попов А. А.** Тавгийцы//Труды ин-та антропологии и этнографии.—М., Л., 1936. Т. 1. Вып. 5. С. 29.
- ¹⁰ **Попов А. А.** Енисейские ненцы (юраки)//Известия ВГО. 1944. Т. 26. Вып. 2—3. С. 37, 78.
- ¹¹ **Хомич Л. В.** Проблемы этногенеза. С. 77.
- ¹² **Вербов Г. Д.** Указ. соч. С. 64.
- ¹³ **Прокофьева Е. Д.** Оленеводство тазовских селькупов//Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 143.
- ¹⁴ **Васильев В. И.** Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение//КСИЭ. 1962. Вып. 37. С. 73; **Козьмин В. А.** Указ. соч. С. 11.
- ¹⁵ **Прокофьев Е. Д.** Указ. соч. С. 144.
- ¹⁶ **Максимов А. Н.** Указ. соч. С. 11—13; **Мошинская В. И.** Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя//МИА. М., 1953. № 35. С. 78—80; **Чернецов В. Н.** К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре: Доклад на УП МКАЭН. М., 1964. С. 2; **Симченко Ю. Б.** Культура. С. 101; **Васильев В. И.** Проблемы. С. 62.
- ¹⁷ **Вайнштейн С. И.** Историческая этнография тувинцев. С. 123.
- ¹⁸ **Хомич Л. В.** Ненцы. С. 53.
- ¹⁹ **Симченко Ю. Ю.** Культура. С. 76; **Грачева Г. Н.** Устное сообщение.
- ²⁰ **Беляевский Ф.** Поездка к ледовитому морю. М., 1983. С. 77, 168.
- ²¹ **Карасев Г. И.** Возникновение и развитие северного оленеводства//Магаданский оленевод. 1963. № 3. С. 45—47.
- ²² **Clark J. G. D.** The stone age hunters. N. Y., 1967.— P. 64—65.
- ²³ **Burch E. S.** The caribou wild reindeer as a human resource//American Antiquity.
- ²⁴ **Друри И. В.** Указ. соч. С. 67; его же. Оленеводство. М.; Л., 1955. С. 16.
- ²⁵ См.: **Скалон В. Н., Хороших И. П.** Об оленных писаницах Северной Азии//КСИИМЖ. 1951. Вып. 39. С. 62; **Кызласов Л. Р.** Древнейшее свидетельство об оленеводстве//СЭ. 1952. С. 49.
- ²⁶ **Хомич Л. В.** Ненцы. С. 50.
- ²⁷ **Титов А.** Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 74; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 300.
- ²⁸ Тобольская губерния: Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. СПб, 1881. С. ССХІХ.
- ²⁹ **Neilemann C.** Theories on reindeer nomadism//Folk. 1961. V. 3. P. 101.

³⁰ См.: **Марков Г. Е.** Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. 1976. С. 14.

³¹ **Хомич Л. В.** Ненцы. С. 51; **еже же.** Проблемы этногенеза. С. 74.

³² **Васильев В. И.** Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера//Становление классов и государства. М., 1976. С. 325—326.

³³ **Гурвич И. С., Долгих Б. О., Смольяк А. В.** Хозяйство народов Севера в XVII—XX веках//Общественный строй у народов Северной Сибири. М. 1970. С. 39.

³⁴ **Крупник И. И.** Указ. соч. С. 67—69.

³⁵ **Крупник И. И.** Природная среда и эволюция тундрового оленеводства//Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975. С. 26—27; **еже же.** Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера (к методике изучения этно-экологических систем): Автореф... дисс. канд. ист. наук. М., 1977. С. 17.

³⁶ **Крупник И. И.** Становление. С. 69.

³⁷ **Зуев В. Ф.** Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедов: Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). ТИЭ. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 29; **Георги И. Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. III. С. 7; **Белявский Ф.** Указ. соч. С. 168.

³⁸ **Новицкий Г.** Краткое описание о народе остячком. Новосибирск, 1941. С. 51.

³⁹ **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936. Т. 2. С. 15.

⁴⁰ **Крупник И. И.** Становление. С. 65, 67.

⁴¹ **Хомич Л. В.** Ненцы. С. 51.

⁴² **Долгих Б. О.** Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера//Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 98—99.

⁴³ **Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.** Указ. соч. С. 83.

⁴⁴ **Крупник И. И.** Природная среда. С. 31—40; **еже же.** Становление.— С. 63—64.

⁴⁵ **Крупник И. И.** Становление.— С. 65.

⁴⁶ См.: **Morgan L. H.** System of consanguinity and affinity of human family Washington, 1871. P. 173; **Ковалевский М. М.** Общинное земледелие, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. Ч. 1. С. 38; **Марков Г. Е.** Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии//СЭ. 1973. № 1. С. 112; **Арутюнов С. А.** Роль среды в формировании вариаций древнеазиатской культуры//Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975. С. 23; **Косарев М. Ф.** Географическая среда, хозяйственные типы и факторы первобытного обмена по материалам Западной Сибири//Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 8.

⁴⁷ **Крупник И. И.** Природная среда. С. 33—39.

⁴⁸ **Васильев В. И., Головнев А. В.** Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири//Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 38—39.

⁴⁹ **Титов А.** Указ. соч. С. 3—6.

⁵⁰ **Бруни К. де.** Путешествие через Московию//Чтения в имп. Общ. истории и древностей российских. 1872. Кн. 1. С. 16.

⁵¹ **Головнев А. В.** Некоторые вопросы формирования экзогамных тундровосамодийских народов Сибири//Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. по этногр. Омск, 1983. С. 29.

⁵² **Попов А. А.** Нганасаны. М., 1948. С. 19; **Симченко Ю. Б.** Культура. С. 67.

⁵³ **Линкола М.** Указ. соч. С. 53.

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ ЮЖНЫХ ХАНТОВ В XVIII—XIX вв.

Традиционный хозяйственный комплекс южных хантов ближе всего к широко распространенному и очень древнему хозяйственно-культурному типу оседлых рыболовов и охотников при больших реках¹. Основными хозяйственными отраслями аборигенного населения Нижнего Прииртышья со времени включения Сибири в состав России и вплоть до XX в. были рабыловство и охотничий промысел, подсобное значение имело скотоводство, а в самых южных районах Нижнего Прииртышья ханты занимались и земледелием.

Разница в природно-климатических условиях обуславливала различия в хозяйстве аборигенов, определяя преобладание того или иного вида занятий в том или ином регионе. В полном соответствии с естественными возможностями окружающей среды рыболовство доминировало по берегам Оби, Иртыша и низовьям их крупных притоков (Конды, Демьянки, Назыма, Салыма). Охотничий промысел преобладал по среднему и верхнему течениям притоков.

В то же время, и это следует подчеркнуть, хозяйство прииртышских хантов было неспециализированным комплексным, причем комплексность достигалась путем сезонного чередования занятий в рамках одного хозяйства. У хантов отсутствовало строгое деление на рыболовов и охотников. Акцент на тот или иной вид деятельности делался в зависимости от времени года. Специализация в общегодовом хозяйственном цикле проявлялась лишь в преимуществе того или иного вида хозяйственных занятий.

В системе традиционного хозяйственного комплекса южных хантов охотничьему промыслу всегда принадлежало важное место. Им занимались как с целью получения пушнины, так и с целью добычи мяса. Кроме того, существенным подспорьем являлся промысел водоплавающей и лесной птицы (табл 1).

«Звероловные угодья» южных хантов, по оценке II ясачной комиссии, составляли примерно 30 тыс. квадратных верст². Объектами охоты были соболь, лисица, белка, горноста́й, колонок, куница, заяц, росомаха, выдра, бурундук, медведь, лось, дикий олень и др. звери. Коренным жителям Западной Сибири были известны разнообразные способы и приемы охоты, которые предопределялись объектом промысла и природно-географическими усло-

виями местности. Жители каждого селения хорошо знали места обитания зверей в охотничьих угодьях (не только где какие звери водятся, но и приблизительно сколько их), где лучше поставить ловушки, насторожить луки. В литературе имеется довольно большое количество описаний технико-организационных основ охотничьего промысла у коренного населения Западной Сибири. Особенно следует отметить книгу А. А. Силантьева, в которой подробно описываются многие охотничьи приемы, а также различные приспособления для охоты у народов Сибири, используемые и южными хантами³.

Таблица 1

Охотничий промысел южных хантов в первой половине XIX в.
(по данным II ясаचीи комиссии 1828—1831 гг.)

Волость	Охотничьих угодий во владении «инородцев», кв. верст	Отдают в аренду охотничьих угодий на сумму, руб.	Промысел зверей, штук		Промысел птиц, пудов	
			в хороший год	в плохой год	в хороший год	в плохой год
Туртасская	4000	87	4030	2020	—	—
Назымская	1000	—	3352	1377	—	—
Тарханская	1500	—	3031	2266	110	35
Нарымская	1000	—	3193	1676	225	125
Темлячевская	2500	45	2247	1056	860	600
Верх-Демьянская	4000	94	6765	3621	—	—
Меньше-Кондинская	9000	100	4289	1997	—	—
Селиярская	—	—	200	100	300	200
Салымская	—	—	5000	3560	200	100
Кодские городки	—	—	24000	10000	1000	800
Всего:	23000	326	56107	27673	2695	1860

Примечание. Таблицы 1—3 составлены по материалам ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 212—221, 241—249.

Традиционные способы охоты аборигенного населения Нижнего Прииртышья включали приемы как стационарного (пассивного), так и активного промысла. Охотой занимались практически круглый год, хотя «главный промысел» зверей начинался осенью и длился всю зиму. Раньше всех начинали промышлять лисиц — со второй половины октября до декабря. На них настораживали самострелы, гоняли их верхом на лошадях с помощью собак. Весной лисиц промышляли капканами.

На соболей охотились при помощи собаки, которая загоняла зверя с земли на дерево. Зимой соболей добывали черканами, устанавливаемыми у нор. Известен и такой способ. Соболю нору обтягивали сетью, выгоняли зверя из норы криком; выскочив и встретив препятствие, соболь приостанавливался, в этот момент его били.

Колонка промышляли в течение всей зимы черканами. Добывали его в очень ограниченном количестве. Самым «массовым» промысловым зверем была белка. На нее охотились дважды в году: конец ноября — декабрь и конец января — середина марта. Зайцев промышляли в течение всей зимы капканами, слопцами (пастями) и сторожевыми луками-самострелами. Росомех и горностаев ловили также зимой черканами и луками. Бурундуки и выдры не составляли предмета серьезного промысла, ловили их преимущественно для «местного употребления».

На крупных копытных охота производилась разными способами. Наиболее часто практиковались загон животного в специально устроенные «засеки» или «загороди» и «гоньба по насту». Вот как описывал охоту на лосей А. А. Дунин-Горкавич. На пути передвижения животных, обычно у берегов рек, «на протяжении десятков верст были установлены «изгороди» из жердей или простые засеки из повалившихся деревьев. Через известные промежутки в этих «загородах», отрезающих путь к реке, устанавливались самострелы. Пробирающиеся к реке звери, попав на такую изгородь, должны были воспользоваться одним из проходов, где и попадали в яму, или, задев в проходе натянутую нитку, становились жертвой двух больших стрел поставленных самострелов»⁴.

Такая охота велась в основном осенью. В конце февраля и в марте на копытных охотились «по насту». Задачей охотника было согнать зверя с протоптанной за зиму тропы и гнать их по насту, который держит охотников на лыжах и собак, но не держит оленей и лосей; проваливаясь в снег, животные скоро становились добычей. Обычно охота «по насту» была коллективной. Постепенно на смену копыю или луку пришло ружье, но принцип использования «предательского» для копытных зверей наста остался⁵. Зимой лосей и оленей «скрадывали» на несслышных «подволосных лыжах». Летом, в комариную пору, били у ручьев и речек, часто с лодок. Медведей обычно «упромышляли» артелью в берлоге. Нашедший берлогу получал шкуру, а мясо делилось между всеми участниками.

Из дичи наибольшее промысловое значение имели водоплавающие (утки, гуси, лебеди) и лесные птицы (глухари, тетерева, рябчики). Добытая птица шла исключительно на «домашнее потребление». Охота на птиц была сезонной. На уток охотились весной, вскоре после прилета, перевесом, в лето, в июле, сентябрь и при помощи собак. Гусей и лебедей били весной и осенью. Лесных птиц промышляли с середины августа до первого снега слопцами и «ямами». Зимой ловили только куропаток сетями и пленками.

Следует отметить, что в «доружейный период» наиболее рас-

пространенными орудиями охоты были лук со стрелами и копье. Каждый тип стрел был приспособлен для охоты за определенным зверем. Например, у салымских остяков стрелы для охоты на медведя были снабжены железным треугольным наконечником; при охоте на выдру употребляли наконечник с зубцом на острие и колечком внизу; стрелы для уток имели наконечник с развилкой; стрелы для белок были с тупым костяным или деревянным наконечником⁶.

После присоединения Западной Сибири к России среди абригенов стало распространяться огнестрельное оружие, которое хотя и не вытеснило полностью, но значительно сократило применение копья и лука со стрелами⁷.

Следует отметить, что исключительно важную роль в охотничьем промысле хантов играла собака. Охотничьих собак держали повсеместно. Каждая собака обучалась ходить за каким-либо определенным видом зверя. Собаки, которые могли ловить разных зверей, были редкостью и ценились очень высоко.

На «звериные промыслы» ханты ходили 3 раза в году: осенью, с октября по декабрь, причем в дальние угодья «промышленники» отправлялись еще в сентябре по воде, на лодках, и вторично на лыжах, с января по март; в третий же раз ходили на лыжах во второй половине марта и возвращались на лодках после ледохода⁸. Те охотники, которые промышляли недалеко от селений, приходили домой раз в одну или две недели.

Охотничий промысел организовывался на артельных началах. В одиночку промышляли лишь в непосредственной близости от селений. Для «дальних промыслов» несколько промысловиков объединялись («складывались») в одну артель с последующим делением добычи. Охотничьи артели состояли из 3—5 чел. В них могли входить не только ханты, но и русские. Отправляясь на звериный промысел, охотник брал с собой самое необходимое — 2—3-недельный запас муки, «порсы», рыбьего жира, сухой рыбы и чая. Продукты и охотничье снаряжение грузилось на нарты, которые везла собака. Во время же самого промысла собака исполняла роль ищейки⁹. Хотя «звериная ловля» считалась занятием взрослых мужчин, в промысле могли принимать участие и другие члены семьи. Нередко на охоту брали детей-подростков, которые помогали отцу. Если промысел был неудачен, то охотники уходили в дальние урманы (леса). Потребление продуктов охоты на крупных копытных (мясо и шкуры) было преимущественно натуральным. Промысел соболя, белки, лисицы, горностая, россомахи велся с целью получения пушнины для уплаты ясака, а также для обмена и торговли.

На протяжении XVIII—XIX вв. традиционные способы ловли зверей менялись незначительно. Под влиянием русского населе-

ния ханты стали широко использовать покупные капканы, огнестрельное оружие, что повышало продуктивность промысла.

По данным А. А. Силантьева, в среднем один охотник добывал белок 100—200 штук, а в удачный год — 300—400; лосей — 4—6 или даже 12—16 голов в год; зайцев — до 200, иногда — 300—400 штук. Соболей в «наилучших соболиных урманах» (по Конде, Демьянке, местами по Иртышу) на долю одного охотника приходилось по 3—7 штук в год¹⁰.

Таблица 2

Добыча зверей южными хантами в первой половине XIX в.
(по материалам II ясачной комиссии 1828—1831 гг.)

Волость	Соболь	Лисица-сиводушка	Лисица-белодушка	Горностай	Белка	Заяц	Росомаха	Выдра	Бурундук	Медведь	Лось	Олень	Всего
Тургасская	30	—	—	—	4000	—	—	—	—	—	—	—	4030
	20	—	—	—	2000	—	—	—	—	—	—	—	2020
Назымская	82	—	—	—	3270	—	—	—	—	—	—	—	3352
	27	—	—	—	1350	—	—	—	—	—	—	—	1377
Тарханская	182	—	3	—	2660	100	—	—	—	48	38	—	3031
	118	—	1	—	2045	70	—	—	—	18	14	—	2266
Нарымская	134	—	13	—	2700	320	—	—	—	12	14	—	3193
	162	—	7	—	1435	160	—	—	—	5	7	—	1676
Темлячевская	39	—	31	445	1660	—	—	—	—	—	—	72	2247
	16	—	12	160	840	—	—	—	—	—	—	28	1056
Верх-Демьянская	280	—	—	—	6420	—	—	—	—	26	29	—	6755
	159	—	—	—	3430	—	—	—	—	12	16	—	3621
Меньше-Кондинская	58	—	49	—	4060	—	—	—	—	32	90	—	4289
	26	—	23	—	1895	—	—	—	—	14	39	—	1997
Селиярская	—	5	25	170	—	—	—	—	—	—	—	—	200
	—	2	18	80	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Салымская	90	4	30	—	2860	—	—	—	2000	—	16	—	5000
	50	2	20	—	2420	—	—	—	1000	—	8	—	3500
Кодские городки	400	50	200	2000	20000	1000	20	20	—	10	80	220	24000
	250	30	150	800	8000	600	10	15	—	5	40	100	10000

Примечание. В числителе — добыча зверей в хороший год, в знаменателе — в плохой год.

По данным II ясачной комиссии, в начале XIX в. аборигенами Нижнего Прииртышья добывалось в год от 27 673 до 56 107 штук зверя¹¹. О соотношении различных видов промысловых зверей

можно судить по данным таблицы 2. Следует отметить, что более ранний период размеры добычи, очевидно, могли быть больше. Соотношение видов добываемых животных также менялось с течением времени. По мнению М. Ф. Косарева, в I — начале II тыс. н. э. население лесной зоны Зауралья и Западной Сибири охотилось в основном на крупных копытных животных. Важной была охота на водоплавающих птиц и боровую дичь. Некоторое количество мехов добывалось для отделки одежды, обмена или выплаты дани¹². Начиная с XVII в., охотничий промысел народов Сибири в значительной мере определялся добычей пушнины для уплаты ясака и на продажу. Пушные звери, охота за которыми раньше велась в минимальном размере, приобрели особое значение, стал развиваться их интенсивный промысел. Пушной охотничий промысел стал товарным, приобрел новую социальную роль¹³.

На протяжении XVIII в. количество пушных зверей в Западной Сибири сильно сократилось: II ясачная комиссия констатировала, что «прежде звероловство было у них богато, судя по неизменным пространствам лесов, а ныне леса сии во многих местах выгорели, и именно такие, где были главные промыслы»¹⁴. Пушные запасы истощались и вследствие хищнического истребления животных. Об упадке «звериной промышленности» хантов писали авторы XIX в. Если в XVII — первой половине XVIII вв. была широко распространена охота на ценных пушных зверей (соболь, бобр, лис), то в последующий период ценных пород зверей стало значительно меньше, что заставило аборигенов охотиться на малоценных зверей. Во второй половине XIX в. «наибольший и наивернейший доход ловцам доставляла белка»¹⁵.

Следует отметить, что правительство всячески стремилось сохранить пушной промысел аборигенов Сибири и принимало неоднократные меры по закреплению угодий за коренными жителями края. Специальными указами 1764 и 1827 гг. «инородцам» разрешалось вести круглый год охоту на зверей и птиц, хотя русским запрещалось делать это с 1 марта до Петрова дня (12 июля)¹⁶.

На охотничий промысел южных хантов, как и всех аборигенов Сибири, большое влияние оказывала ясачная политика царизма, ибо значительная часть добываемой пушнины предназначалась для уплаты ясака. О ясачной практике в Сибири существует довольно обширная литература¹⁷. В исследованиях историков отмечается, что взимание дани в форме ясака досталось русским от прежних времен Сибирского ханства. Уже с начала XVII в. ясак стал особой формой эксплуатации коренных народов Сибири. Он превратился в феодальную ренту-налог, взимаемую

с податного населения натуральной продукцией или ее денежным эквивалентом.

Ясачная подать была небольшой. Как справедливо заметила Н. А. Миненко, «местные воеводы, устанавливающие первоначальное ясачное оклады, учитывали беспокойный характер подведомственного коренного населения. Опасаясь его «шатоши», возможных недоимок, за которые Москва сурово наказывала воевод, они и наложили на ясачных минимальные оклады. Последнее создавало также благоприятные условия для собственного обогащения местных управителей и ясачных сборщиков»¹⁸ Размер ясака выражался определенной суммой денег, хотя взимался он «мягкой рухлядью» — «и лисицами, и бобрами, и белкою, и горностаями, и шубами, вчитаячи в соболей место»¹⁹

Архивные данные показывают, что ясачный оклад и общая сумма сбора по волостям южных хантов были подвержены резким колебаниям. Ниже всех были обложены «инородцы» Кондинской волости, поскольку другие «обладают лучшими звероловными местами и главными рыбными промыслами, причем как сбыт произведений их, так и покупка хлеба и прочих жизненных потребностей всегда легче и удобнее производима быть может»²⁰ Устанавливался денежный размер ясака с каждого окладного лица, различающийся по волостям. Ясак соболями должны были вносить остяки волостей (в штуках) Туртасской — 19, Назымской — 20, Верх-Демьянской — 40, Нарымской и Тарханской — 40, Меньше-Кондинской — 10 и Салымской — 20. Лисицы-белодушки были внесены в реестр ясачных сборов волостей Меньше-Кондинской — 15 штук, Темлячевской — 10, Салымской — 10 и Селиярской — 8; белки — волостей Назымской — 1000 штук, Нарымской и Тарханской — 500, Верх-Демьянской — 400 и Меньше-Кондинской — 400. Всего прииртышские ханты должны были вносить ежегодно 149 соболей, 43 лисицы-белодушки и 2300 белок²¹

Данные таблицы 3 позволяют сравнить размеры ясачного обложения, утвержденные I (1763 г.) и II (1828 г.) ясачными комиссиями. Подать возросла к 1828 г. по сравнению с 1763 г. за исключением волостей Туртасской и Темлячевской. Из таблицы видно, что большая часть податей выплачивалась пушниной, преимущественно соболями, лисицами, белками. Приемные цены были установлены с учетом торговых цен: соболь I сорта с целыми лапами и хвостом оценивался в 15 руб., соболь II сорта с целыми лапами и хвостом — в 10, лисица-сиводушка — в 20, лисица-белодушка — в 10 руб., белка — в 25 коп.²²

Помимо ясака, аборигены Нижнего Прииртышья, относящиеся к «кочевым инородцам», облагались земской и волостной повинностями, а население, жившее по берегам крупных рек, постоянно использовалось для подводной гоньбы и «поправки» мостов.

Ясачное обложение южных хантов по II ясачной реформе (1828—1831 гг.)

Волость	Уплачивали подати по I ясачной реформе (1763 г.) зверями и деньгами на сумму		Полагалось собирать (на сумму)								
			зверями		деньгами				в том числе с каждого окладного лица		
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	
Туртасская	223	30	200	16,5	7	83,5	208	—	8	—	—
Назымская	304	50	465	70	80	30	546	—	7	—	—
Тарханская	432	10	548	90	1565	10	2114	—	7	—	—
Нарымская	371	20									
Темлячевская	391	50	120	—	260	—	380	—	5	—	—
Верх-Демьянская	316	10	523	40	8	60	532	—	7	—	—
Меньше-Кондинская	120	99	387	35	4	65	392	—	3	—	—
Селиярская	62	16	80	—	7	50	87	50	3	—	—
Салымская	159	84	300	—	4	50	304	50	3	—	—
Кодские городки	1228	15	1650	—	430	—	2080	—	2	50	—
Всего:	3609	84	4275	51,5	2368	48,5	6644	—	—	—	—

На протяжении XIX в. натуральный ясак постепенно уступал место денежному, что было связано с растущей товаризацией хозяйства аборигенов. Многие ханты платили ясак деньгами, вырубленными от продажи пушнины, рыбы или других продуктов натурального хозяйства.

Известно, что пушной промысел аборигенов Сибири не сводился только к ясачному. Свободный обмен и торговля мехами имели давние традиции в крае. Строгановская летопись сообщает, что «костяки и вогуличи привожаху... запасы от зверей и от птиц и от рыб и от скот велми множество... и от товаров драгих и от всяких мяхкие рухляди. Тогда московские людие и казацы... всякими брашна изобилны быша и богатство себе приобретают множества и от товаров драгих и от всякие мяхкие рухляди»²³

Следует отметить, что в XVII—XVIII вв. правительство всячески оберегало интересы казны от конкуренции частной торговли, которая была сильно стеснена ограничительными мерами. В Сибири купцам было дозволено торговать непосредственно в «юртах инородцев», но только после ясачного сбора и с условием отдавать в казну лучшие шкурки. При Алексее Михайловиче купцы не имели права продавать меха высокого достоинства свыше 20 руб. за пару и 300 руб. за сотню по московской цене. Запрещалась торговля некоторыми видами ценных пушных зверей²⁴. Однако правительственные ограничения не могли воспрепят-

ствовать частной торговле. Практически проследить за выполнением всех предписаний было невозможно, так как на выгодной торговле «мягкой рухлядью» наживались все: от казаков и сборщиков ясака до самих воевод, которые, получая от торговых людей крупные взятки («подарки»), закрывали глаза на запрещенную торговлю²⁵

К концу XVIII в. царское правительство отказалось от политики ограничения частной торговли. Правительство перестало вмешиваться в торговые дела частных лиц, оставив за собой лишь право взимания ясака с коренных народов Сибири. Юридически свободная торговля с «инородцами» была закреплена «Уставом» 1822 г. (§ 46—48).

А. А. Силантьев дал подробное описание системы торговой эксплуатации аборигенов Сибири, которая основывалась на меновой торговле и произвольных ценах на пушнину и товары. «Вся Сибирь покрылась сетью микроскопических, по сравнению с ее общим пространством, участков, в пределах каждого из которых всеильно властвует кулак-скупщик на полных правах монополиста, высасывающий все соки из несчастных звероловов»,²⁶ — писал он.

В XIX в. торговля ясачного населения мехами имела значительные размеры. На вырученные деньги приобреталось необходимое снаряжение, утварь, огнестрельное оружие, предметы питания. В Северо-Западной Сибири торговля с аборигенными жителями велась следующими способами: 1) разъездами с товарами по селениям аборигенов, 2) «торговлей всеми товарами и жизненными продуктами на известных пунктах русской оседлости по рекам и заведением богатыми промышленниками рода факторий», 3) на местных ярмарках²⁷

Одно из описаний 80-х годов XIX в. дает представление о хищническом и варварском характере торговли на ярмарках. «Ко времени ярмарок инородцы останавливаются, не доезжая нескольких (иногда десятков) верст до места, на кочевках, с которых поодиночке и группами являются к своим знакомым торговцам («дружкам»), которые их угощают любыми кушаньями и водкой. За этими угощениями ведутся посторонние разговоры о различных предметах, ничего общего со специальными интересами обеих сторон не имеющих; хотя обыкновенно торговец жалуется, что европейские товары стали дороги, а пушнина и рыба дешевы, «гость» — что зверь и рыба плохо добываются и т. д. Так повторяется в течение нескольких дней. Все эти действия происходят в домах и ничто на улицах не дает понятия о ярмарке. Наконец, наступает решительный день, — обыкновенно к вечеру, инородцы съезжают на двор к «дружку» уже с товаром, ворота закрываются наглухо, происходит последнее угощение и затем мена товаров.

Результат получается тот же, что и при всякой торговле с инородцами: прием от них товаров по непомерно дешевым и выдача им своих предметов по непомерно высоким ценам, а также увеличение долга инородцев в счет будущей добычи²⁸.

Товарные отношения в значительной степени послужили базой для новой ориентации хозяйства южных хантов. Если потребительская охота стимулировалась внутренними нуждами населения и обеспечивала потребности людей в мясной пище, в материале для изготовления одежды, домашней утвари и т. д., то товарная охота сводилась преимущественно к пушному промыслу. Последний, став одной из важнейших статей в доходе коренного населения, втягивая хантов в орбиту товарно-денежных отношений, способствовал разрушению старого традиционного хозяйственного уклада.

Итак, охотничий промысел играл большую роль в жизни коренного населения Нижнего Прииртышья, обеспечивая как потребности хантов в мясе, меховой одежде, так и податные обязательства перед государственной казной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки общей этнографии. М., 1960. С. 296.

² ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 212.

³ **Силантьев А. А.** Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.

⁴ **Дунин-Горкавич А. А.** Север Тобольской губернии//ЕТГМ. 1897. Вып. 8. С. 78—83.

⁵ **Третьяков П. Н.** Первобытная охота в Северной Азии//ИГАИМК, 1935. Вып. 106. С. 258.

⁶ **Шульц Л. Р.** Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков)//Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 85.

⁷ В обзоре охоты использованы работы: **Поляков И. С.** Письма и отчеты о путешествии в долину Оби//Записки Академии наук. СПб., 1877. Т. 30. Кн. 1; **Патканов С. К.** По Демьянке (бытовой и экономический очерк)//Записки ЗСОРГО. 1894. Кн. 16. Вып. II—III; **Дунин-Горкавич А. А.** Север Тобольской губернии; **Силантьев А. А.** Обзор промысловых охот в России; **Городков Б. Н.** Поездка в Салымский край//ЕТГМ. 1911. Вып. 21.; **Шульц Л. Р.** Салымские остяки; **Павлов П. Н.** Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

⁸ **Силантьев А. А.** Обзор промысловых охот... С. 299.

⁹ **Поляков И. С.** Письма и отчеты... С. 23.

¹⁰ **Силантьев А. А.** Обзор промысловых охот... С. 300.

¹¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 220—221, 248.

¹² **Косарев М. Ф.** К истории взаимоотношений человека и природы в Западной Сибири (по материалам археологических исследований)//Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.; 1981. С. 132.

¹³ **Третьяков П. Н.** Первобытная охота... С. 222.

¹⁴ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 406.

¹⁵ **Дунин-Горкавич А. А.** Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 149.

¹⁶ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 524, л. 216.

¹⁷ **Шуников В. И.** Ясячные люди в Западной Сибири в XVII в.//Северная

Азия) 1930. № 3—4; Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в.//Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2; Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири//Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1969. Вып. 1; Миненко Н. А. Ясак на Тобольском Севере в XVIII веке//Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975; Емельянов Н. Ф. Ясак и национальная политика царизма в феодальную эпоху (по материалам Среднего Приобья)//История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

¹⁸ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 232.

¹⁹ Акты исторические. Т. 1. С. 10—11.

²⁰ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 275, л. 205.

²¹ Там же, л. 222—223.

²² Там же, л. 22, 223, 249.

²³ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 33;

²⁴ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII вв. СПб., 1862. С. 290.

²⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 227.

²⁶ Силантьев А. А. Указ. соч. С. 478—479.

²⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 71, д. 150, л. 4 об.

²⁸ Там же. л. 5 об.

Е. В. ПЕРЕВАЛОВА

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ХАНТОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Формой взаимоотношений в производстве у хантов в XIX — начале XX вв. выступало *хозяйственное объединение* (ХО) — коллектив людей, необходимый для осуществления конкретного хозяйственного цикла. ХО непосредственно связано с *хозяйственным комплексом* (ХК) — совокупностью занятий, обеспечивающих производственно-потребительский цикл определенной группы населения¹.

На рубеже XIX—XX вв. у хантов существовало *два относительно самостоятельных ХК*. Первый — *глубинно-таежный*, распространенный по среднему и верхнему течениям притоков Оби и Иртыша, включавший в себя таежное запорно-сетевое рыболовство, промысел Оленя и лося путем весеннего загона по насту, летнего «торможения», применения небольших засек, охоту на пушного зверя

активными и пассивными средствами, круглогодичный лов дичи и мелкого зверя и таежное оленеводство. Второй — *приречно-таежный*, характерный для хантов Нижней и Средней Оби, состоящий из таежного неводно-запорного рыболовства, охоты на оленя и лося с помощью засек и загонем по насту, пушного промысла, таежного оленеводства, элементов животноводства и товарного собирательства²

В соответствии с названными ХК у таежных хантов применительно к рассматриваемому периоду существовало и *два типа ХО*, каждый из которых имел определенную структуру и характерные признаки³.

Основным звеном *глубинно-таежного ХО* выступал коллектив двух-трех семей, усилий которого было достаточно для осуществления годового хозяйственного цикла, включавшего запорно-сетевое рыболовство, охоту на дикого оленя и лося, пушной промысел и таежное оленеводство. В состав ХО этого типа входили различные сезонно образуемые охотничье-промысловые группы. Осенью ханты проживали в поселениях из одной-двух изб («сус корт»). В сентябре (ай хор нарыксы тылыс — «маленькие быки шкуру с рогов снимают») они занимались сбором ягод, индивидуальной охотой на лося и оленя с собакой и с помощью самострелов («егат»), добычей боровой дичи слопцами и петлями. В октябре для промысла оленя и лося строились изгороди («ось») — от 1—2 до 10 км — силами 1—2 охотников. Напарник по охоте назывался «порс», добыча участниками промысла делилась поровну. Тогда же начиналась индивидуальная охота на белку и соболя с помощью собаки в близлежащих угодьях. Не случайно этот месяц именуется в календаре хантов «сус вен-якты венли» — «месяц охоты пешком».

В период интенсивной пушной охоты с ноября (ай ирко тылыс — «начала зимы месяц») ханты проживали в зимних стационарных поселениях «талъ корт» (одна-две избушки). В этот период создавались небольшие объединения охотников («аркасы» — «много человек вместе») из 5—6 чел., совместно выезжавших в отдаленные места промыслов. Главным в таком коллективе был наиболее опытный промысловик «ике». В состав этих коллективов на определенных условиях с разрешения вотчинников могли включаться отдельные хозяйства, относящиеся к приречно-таежному типу. В январе, с замором рек, часть участников «аркасы» на 5—6 дней возвращалась на места зимних поселений для установки зимних заповор («талъ пон»). Сам же запорный подледный лов рыбы проводился женщинами, стариками и детьми, и носил индивидуальный характер. Следует отметить, что вопросы, связанные с передвижением, посещением в декабре ярмарки, оказанием помощи участникам «аркасы» решались сообща («мыр

кель» — «народным словом»), сама же добыча пушнины проводилась каждым охотником индивидуально.

Оленные остяки осуществляли пушной промысел непосредственно на местах зимних поселений («тутых корт» — «зимняя избушка с оленями» — 1—2 избушки), где поселялись вместе с семьями в октябре. Кроме пушнодобычи, они занимались зимним заповрным рыболовством, промыслом дикого оленя и лося, параллельно осуществляя выпас домашних оленей. В декабре-феврале оленные ханты по 2 чел. на лыжах или нартах отправлялись в дальние места промыслов, проверяя по пути капканы и периодически возвращаясь к зимнему поселению. Высокая продуктивность пушнодобычи обеспечивалась достаточным количеством транспортных оленей.

В отличие от пушного промысла охота на дикого оленя, лося и медведя в зимне-весенний период предполагала создание более крупных объединений, формирующихся из охотников близлежащих стойбищ. Так, зимой в ветренную погоду практиковалась охота на дикого оленя «скрадьванием», требовавшая участия 3—4 чел., т. е. создавался временный коллектив — «сур л'омиты». Промысел медведя в берлоге обычно осуществлялся коллективом из 3—4 охотников — «моми кохат мытьхат». Старшим в этих случаях признавался нашедший группу оленей или берлогу медведя — «козя хо» («хозяин-мужик»), получавший большую часть добычи (мясо, шкуры и т. д.). Сбор большого числа охотников (5—8 чел.) происходил ранней весной (март-апрель) на время загона оленей на лыжах (редко нартах) по насту. Такой коллектив назывался «вэнли яхан веняга» (р. Назым) или «ай мир похлакун-тат» (р. Казым), в дословном переводе — «много человек вместе охотятся». Руководство промыслом осуществлял наиболее опытный промысловик — «вэнгоят».

С наступлением весны прекращался подледный лов рыбы, завершалась пушная охота. В начале апреля («урки тылыс» — «месяц ворон»), пока еще не сошел снег, ханты переходили на весенние стоянки («тавум корт») — 1—2 чума, расположенные на открытых местах, где был возможен выпас оленей в «голодное» время. На ноги оленям надевали «башмаки»-колодки («кат-юх»), которые снимали лишь в июне, после чего оленей содержали в изгородах.

Безоленные остяки проводили весенний период у ключей («товкорт» — «весенняя стоянка у ключей»). С мая («л'ол'т васых тылыс» — «гуси, утки прилетают»), при вскрытии рек ханты переселялись в летнее стационарное поселение («сёдом корт») — 1—2 избушки, находившиеся у реки или озера, где начинался промысел рыбы сетями в сорах и курьях, шла заготовка жалья для запоров. В конце мая проходила 10—15-дневная охота на

перелетную водоплавающую дичь сетями («ходой») и перевесами («пил'г») в одиночку или небольшими группами из 2—3 чел.

Лето начиналось с периода «коим тылыс» — «рыба на нерест идет». Поскольку массовый лов рыбы и уход за оленями (май — отел, июнь-август — «комарное» время) совпадали по времени и требовали разделения труда, 2—3 семьи объединяли своих оленей, возлагая уход за ними на одного пастуха (одну семью) или окарауливали оленей поочередно. Остальные в это время занимались рыболовством.

В летний период ХО глубинно-таежного типа подразделялось на 3 подгруппы, 1-я подгруппа *рыболовов* — «кульчинчи ях», все лето проводила на побережье Оби, включаясь по договоренности в состав приречно-таежных ХО.

С наступлением «варовой» поры (июль-август) выделялась подгруппа *раболовов-охотников* — «тоот тахты менли», уходившая в низовье крупных рек на период установки большого запора («вара») и поручавшая своих оленей соседям-оленеводам. В состав этой подгруппы мог включаться любой желающий. Поселение на месте раболовного промысла в варовую пору («сун корт») объединяло от 10 до 20 семей. На Казыме большой запор, содержавший до 40 ловушек, устанавливался коллективно («тоот тахты менли»), на каждого участника приходилось по 1—2 морды («пуэн»). Проверка ловушек всеми участниками лова происходила одновременно, добытая рыба делилась пропорционально числу рыбаков на запоре. Иной вариант облова большого запора практиковался на р. Назым, когда каждая семья облавливала свой участок «вара». Старшим в коллективе раболовов считался наиболее опытный промысловик, определявший время проверки морд-ловушек, время снятия вара, не имевший, однако, никаких привилегий при разделе улова. После снятия вара (август) коллектив распадался, члены его расходились по своим маленьким речкам, где вместе с оленеводами продолжали промысел рыбы малыми запорами и сетями.

3-я подгруппа включала *таежных оленеводов*, выпасавших оленей не только своих, но и двух других подгрупп в течение всего лета. Расчет с оленеводами за выпас стада производился рыбой, иногда деньгами. Оленеводы участвовали в летнем рыболовном промысле на небольших реках малыми запорами («пос») и сетями, промыслили дикого оленя и лося с помощью засек и самострелов. Летние оленеводческие поселения на болотах носили названия «сенг пур».

Осенью, после возвращения рыбаков с Оби, ХО глубинно-таежного типа переформировывалось на коллективы из одной-двух семей, осуществлявших индивидуальный выпас оленей, засечный промысел оленя и лося.

Ядром ХО *приречно-таежного* типа была артель — «тух тыты ех» («неводная рыбалка»), формировавшаяся на период летнего неводного рыболовства. Хантыйское приречно-таежное население еще до вскрытия рек переезжало из мест зимнего проживания в летние поселения, расположенные по берегам крупных рек. В состав таких артелей на время весеннего и летнего хода рыбы с разрешения местных хантов-вотчинников включались ханты глубинно-таежного ХК. Поселение, состоящее из нескольких «тух тыты ех», именовалось так же, как и поселение рыболовов на большом запоре — «сун корт». Создание больших юрт-стойбищ, объединявших 5—10 и более хозяйств в низовьях крупных рек, обуславливалось влиянием русского предпринимательства, обеспечивавшего оснащение промысла инвентарем и скупку продукции, экологическими причинами (богатством рыбоугодий), а также потребностью в контактах и взаимопомощи.

У таежных хантов артель «тух тыты ех» существовала в нескольких вариантах:

1. Артель равноправных пайщиков, где объединялись несколько хозяйств (5—6) и составляли один общий невод. Каждый участник вносил свой «пай» (от 20 до 40 м). Рыба делилась соответственно внесенному «паю» невода. Башлык (наиболее опытный промысловик) осуществлял руководство артелью и получал дополнительный «пай» за организацию лова.

2. Артель неравноправных пайщиков, где одно хозяйство, имевшее лодку и снасти, брало себе в пайщики еще 2—3 хозяйства для совместной добычи рыбы. Руководство промыслом в данном случае осуществлял «козя хо» — хозяин промысла. Добытая рыба делилась на «пай» по числу участников коллектива, хозяин кроме «пая» за участие в промысле, получал дополнительно «пай» за лодку и «пай» за снасти.

3. Небольшая семейная артель, объединявшая 2—3 семьи обычно родственные, опромышлявшие воды общего пользования небольшими неводами (30—70 м) поочередно.

Если промысел рыбы проводился совместно (в рамках артели), то переработка осуществлялась каждой семьей отдельно. Большая часть рыбы шла на продажу, часть — на расчет с оленеводами за выпас оленей, часть — заготавливалась впрок. Состав промысловых коллективов типа «тух тыты ех» не был стабильным, он нередко обновлялся благодаря взаимному «перетоку» населения (переходу от глубинно-таежного типа ХК к приречно-таежному и наоборот).

В зимнее полугодие приречно-таежные ханты больше, чем глубинно-таежные, уделяли внимание подледному рыболовству, промыслу боровой дичи. Индивидуальная охота на пушного зверя и промысел рыбы малыми запорами не требовали коопе-

рации труда, поэтому в зимний период рыболовные артели («тух тыты ех») распадались на группы из 1—2 семей. В зимнем стационарном поселении («талъкорт») проживало до 10 и более семей. Интегрирующим фактором являлась близость русских факторий, потребность в контактах и взаимопомощи.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. хантыйские семьи входили в различные социально-производственные образования — сезонно варьирующие по составу и численности коллективы охотников («аркасы», «сур л'омиты», «венли яхан вэняга» и др.) и рыболовов («тоот тахты менли», «тух тыты ех» и др.). ХО, состоявшие из нескольких семей, характеризовались общностью использования угодий, совместным трудом или распределением продуктов. Обладая определенной экономической самостоятельностью, семья вступала в территориально-хозяйственное взаимоотношение с 10—20 другими семьями и могла участвовать в различных по форме ХО. Например, на различных этапах хозяйственного цикла семья, входившая в ХО глубинно-таежного типа, могла быть связана с семьями того же ХО в ходе летнего окарауливания объединенного стада, охоты на дикого оленя, лося, медведя и водоплавающую дичь, установки и облова запора, а с приречно-таежными хозяйствами — обменом продукции пушного промысла и оленеводства на продукцию рыболовства, обеспечением выпаса переданных на летнее содержание оленей, соучастием в пушном промысле в составе «аркасы» и летнем неводном промысле.

Говоря о характерных признаках вышеописанных ХО, необходимо отметить, что, будучи дислокальным, ХО глубинно-таежного типа по составу было *более стабильно*, чем ХО приречно-таежного типа, что предопределялось большей «натуральностью» его хозяйственного комплекса. Промысловые коллективы, входившие в ХО глубинно-таежного типа, формировались из родственников по мужской и женской линии. Как правило, у глубинно-таежных хантов транспортное оленеводство было более развито, чем объяснялась их большая сезонная мобильность, способствующая расширению внешних связей глубинно-таежных ХО. С другой стороны, существование традиционного пользования промысловыми угодьями, объединение личных оленей в общее стадо на лето способствовали упрочению внутренних связей в рамках данного ХО.

ХО приречно-таежного типа были в большей степени связаны с русской рыбопромышленностью, вследствие чего состав их был менее устойчив. Среди них реже встречаются объединения, образованные по принципу родства, по численности они значительно превосходят ХО глубинно-таежного типа, так как уровень устойчивости ХО глубинно-таежного типа определялся прежде все-

го промысловыми нуждами, приречно-таежного — степенью влияния русского предпринимательства (оснащенностью промысла инвентарем, организацией неводных артелей и т. д.), а также причинами экологического характера (продуктивность рыбоугодий).

Существование в таежной зоне ХК и ХО различных типов предполагало не только их относительную самостоятельность, но и взаимосвязь, которая определялась: 1) сезонным перетоком населения (в зимний период в коллектив охотников на пушного зверя глубинно-таежного типа могли временно входить приречно-таежные семьи; в летнее время часть хозяйств глубинно-таежного типа занималась летним неводным рыболовством в составе приречно-таежных промысловых групп); 2) миграциями (приобретение оленей, например, способствовало переселению в глубинно-таежные районы и наоборот — разорение оленеводов часто приводило к переселению их в низовья рек); 3) торгово-обменными контактами между ХО различных типов (за выпас поголовья оленей подгруппа пастухов-олeneводов приречно-таежного типа ХО получала рыбу от представителей других подгрупп ХО; на оленей и пушнину глубинно-таежное население обменивало рыбу у приречно-таежных рыболовов).

Важным фактором формирования ХО были традиционные нормы землепользования. Одной из особенностей отношений собственности у народов Севера Б. О. Долгих считает отсутствие у большинства из них частной собственности на землю (территорию)⁴ В ряде литературных источников приводится материал о существовании у хантов «родовой» собственности на промысловые территории⁵ Некоторыми авторами отмечается, что для периода XIX—XX вв. характерна тенденция закрепления промысловых угодий за отдельными семьями⁶. По мнению И. С. Гурвича, допустимо говорить о наличии собственности на промысловые угодья целого поселка⁷

В конце XIX — начале XX вв. у ряда групп таежных хантов (казымских, назымских, тромаганских, пимских и ваховских) охотничьи угодья делились между семьями. В пределах таких семейных вотчин добыча пушного зверя «чужаками» не допускалась, мясная охота разрешалась, но только с согласия вотчинника. У ваховских, александровских, юганских и демьянских хантов сохранялось традиционное свободное пользование охотничьими угодьями, именно здесь широко практиковался совместный выезд на места промыслов коллективов охотников «аркасы». Например, большеюганские, а часто и васюганские ханты ходили промыслять зверя на р. Демьянку, в свою очередь демьянские ханты летний период проводили на берегах р. Юган, промысляя рыбу совместно с местными хантами, т. е. существовал своеобразный «обмен промысловыми территориями».

Существование двух форм собственности на охотничьи угодья — традиционного свободного пользования и семейного владения — можно объяснить демографическими (плотностью заселения, наличием русских поселений) и экономическими (продуктивностью промысла на данной площади) причинами.

Рыболовные угодья хантов постепенно, в связи с развитием товарно-денежных отношений переходят во владение одной или нескольких семей. Особенно быстро оформляется собственность (в юридическом смысле) на наиболее богатые рыболовные угодья (неводные пески) у хантов приречно-таежного ХК, причем для этой группы хантов характерно закрепление рыболовных участков за поселком-юртом, реже — за отдельными семьями. У хантов глубинно-таежного ХК небольшие реки (особенно реки с озерами) находились в пользовании отдельных семей или группы родственных семей. Кроме того, сохранялись места традиционного пользования — сооружения больших запоров (р. Назым, Юган), в опромыслении которых мог принять участие любой желающий.

Промысловые угодья (рыболовные, охотничьи), находящиеся во владении отдельных семей, поселка-юрта назывались «мамыл'ам» — «моя земля» или «юкон» — «место по деду». Границы этих территорий были хорошо известны соседям и строго соблюдались, вторжение на чужую территорию без разрешения преследовалось по нормам обычного права. Владельцем угодья считался тот, кто первым его освоил. На границах промысловых территорий устанавливалась тамга — «еш-пос» («рука-знак»). Границы семейных и поселковых угодий не соблюдались при сборе ягод, бересты, ореха и пр., что шло на собственное потребление, а не на продажу. Исключение составляли лишь те районы, где заготовка ягод, ореха имела товарный характер.

Промысловые угодья наследовались сыновьями: при выделе старших сыновей отец отдавал им часть своих угодий или искал свободные территории, иногда сыновья продолжали осваивать отцовские угодья совместно. В рамках поселка-юрта проводился передел владений.

Существовали определенные нормы и при распределении добычи среди членов ХО. Продукция мясной охоты считалась достоянием всего коллектива (будь то «засечный» способ охоты, где участвовало 2 чел. или загонный, требовавший объединения 5—8 охотников) и делилась между всеми участниками промысла поровну. На пушнину существовало индивидуальное право собственности: все добытое принадлежало охотнику, даже если охота проводилась коллективно («аркасы»). Совместный запорный промысел рыбы предполагал равное распределение — пропорциональное числу участников количество установленных в запоре ловушек и их одновременную проверку. Наиболее продуктивные способы лова

(неводьба) предусматривали распределение по «паям» соответственно внесенной доле инвентаря при организации промысла.

Говоря о соотношении ХО и форм собственности необходимо отметить, что собственность на промысловые угодья являлась первичным институтом по отношению к ХО, определяла его структуру, численность, устойчивость. К примеру, на территории, где сохранялось традиционное пользование промысловыми угодьями, действовали различные сезонные производственные объединения: коллектив охотников на пушного зверя («аркасы»), группа рыболовов на большом запоре («тоот тахты менли»), группа охотников на оленя по насту. Распределение продукции промыслов в таких коллективах, опромышлявших «свободные» территории, проводилось уравнительно. В связи с индивидуализацией пушного промысла и появлением собственности на рыболовные угодья отдельных семей и поселков-юрт возникают и новые формы ХО. Так, неводная артель «тух тыты ех» образуется из лиц, имеющих право пользования данным промысловым угодьем, а «чужие» принимались в артель лишь за определенную плату. Без согласия вотчинников в этих местах не разрешалось проводить облавную охоту на дикого оленя и лося, промысел медведя и т. д., только с позволения вотчинника могли создаваться коллективы «сур л'омиты», «ай мир похлакунтат». Уравнительное распределение в этом случае отсутствовало.

Для ХО глубинно-таежного типа была характерна семейная собственность на промысловые угодья, для ХО приречно-таежного типа — поселковая. Изменение традиционного свободного пользования в значительной мере зависело от степени влияния русского предпринимательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Головнев А. В. Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX — начале XX вв.//Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 180.

² Головнев А. В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири [XVII — начале XX вв.]: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1986. С. 11—12.

³ В статье использованы полевые материалы, собранные среди демьянских, юганских, назымских, казымских, пимских и тромаганских хантов этнографической экспедицией Тобольского педагогического института в 1984—1986 гг.

⁴ См.: Долгих Б. О. Типы отцовской родовой организации народов Северной Сибири//Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.

⁵ См.: Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб, 1904. Т. 1; Тобольск, 1911. Т. 2, 3; Шухов И. Н. Р. Казым и ее обитатели//ЕТГМ. М., 1915. Вып. 26; Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев//Зап. РГО по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11. Вып. 1.

⁶ См.: Шатылов М. Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки//Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1911. Т. 4. С. 11.

⁷ Гурвич И. С. Соседская община и производственные объединения малых народов Севера//Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 403—404.

В. А. БУТАНАЕВ

Абаканский НИИ языка, литературы и истории

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ У ХАКАСОВ В XIX в.

На протяжении XIX в. в хозяйстве хакасов значительное место занимала охота. Она считалась чисто мужским занятием. По хакасскому обычаю женщинам запрещалось даже прикасаться к оружию. Юношей приучали к охоте с 15 лет; к 18 годам, когда нужно было платить албан (подать), они считались самостоятельными охотниками. В 1840-х годах в трех думах Минусинского округа насчитывалось 4103 чел., занимавшихся охотничьим промыслом. В конце XIX в. (1890 г.) охотой занималось только 1347 хакасских хозяйств, что составляло 20% от их общего числа¹

Первый промысел пушных зверей начинался в сентябре-октябре. В тайгу выезжали на лошадях с собаками лайками (пагырчан адай). Охотились в горах Кузнецкого Алатау и Западных Саян в основном на белок. Лайка выслеживала зверьков, загоняла на дерево и лаем сообщала хозяину о добыче. По официальным данным, в 1827 г. в четырех хакасских ведомостях насчитывалось 5753 охотничьи собаки² В конце ноября, после выпадения глубоких снегов, охотники возвращались домой. В это время они платили албан за вторую половину года. После уплаты ясака родовые князцы выдавали им боеприпасы: по килограмму пороха, свинца и т. д.

В конце декабря — начале января выходили в тайгу на второй сезон, длившийся до конца апреля³ В это время за Енисеем в Восточных Саянах добывали соболя. Отправлялись без коня и без собак, на лыжах, за собой тянули нарты (санах) с провизией. На одни нарты укладывали до 6 пудов груза (в основ-

ном продукты). Лыжи подбиты камусом, поэтому при подъеме в гору они не скользили назад. На них развивали большую скорость и могли догнать бегущего марала. О значении лыж для охотников свидетельствует следующая хакасская загадка: «Тага сыхса — талбас адым, талган пирзе — ч'бес адым, өөрге салза — к'стебес адым, өлене салза — оттабас адым» — «Если я на гору взойду, то мой конь не устанет, если дам талкан — то мой конь не будет есть, если в табун отпущу — то мой конь не заржет, если на пастбище отпущу — то мой конь не будет кормиться». Лыжи у хакасов сравниваются с конем.

Таежничать обычно уходили артелями (аргыс) из 4—5 чел. Охотники жили в одном балагане (одаг), запас продовольствия был общий, но порох и свинец у каждого свой. По обычаю всю добычу после охоты делили между участниками артели поровну (тин үлес).

Руководил артелью опытный охотник, называемый «одаг пазы». Он, как самый старший, спал в переднем углу (төр) балагана. В обязанности «одаг пазы» входило следить за порядком и дисциплиной в артели, получать от охотников всю дневную добычу, устраивать по случаю крупных успехов угощение («той»). Он отвечал за приготовление пищи. Утром и вечером члены артели питались в балагане из общего котла. На сутки охотник получал в паек один хурут (колобок из хакасских сырцов). Собакам для легкого бега давали по утрам один тохчак (колобок из талкана с маслом).

По представлению хакасов, таежные звери были скотом «горных хозяев». Охотники по вечерам в балагане играли на хомысе и рассказывали сказки. «Горные хозяева» любили слушать музыку и за предоставленное удовольствие посылали им добычу. В тайге нельзя было сильно радоваться удаче, жаловаться на свою участь, называть вещи своими именами и т. д. Добыча соболя торжественно отмечалась всей артелью. Делалось угощение «албагы тойы». Когда охотник набивал сотню блянок, отмечался праздник под названием «гунчух тойы» — праздник одной связки.

Охотились хакасы кремневыми ружьями (тыхтыг мылтых), заряжающимися со ствола. Произведя выстрел, снова отсыпали мерку пороха, забивали пыжи и пули. Поэтому каждый охотник имел снаряжение из мерки для пороха (ирелдей), натруски (тääр мууз'), формочки для выплавки пуль (халып) и т. д. Вплоть до XIX в. хакасы пользовались наряду с ружьями луком и стрелами. Г. Ф. Миллер отметил несколько видов стрел: «чибе» — боевая стрела с узким и длинным острым железным наконечником, «ах чаглык» — стрела для охоты на уток с железным наконечником в форме трезубца; «чаглык» — стрела с железным ши-

роким наконечником ромбической формы; «киик ох» — стрела с железным наконечником долотообразной формы; «соган» — стрела с деревянным, утолщенным наконечником для охоты на мелкого и ценного пушного зверька; «хундус атчан ох» — стрела с железным наконечником для охоты на бобра; «сыгда» — стрела с длинным и узким костяным наконечником для охоты на крупных зверей и птиц; «сырых» — стрела «свистунка» с железным наконечником ромбической формы, под которым был надет костяной полый шарик с двумя отверстиями, вследствие чего при полете она издавала свист. «Лоси, олени и козули останавливаются от этого свиста и внимательно прислушиваются, пока стрела не вонзится им в тело»⁴.

Хакасы использовали до 30 различных видов капканов и приспособлений для ловли зверей и птиц. На соболя охотились сетью «чип», длина которой достигала 30—50 м. Охотник по свежему следу находил укрытие (обычно каменные россыпи или валежник) и раскидывал сеть вокруг него. Затем соболя выкуривали дымом или ждали, когда он сам выскочит. Запутавшегося в сети зверька убивали тяжелой лыжной палкой. Таким способом за сезон добывали в среднем 3—5 соболей. В конце XIX в. стали применять железные капканы «хахпын», которые облегчили лов соболей. Капканы ставились в снегу под свежий след. Соболю, пробежав в одну сторону, обязательно возвращался след в след. Опытный охотник ставил по несколько десятков капканов, а затем ежедневно по «путику» ездил их проверять. Кроме того, на соболя ставили специальные плашки — «тахпай». Приманкой служила тушка белки. Продуктивность охоты была различной. Например, в 1832 г. по Сагайскому ведомству было добыто 1200 соболей, в 1885 г. — 457⁵.

В XVIII в. в Хакасии водились бобры (хундус). Хакасы специально разводили бобровые гнезда. Один бобер равнялся по цене 3 соболям. Не менее ценным считался мех выдры (хамнос). Одна выдра стоила 20 овец. Выдр и бобров ловили специальными сетями «пара» в виде длинных и узких вентилях с широкой горловиной. Считалось, что лучшие выдры водились по р. Оне в верховьях Абакана. Одежды из шкур соболя, бобра и выдры были только байским достоянием. Их шкурами платили албан и калым.

Для ловли диких коз на тропинках зверей (орых) вырывали специальные ямы «күрүп» или устанавливали самострелы — «ая»⁶. В июне, когда расцветал дикий пион, коз били на манок — «сымысхы». Звук манка напоминал голос детеныша. Услышав сымысхы, самка выбегала к охотнику. Осенью, как только желтели деревья, на горных переходах устраивались засады (сах). Несколько загонщиков шли в обход и своим шумом гнали коз в сторону охотника. Добыча делилась поровну между стрельцами и загонщиками.

На маралов охотились у солонцов «марачы». Рядом на дереве устраивали лабаз (пахпа), на котором ночью караулили зверей. Иногда делали ловушку — «хазаа». Для этого естественный солонец по кругу огораживался высоким частоколом. Входную дверь настораживали на чеку. Марал приходил на незнакомый солонец, проникал через дверь вовнутрь, но чека срабатывала и захлопывала дверь ловушки. Таким способом ловили маралов для срезания пантов (сыын мүүз'). Целебные панты очень ценились китайскими купцами и народами Саяно-Алтая.

Осенью, когда у маралов шел гон, охотились с помощью горна — «пыргы». Звуки его имитировали призывы самцов на поединок. Трубили в пыргы в сумерках, вечером и на рассвете. После удачной охоты звероловы, приближаясь к аалу, победно трубили в пыргы. Женщины и дети, услышав эти звуки, с радостью выходили встречать охотников.

В Саянских горах водилась кабарга. Охотились на нее при помощи специальной ловушки — «тис». По гребням гор, где были переходы кабарги, делались длинные загороди. В них оставляли узкие проходы, где ставились волосяные петли (хыл). Кабарга бежала вдоль загороди и, устремившись в проход, попадала головой в петлю. Ловили кабаргу из-за дорогостоящей мускусной железы — «хайыр», находящейся у самцов. Мускус очень ценился китайцами, монголами и другими народами Центральной Азии как лекарство. Еще в раннем средневековье восточные путешественники знали, что лучший в мире мускус добывался в стране кыргызов, т. е. в Хакасии⁷

На медведя охотились зимой, в январе, когда он спал в берлоге. Обнаруженное логово охотник метил своей тамгой. По хакасским законам другой человек не имел права прикоснуться к меченому месту. Охота на медведя сопровождалась сложными обрядами. Хакасы считали его братом человека. В силу религиозных запретов медведя нельзя было прямо называть «аба», а говорили иносказательно: «апчах» — старик, «аган» — дедушка, «хайрахан» — господин, «тир тон» — потная шуба и т. д.

Группа охотников с собаками отправлялась к найденному месту, каждый из них занимал свою позицию. Сначала в отверстие берлоги вставляли ветвистое дерево «сыгдаган» и привязывали его за ближайший ствол так, чтобы медведь не мог выйти. Один из охотников длинным шестом будил медведя. В этот момент самый старший охотник произносил заклинание: «Хыдыт чаазы килче, 'з'г'н пиктен чамас хара» — идет китайское войско, закрывай двери свои, «черная покорность». Магическими словами он как бы снимал подозрение медведя с хакасских звероловов. Разбуженный зверь в ярости хватал просунутое дерево «сыгдаган» и появлялся у загороженного входа. В этот момент ему стреляли

в голову. Убитого медведя свеживали на месте. Череп вешали на дерево. Ночью устраивали поминки «аба тойи» (медвежий праздник). По убитому медведю нарочно плакали и причитали со словами «абам ѳлд» — т. е. умер наш отец. Всю ночь не спали и рассказывали сказки под струны чатхана или хомыса⁸

Мелких зверей (барсук, горностаи, колонок, ласка и т. д.) ловили петлями (тузах) и черканами (иргей), которые обычно ностраживали у выхода из нор. На тропах этих зверей ставили петлю «чачыраас». Ее делали из белого конского волоса и привязывали за согнутый прутик. Когда зверек попадался в петлю, прутик разгибался и подвешивал тушку. Для того, чтобы заплатить полугодовой албан (3 руб.), сдавали 10 горностаев по цене 30 коп. за штуку⁹

Для ловли водоплавающей птицы ставили на воде петли («тузах»), натягивали над водой «пара». Приспособление «пара» имело вид большого вязаного сачка, отверстие которого растянуто через всю ширину речки. Плывущие по течению птицы попадали и запутывались в ней. Например, в 1826 г. Ф. Ачисов из аала Можары ставил на Белом озере для уток до 200 петель¹⁰

В степной части Хакасии существовала облавная форма охоты — «аб». Ее участниками становились все жители аала. В связи с этим бытовала пословица: «аал — кўнн'н абы п'р, аал — хончых тын хобы п'р» — у аальной общины единая облавная охота, у соседей единые сплетни. В XVIII в. облавная охота была подробно описана Г. Ф. Миллером. Он сам наблюдал, как 300—400 чел., среди которых были женщины и дети, верхом выезжали в степь. «Сначала они образуют линию, в которой один человек находится от другого на расстоянии 100 сажень. Затем оба крыла постепенно сближаются, а так как вся линия всадников непрерывно движется вперед, то получается круг, называемый по-хакасски «с'вее» (крепость.— В. Б.) Старшина охоты, избираемый всей охотящейся группой, едет впереди посередине. Ему подчинены еще два старших охотника, которые командуют правым и левым крылами. Как только оба крыла сомкнутся, со всех сторон поднимается громкий крик, и дичь начинает сбегаться... Старшина охоты с несколькими хорошими стрелками находится в середине круга, и они все время бьют дичь... Иногда они делают два круга в один день, иногда только один. При одном круге они идут вперед до 10 верст, прежде чем круг сомкнется. Вся убитая дичь сносится в одно место и делится поровну между всеми»¹¹

Таким образом, на охоте сохранялись общинные формы отношения. Охота была суровым и нелегким трудом. Недаром хакасы сложили пословицу: «Силы женщины забирают дети, силы мужчины забирает тайга».

- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала в конце XIX — начале XX в. Абакан, 1987.
- ² ЦГИА, ф. 1265, оп. 1, д. III, л. 3.
- ³ ГАХАО, ф. и—2, оп. 1, д. 585, л. 5.
- ⁴ Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Л., 1957. С. 184.
- ⁵ ГАХАО, ф. и—2, оп. 1, д. 109, л. 7, 9; д. 1937, л. 16.
- ⁶ Патачков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.). Абакан, 1958. С. 27—28.
- ⁷ Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951. С. 58.
- ⁸ ПМА.
- ⁹ ПМА.
- ¹⁰ ХНИИЯЛИ, рук. фонд, № 710.
- ¹¹ Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. С. 185—186.

И. В. БЕЛИЧ

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

ПРИРОДА В ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЯХ СИБИРСКИХ ТАТАР

(конец XIX — начало XX вв.)

В этнографической литературе обращалось внимание на необходимость изучения вопроса о влиянии экологических условий на хозяйство, материальную и духовную культуру татар-аборигенов Сибири¹. Наряду с решением проблем соотношения естественно-географической среды с традиционными типами хозяйства и материальной культуры сибирских татар, исследователями уделялось определенное внимание и вопросу отражения природы в их духовной культуре, в том числе и в религиозных верованиях². Однако многие стороны религиозного мировоззрения сибирских татар в указанном аспекте освещены еще недостаточно.

В статье мы остановимся на рассмотрении некоторых религиозных верований и обрядов сибирских татар, связанных с культом животных. В работе использованы в основном материалы этнографических экспедиций и практик студентов Омского университета (1976—1980 гг.) и Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (1981—1982 гг.)³, собранные среди тоболо-

иртышских (тюменских, тобольских, тевризских или курдакско-саргатских) и барабинских татар⁴.

Названные территориально-этнические группы сибирских татар расселены в южных районах Западно-Сибирской равнины, преимущественно в лесной (южно-таежной) и лесостепной зонах, экологические условия которых обусловили комплексное направление хозяйственной деятельности населения. Сочетание охоты, рыболовства, скотоводства и частично земледелия (мотыжного или пахотного ранней стадии) в XVII—XVIII вв. было характерным для всего тюркоязычного населения указанного региона, причем у тобольских, тюменских и барабинских татар охота и рыболовство играли значительную роль, нередко являясь основными отраслями⁵. Несмотря на то, что в конце XIX — начале XX вв. основная часть татарского населения утратила традиционные черты своего хозяйства, «...охота и рыболовство сохранили большое значение в жизни некоторых групп тобольских татар, живущих по берегам озер тюменских татар, у населяющих иртышский бассейн тарско-тевризских татар, соседящих с ними барабинцев»⁶.

Известно, что промысловая деятельность, являясь сферой перекрещивания рациональных и иррациональных знаний человека об окружающем мире, способствует сохранению реликтов ранних форм религиозных представлений и культов⁷. Длительное преобладание промысловых отраслей в хозяйственно-культурном комплексе сибирских татар наряду с другими факторами обусловило, во-первых, переплетение, особенно на обыденно-религиозном уровне сознания мусульманской догматики с доисламскими верованиями (мусульманско-языческий синкретический комплекс)⁸, во-вторых, продолжительность периода «внедрения» ислама среди разных сибирско-татарских этнических групп (ислам начал распространяться в Западной Сибири с XIV в., а наиболее интенсивно со второй половины XVI в., мусульманизация сибирских татар была завершена в конце XVIII — начале XIX вв.⁹).

В религиозных представлениях сибирских татар, связанных с животным миром, сохранились довольно архаичные мифы, поверья и обряды, восходящие к ранним формам религиозного сознания, когда человек еще не выделял себя из природы. Характерной чертой такого уровня развития первобытного мышления является то, что в своей практической деятельности человек основывался в объяснении окружающего мира на накопленных знаниях о самом себе¹⁰. Причем «анalogии с самим собой у первобытного человека рождались... не для объяснения сущности природных явлений в целом, а для ориентировки в непосредственном окружении — в предметах и явлениях, окружающих его, притом не только территориально, но и функционально»¹¹.

В религиозных представлениях сибирских татар животные на-

делялись сверхъестественными свойствами. Считалось, например, что звери и птицы могли понимать человеческую речь. Поэтому, отправляясь на промысел, охотники старались не говорить об этом вслух. Наиболее устойчивым и распространенным был запрет говорить о предстоящей охоте на медведя. Тобольские и барабинские татары заменяли настоящее название зверя — «аю» подставным — «яр колак бабай» (букв. «старик-земляное ухо»). Кстати, поверья о способности медведя слышать из-под земли существовали и у других народов Сибири — якутов, тувинцев, хакасов, алтайцев. «Телеутское выражение — «ерь кулакту», — пишет Н. А. Алексеев, — буквально означает «медведь имеет земляное ухо»¹².

Некоторые верования и обряды сибирских татар, связанные с животными, имели магический характер. Так, барабинцы при свеживании соболя, лисицы, колонка и других промысловых зверей отрезали кусочки их шкурок и хранили, как амулет, в специальном мешочке для обеспечения удачи на охоте. К числу магических следует отнести запрет барабинских татар употреблять в пищу глаза животных, которые закапывались в землю в «чистом» месте.

Магическими свойствами сибирские татары наделяли отдельные органы животных, которые использовались в качестве оберегов или в знахарской практике. По материалам В. В. Храмовой, татары «для защиты от молнии, грома, злых духов, болезней на шее носили амулеты: медвежьи клыки и когти. Амулеты подшивались и к детским колыбелям»¹³. Подобные обереги, пишет Ф. Т. Валеев «...были широко распространены в селениях так называемых заболотных татар, проживающих в Тобольском районе Тюменской области, а также среди татар Тевризского, Усть-Ишимского, Колосовского районов Омской области»¹⁴. По данным И. И. Авдеева и И. П. Струковой, среди тобольских и тюменских татар «особенным распространением, как амулет, пользуются медвежьи клыки и когти... их часто подвешивают к детским колыбелям»¹⁵.

В качестве оберегов использовались также когти рыси, росомахи, орла. К детским головным уборам барабинцы пришивали «от сглаза» заячий хвост, а хвост тетерева с этой же целью прикрепляли к детским колыбелям. Тюменские татары «от шайтанов» к стене дома прибавляли хвост рыси. Когти рыси использовались и при «лечении» нарывов: ими обводили больные места. Барабинские татары считали, что поглаживание медвежьим когтем помогает при лечении кожных заболеваний домашних животных; мастит у скота «излечивался» тем же способом при помощи лосиных копыт. Для предохранения лошадей от сибирской язвы тобольские татары пришивали к уздечке шкуру барсука.

Среди лечебных леканов сибирских татар известно изображение лягушки. У барабинцев больному диареей давали выпить воду из чашки, на дне которой была изображена лягушка. Рисунок, как правило стилизованный, наносился растительной краской или углем и, при заполнении чашки водой, растворялся в ней. Тюменские татары аналогичным способом «лечили» грыжу.

Пережитки почитания животных сохранились у сибирских татар и в некоторых представлениях о змеях. Например, по поверьям барабинцев, змея-альбинос — «ак елан» (букв. «белая змея») является главой всех змей. Встретить «ак елан» удавалось крайне редко, но увидевший ее вскоре якобы становился богатым. Используемые барабинцами в качестве оберегов раковины каури носят названия «елан баш» (букв. «змеиная голова»).

Верования сибирских татар, касающиеся птиц, также отражают довольно архаичные представления о животном мире. У разных территориально-этнических групп сибирских татар существовал запрет убивать лебедя. Считалось, что лебеди, как и люди, живут парами, и если убить одного из них, второй проклянет охотника и его семью. У тюменских татар, по данным Ф. Т. Валеева, существовал культовый запрет убивать журавля¹⁶.

По преданиям тюменских и барабинских татар, кукушка прежде была женщиной. В одном из этиологических мифов барабинцев говорится: «Одна женщина пришла домой усталая и попросила своих дочерей сварить обед, но они не послушались. Тогда мать сказала: «За то, что вы меня не послушались, я обращусь в кукушку». Только она это проговорила, как тут же обратилась в кукушку. Она успела надеть на правую ногу только один ату (сапожок.— *И. Б.*), да так и осталась в одном. Ату красный был, поэтому у кукушки одна лапа красная, а другая черная»¹⁷

У барабинских татар считалось запретным убивать ласточку, однако объяснение этого обычая ныне уже забыто. Тем не менее упоминание о ласточке нередко встречается в мифологии сибирских татар, где она обычно выступает спасительницей людей. «Потом Нух (библ. Ной.— *И. Б.*) отправил комара узнать, чья кровь на земле самая сладкая, чтобы разрешить змее пить ее. Комар долго летал. Перепробовав кровь всех животных, нашел, что самая сладкая кровь у людей. Напившись человеческой крови, комар возвратился обратно. Ласточка подумала, что сделать, чтобы людям не повредили. Она полетела навстречу комару и спросила, чья кровь на земле самая сладкая. Тот ответил, что самая лучшая — человеческая кровь. Ласточка попросила попробовать, и, когда комар открыл рот, откусила ему язык. Возвратился комар к Нуху, но ничего сказать не смог, а только жужжал. Тогда ласточка сказала, что комар, наверное, так ничего и не узнал,

но по дороге он ей все же похвастал, что самая сладкая кровь на земле — это кровь черепахи. Догадавшись о хитрой проделке ласточки, змея в гневе бросилась на нее и раскусила ей хвост на две части. Поэтому у ласточки с тех пор хвост рассечен надвое»¹⁸.

Реликты тотемизма в верованиях сибирских татар сохранились весьма фрагментарно, зачастую о них можно говорить лишь гипотетически. Среди тугумов¹⁹ сибирских татар представляют интерес в этой связи некоторые, вероятно, древние названия отдельных тугумов, связанные с животными. Например, «аю-тугум» — медвежий род, «цаплай-тугум» — гагарий род, «юша-тугум» — олений род, «торна-тугум» — журавлиный род, «аккош-тугум» — лебединый род («заболотные» татары)²⁰; «бурсук-тугум» — барсучий род, «аккош-тугум» — лебединый род, «курты-тугум» — налимий род, «аю-тугум» — медвежий род (тобольские татары)²¹; «саусхан-тугум» — сорочий род, «бури-тугум» — волчий род, «аю-тугум» — медвежий род, «бурсык-тугум» — барсучий род (тюменские татары)²²; «карга-тугум» — гагарий род, «аю-тугум» — медвежий род, «ыт-тугум» — собачий род, «аккош-тугум» — лебединый род (барабинские татары)²³.

По мнению Ф. Т. Валева, «не все роды или родственные группы, носящие названия животных или птиц, можно отнести к тотемизму или к его пережиткам»²⁴. Согласно полевым этнографическим материалам, собранным в последние годы, допустимо предположение о существовании в прошлом у сибирских татар *двух тотемов — медведя и лебедя*. Выше уже отмечалось сохранение в разных группах сибирских татар запрета убивать лебедей, связанного со «способностью» этих птиц насыщать на людей магическое проклятие. По верованиям барабинцев, убийство лебедя могло привести к смерти всего рода. Тюменские татары считали, что лебедь «тоже из человека превратился, стрелять и есть их нельзя». Кроме того, в представлениях барабинских татар лебедь ассоциировался с человеческой душой.

В представлениях сибирских татар о медведе, часто вторичных, переосмысленных, также обнаруживаются пережитки древнейших тотемистических верований. Среди тугумных названий тевризских татар имелся «аю-тугум» — медвежий род. По преданиям старожилов (с. Утузы Тевризского района Омской области), тугум Хакимовых ведет свое происхождение от медведя. «Говорят, что когда бабушку Хакимовых украл медведь. Некоторое время она жила в лесу. Потом, когда у нее родились дети, стали считать, что они от медведя. С тех пор всех ее потомков называют «аю-тугум»²⁵. В фольклоре сибирских татар довольно широко распространены легенды о похищении медведем женщины, у которой затем рождались дети, наполювину похожие на медведя.

Тюменские татары считали, что медведь был когда-то человеком,

и хотя убивать зверя разрешалось, мясо его в пищу не употребляли. Тобольские татары также не ели медвежье мясо, объясняя это тем, что «если с убитого медведя снять шкуру, то он очень похож на человека». Барабинские татары в прошлом, говоря о медведе, называли его «улу атай» («старший, большой отец»), «бабай» («старик»), «агай» («братец»). Считалось, что женщинам при внезапной встрече с медведем следовало обнажить грудь и сказать: «Тебя тоже этой грудью кормили, не трагай меня», после чего медведь будто бы «стеснялся» и уходил.

В верованиях сибирских татар о происхождении животных, а также человека отразилось их дуалистическое мировоззрение. В связи с этим заслуживает внимания миф барабинских татар о происхождении жизни на земле, согласно которому наряду с верхним светлым божеством Кудаем, считавшимся творцом человеческого тела и животных, в верхнем мире пребывает Донья башлык (буквально «Вселенская старуха»), которая «начала жизнь, людям, животным и на секомым она раздала души. Это огромная старуха. Одна губа ее достает до неба, а другая до земли. Одета она в 99 платьев»²⁶

У отдельных групп сибирских татар существовали поверья, по которым забота о приплоде скота принадлежала духам-покровителям. По данным Ф. Т. Валеева, для избавления домашних животных от бесплодия тарские татары подавали милостыню (садака), посвятив ее духу Пэша она (духу матери Пэши)²⁷

Таким образом, своеобразие естественно-географической среды оказывало существенное влияние на религиозное мировоззрение сибирских татар, способствовало сохранению традиционных доисламских верований и культов, которые в условиях преобладания в конце XIX — начале XX вв. у некоторых территориально-этнических групп татар промыслового хозяйства служили наиболее «надежным» средством для обеспечения продуктами охоты, рыболовства, а также других видов хозяйственной деятельности.

Любопытно, что у сибирских бухарцев (узбеков, таджиков, некоторых других народов), переселившихся в районы расселения сибирских татар в XVI—XVIII вв. и оказавшихся в новых экологических условиях, произошли значительные изменения не только в хозяйстве и материальной культуре, но и в религиозных верованиях. По заключению Ф. Т. Валеева, «в верованиях бухарцев, кроме известных многим тюркским народам различных духов, появились новые духи, заимствованные у аборигенов Сибири и прежде всего у сибирских татар. Таковы, например, существовавшие в представлениях тобольских татар злые духи Мэцкэй, дух «нечистых» покойников (лиц, занимавшихся при жизни ворожбой, колдовством), атцыс (от древнетюркского атсиз, т. е. «без имени»), эямэце и др.»²⁸

Представления о природе в верованиях бухарцев также были во многом заимствованы у сибирских татар (например, представления

о зооморфных духах — «хозяевах», элементы промысловой магии, обереги и ряд других), однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валеев Ф. Т. Изменения в материальной и духовной культуре бухарцев в экологических условиях Западной Сибири//Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 133.

² Валеев Ф. Т. О религиозных представлениях западносибирских татар//Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 320—332; Богомолов В. Б. Основные направления развития орнамента барабинских татар в XIX — начале XX вв.//Особенности естественно-географической среды. С. 133—135; Баширова З. А. Природа в религиозных представлениях сибирских татар//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 87—89.

³ Материалы этнографических экспедиций хранятся в Музее археологии и этнографии Омского университета (в дальнейшем МЭЭОмГУ 1976—1980 гг.) и в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (в дальнейшем МЭЭТобГПИ 1981—1982 гг.).

⁴ Подробнее об этнической структуре сибирских татар см.: Томилов Н. А. Этническая дифференциация тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири. Омск, 1979. С. 144—148; Он же. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

⁵ Томилов Н. А. Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири//Особенности естественно-географической среды... С. 122.

⁶ Там же. С. 122—123; см. также: Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары. Казань, 1980. С. 70, 88—91; Храмова В. В. Заболотные татары//ИВГО. 1950. Т. 82. Вып. 2.

⁷ Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 82.

⁸ Катапов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири//ЕГТМ. 1905. Вып. 4. С. 19—22; Он же. Предание тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер//ЕГТМ. 1897. Вып. 7. С. 51—52.

⁹ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1983. С. 240; Бараба (историко-статистические, этнографические и экономические очерки)//Сибирский вестник. 1893. № 53. С. 3; Бартольд В. В. Бараба//Собр. соч. М., 1965. Т. 3. С. 366.

¹⁰ Крывелев И. А. История религий. М., 1975. Т. 1. С. 23.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 118.

¹³ Храмова В. В. Западносибирские татары//Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 484.

¹⁴ Валеев Ф. Т. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар//Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 247.

¹⁵ Авдеев И. И., Струкова И. П. Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк)//Рукописный фонд библиотеки Тобольского музея-заповедника (инв. № 902—7, л. 22).

¹⁶ Валеев Ф. Т. Западносибирские татары. С. 201.

¹⁷ МЭЭОмГУ 1978, полев. опись № 36—1, л. 48.

¹⁸ Там же. Л. 105—106.

¹⁹ По мнению Н. А. Томилова, тугумы «...относятся к группам родственных семей, в основном патронимического характера, но часть их по происхождению

является, видимо, родоплеменной номенклатурой». См.: **Томилов Н. А.** Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар//Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 90.

²⁰ **Еремин Г. И.** Домусульманские верования «заболотных» татар Западной Сибири//Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 424—425.

²¹ МЭЭТобГПИ 1982, полев. опись № 1, л. 29.

²² МЭЭОмГУ 1979, полев. опись № 6, л. 3, 12, 48.

²³ **Томилов Н. А.** Новые материалы... С. 90—91.

²⁴ **Валеев Ф. Т.** Западносибирские татары. С. 202.

²⁵ МЭЭПОмГУ 1976, карт. № 624.

²⁶ МЭЭОмГУ 1980, полев. опись № 1, л. 33, 50.

²⁷ **Валеев Ф. Т.** Западносибирские татары. С. 203.

²⁸ **Валеев Ф. Т.** Изменения в материальной и духовной культуре бухарцев... С. 132.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВГО — Всесоюзное Географическое Общество
ВИ — Вопросы истории
ГАХАО — Государственный архив Хакасской автономной области
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ЗСО РГО — Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества
ИВГО — Известия Всесоюзного Географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МЭЭ ОмГУ — Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
МЭП ОмГУ — Материалы этнографической практики Омского государственного университета
МЭЭ ТобГПИ — Материалы этнографической экспедиции Тобольского государственного педагогического института
ПМА — Полевые материалы автора
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды института этнографии
ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
-

СОДЕРЖАНИЕ

Фильчаков Е. Г. Гончарные традиции древнего населения бассейна р. Конды	3
Глушков И. Г. О южных связях поселения Самусь IV	12
Молодин В. И., Бородовский А. П. Костяные игольники эпохи бронзы с «гофрированным» орнаментом	31
Соболев В. И., Панфилов А. Н., Молодин В. И. Кротовский могильник Абрамово-II в Центральной Барабе	37
Мартынов С. В. Хронология и периодизация типов посуды железного века Среднего Енисея	51
Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа	60
Васильев В. И. К этнической характеристике населения западносибирской лесостепи в первые века н. э.	75
Масанов Н. Э. Принцип дисперсного состояния как всеобщий принцип жизнедеятельности кочевого общества	83
Головнев А. В. К истории ненецкого оленеводства	94
Мартынова Е. П. Охотничий промысел южных хантов в XVIII—XIX вв.	109
Перевалова Е. В. Хозяйственные объединения хантов в конце XIX — начале XX вв.	119
Бутанаев В. Я. Традиционные способы охоты у хакасов в XIX в.	128
Белич И. В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар (конец XIX — начало XX вв.)	133
Список сокращений	141

**КУЛЬТУРНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ
НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Межвузовский сборник научных трудов

Темплан 1989 г., поз. 66

Редактор В. Я. Тихонова

Технический редактор О. А. Осинцева

Художник обложки А. А. Заплавный

Сдано в набор 26.05.89 г. Подписано к печати 30.10.89 г. Формат бумаги 60×84/16. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Уч. изд. л. 10. Усл. п. л. 9. Тираж 1000 экз. Заказ 55. Цена 1 р. 50 к.

Пединститут, г. Новосибирск, 126. Вилюйская, 28
Полиграфкомбинат, г. Новосибирск, Красный проспект, 22

